

А.В. СУШКОВ

ИМПЕРИЯ ТОВАРИЩА КАБАКОВА

УРАЛЬСКАЯ ПАРТНОМЕНКЛАТУРА В 1930-Е ГОДЫ

А.В. СУШКОВ

ИМПЕРИЯ ТОВАРИЩА КАБАКОВА

УРАЛЬСКАЯ ПАРТНОМЕНКЛАТУРА В 1930-Е ГОДЫ

Екатеринбург
Универсальная Типография
«Альфа Принт»
2019

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. Трофимов
кандидат исторических наук О.Н. Калинина
кандидат исторических наук С.Л. Разинков

Сушков А.В.

С 917 Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы / А.В. Сушков. - Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. - 292 с. : ил.
ISBN 978-5-907080-84-3

В монографии на основе архивных документов рассмотрены повседневная жизнь и управленческие практики партийно-государственной номенклатуры Урала и Свердловской области в 1930-е годы, во времена правления И.Д. Кабакова. Пользуясь доступом к бюджетным средствам, к продовольственным и материальным ресурсам, уральская партноменклатура вела роскошную, барскую жизнь, в то время когда население региона испытывало голод и нужду. Коррупционные взаимоотношения руководителей партийно-государственных структур и руководства ряда промышленных предприятий способствовали срыву планов строительства важных промышленных объектов и тяжёлому материально-бытовому положению рабочих. Региональное начальство лишь на словах демонстрировало приверженность политическим преобразованиям Сталина и другим установкам верховной власти, но в действительности оказывало молчаливо-упорное сопротивление в их реализации по той причине, что эти преобразования ограничивали всевластие региональной партноменклатуры, угрожали её материальному благополучию и стабильности.

Книга адресована историкам, политологам, общественным деятелям, преподавателям и студентам, всем интересующимся политической историей СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тишину раннего майского утра в центре Свердловска разорвал выстрел, прозвучавший в одной из квартир на улице 8 Марта, 2 – знаменитом Втором доме советов, где проживали члены областного руководства. Пулю в лоб себе пустил высокопоставленный обкомовский чиновник – второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б), член Комиссии партийного контроля при ЦК партии Константин Фёдорович Пшеницын. Случилось это 23 мая 1937 года, на второй день работы беспрецедентного пленума областного комитета партии. Пленум в присутствии члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Андреевича Андреева громил областную властную верхушку, перед которой совсем недавно трепетал любой местный сановник.

В первый день работы пленума 22 мая местный истеблишмент был шокирован новостью, прозвучавшей из уст А. А. Андреева. Ближайший соратник Сталина зачитал решение высшего органа власти в СССР - Политбюро ЦК ВКП(б) – о выводе первого секретаря Свердловского обкома и Свердловского горкома ВКП(б) Ивана Дмитриевича Кабакова из состава членов ЦК ВКП(б) и исключении из партии за принадлежность к так называемому «контрреволюционному центру правых». В отличие от рядовых участников заседания, для Пшеницына эта новость не явилась громом посреди ясного неба, его по телефону уже проинформировали о последних событиях, случившихся в Москве с его непосредственным начальником.

С тех пор как Константин Фёдорович узнал о смещении Кабакова со всех постов и аресте, он лишился покоя. Второй секретарь обкома не находил себе места, нервничал, беспрестанно терзался мыслью, как он, член цековской комис-

сии партконтроля, не разглядел в Кабакове и его ближайшем окружении вредителей и диверсантов, беспрестанно клял себя за политическую слепоту и ротозейство¹.

Выйдя на трибуну областного партплenumsа, Пшеницын сразу же решительно отмежевался от Кабакова, назвал его величайшим двурушником, предателем, врагом народа и контрреволюционером, каялся, что не противостоял его «антипартийным» действиям, и признал своей политической ошибкой, что не принял «...всех необходимых мер для того, чтобы по-большевистски выкорчевать оставшиеся ещё не выкорчеванные вредительские силы правых и троцкистов»². Нечёткие, путанные формулировки, сбивчивая речь второго секретаря обкома свидетельствовали о плохо скрываемом волнении. К тому времени на Старую площадь из НКВД уже поступили показания об участии Пшеницына в «троцкистской контрреволюционной организации» в период его работы секретарём Приморского обкома ВКП(б) в 1933-1934 годах. Но об этом Константин Фёдорович, вероятнее всего, не догадывался, однако вполне мог предположить, что после ареста Кабакова ему грозят, по крайней мере, обвинения в «политической близорукости». Полученная телеграмма с вызовом в ЦК для решения вопроса о его дальнейшей работе также свидетельствовала о фактически уже состоявшемся смещении с поста второго секретаря обкома партии³. Аналогия с Кабаковым, вот так же выехавшим в Москву и обратно уже не вернувшимся, напрашивалась сама собой.

Желающих выступить на пленуме обкома, вылить свой ушат грязи на Кабакова, перед которым ещё недавно заискивали, и одновременно попытаться обелить себя оказалось немало, и потому работа пленума была продлена на следующий день – 23 мая. Принимать участие во втором дне работы пленума Пшеницын не предполагал, т. к. на утро 23 мая запланировал свой выезд в Москву³.

Но заседание пленума обкома только усилило его тревожное состояние. Проведя бессонную ночь, беспрестанно обдумывая сложившуюся ситуацию и возможные для себя последствия, доводя себя до глубокого отчаяния, Констан-

тин Фёдорович уже под утро решил свести счёты с жизнью, предварительно изложив свои мысли и чувства в письме⁵. Своё последнее обращение он адресовал XV пленуму Свердловского обкома ВКП(б) и начал словами: «Я не враг народа».

В оставленной записке Пшеницын клялся, что был и оставался до последних минут своей жизни большевиком, «ленинцем-сталинцем», и всегда боролся против троцкистов и «правых». Обвиняя себя в политической слепоте и ротозействе, он пояснял, что видел в арестованном Кабакове «бюрократа, самодура, зажимщика самокритики, зазнайку, “местного вождя”, питающегося подхалимством и угодничеством», но вместе с тем «проглядел» в нём, а также в арестованном бывшем втором секретаре Свердловского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецове двурушничество, не разглядел «их лицо вредителей, диверсантов, провокаторов», чем не оправдал высокое звание члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и признал, что ему после этого «нет места в партии». Пожелав «быстрейшей ликвидации последствий кабаковского вредительства», Пшеницын заключил: «Ухожу с мыслью о любви и беззаветной преданности нашему Великому родному Сталину»⁶.

Последнюю точку в письме Пшеницын поставил в пять часов пятьдесят минут утра, после чего выстрелил себе в голову⁷.

Случай самоубийства среди руководящих работников области том году был уже не первым. В апреле тем же способом покончил с собой сосед Пшеницына по дому, бывший заведующий отделом пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б), член бюро обкома партии Николай Анисимович Узюков – орденоносец, делегат нескольких партийных съездов, в прошлом работавший в руководстве ряда регионов страны и даже некоторое время возглавлявший сектор ЦК ВКП(б)⁸. Однако Узюков, в отличие от Пшеницына, на момент самоубийства уже был лишён всех руководящих должностей, а потому смерть действовавшего второго секретаря обкома партии и к тому же члена Комиссии партийно-

го контроля при ЦК ВКП(б) вызвала особый резонанс в области.

В продолжившихся утром 23 мая прениях по докладу А.А. Андреева уже прозвучали три выступления, когда слово взял утверждённый накануне исполняющим обязанности первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Абрам Яковлевич Столяр. Новый глава области сообщил присутствовавшим о самоубийстве Пшеницына, назвав его поступок «возмутительной демонстрацией», желанием уйти от ответственности, и сделал вывод, «...что совесть человека была не чиста, что человек имеет за собой тяжкую вину перед партией». Явно неудовлетворённый краткостью сообщения Столяра, Андреев прокомментировал самоубийство Пшеницына в более резких тонах, констатируя, что тем самым Пшеницын подтвердил своё участие в «троцкистской контрреволюционной организации» на Дальнем Востоке и «...доказал этим выстрелом, что он заодно с Кабаковым работал, боялся предстать перед следственными органами разоблачённым врагом советской власти»⁹. При этом предсмертное обращение Пшеницына к пленуму обкома партии обнаружено не было.

В ближайшие месяцы после ареста Кабакова и самоубийства Пшеницына будет репрессирован практически весь состав обкома ВКП(б) и облисполкома, а вместе с ними управленческий корпус городского и районного уровней. У многих оказавшихся в застенках НКВД бывших работников партийно-государственного аппарата, включая Кабакова, не раз возникнет повод позавидовать Пшеницыну, не пережившему изгнание из партии, не испытывавшему мучительных физических истязаний, добровольно и мгновенно ушедшему из жизни.

Почему Сталин пошёл на физическое уничтожение хорошо знакомых ему руководителей Свердловской области, а вместе с ними всего регионального партийно-государственного аппарата? Ведь всего полтора года назад, в конце 1935-го, Кремль высоко оценил заслуги главных областных начальников - первого секретаря обкома И.Д. Кабакова и предсе-

дателя облисполкома В.Ф. Головина, - наградив обоих орденами Ленина. «За выдающиеся успехи в области сельского хозяйства и промышленности и за перевыполнение государственных планов по сельскому хозяйству», — цитировала «Правда» постановление ЦИК СССР о присвоении высоких государственных наград¹⁰.

А ещё двумя годами ранее, в начале 1934-го, И.Д. Кабаков был удостоен места в президиуме главного партийного форума страны - XVII съезда ВКП(б), откуда он бок о бок с кремлёвскими вождями по-хозяйски взирал на зал, заполненный почти двумя тысячами «не последних людей» Советского Союза. Высокое положение во властной иерархии свердловского секретаря подчёркивалось и тем обстоятельством, что когда при формировании президиума съезда из уст малоизвестного ещё в то время первого секретаря Московского горкома ВКП(б) Н.С. Хрущёва прозвучала его фамилия, зал встретил её аплодисментами. Чего удостоились не все члены съездского президиума. К примеру, фамилии первых секретарей Закавказского крайкома ВКП(б) Л.П. Берии и Горьковского крайкома А.А. Жданова (последний после съезда был утверждён секретарём ЦК ВКП(б)) делегаты проигнорировали¹¹.

В Свердловске не были секретом неформальные отношения Кабакова с кремлёвским вождём, коими в кулуарах перед местным истеблишментом любил побравировать Иван Дмитриевич. Секретарь обкома не без удовольствия делился с ошеломлёнными слушателями, как ему по каким-либо вопросам довелось переговорить со Сталиным, как вождь сказал ему то-то и то-то¹². А поговорить было о чём, ведь Урал в то время превращался в мощный индустриальный центр.

Но как могло случиться, что обласканный самим Сталиным, вхожий в высокие кремлёвские кабинеты, удостоенный высшей советской награды, наделённый огромными властными полномочиями свердловский секретарь в 1937-м был отдан на растерзание энкавэдэшным палачам? Почему многочисленные работники местных властных структур и руко-

водители предприятий были осуждены и либо также расстреляны, либо отправлены на длительные сроки в лагерь?

Принято считать, что все репрессированные в то время руководители властных структур и управленцы-хозяйственники пострадали незаслуженно, были наказаны по надуманным обвинениям, явились невинными жертвами сталинского тоталитарного режима. Однако опираются ли эти утверждения на фундаментальную источниковую базу, что говорят по этому поводу архивные документы той эпохи? Сразу отметим, что речь не идёт о следственных делах, появившихся в результате проведения органами НКВД следственных действий, – делах, требующих сложных методик проверки достоверности и крайней осторожности при использовании.

В последние десятилетия историкам стали доступны огромные массивы документальных архивных материалов, проливающих свет на политические события на Урале в 1930-е годы. Процесс расширения документальной базы не прекращается и в настоящее время, перед исследователями открываются всё новые и новые документальные комплексы. В частности, в Центре документации общественных организаций Свердловской области (бывшем Партийном архиве Свердловского обкома КПСС) рассекречен богатейший фонд Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области, в котором содержатся материалы проверок региональных и местных органов власти, многочисленных хозяйственных организаций и учреждений. В документах этого фонда нашли отражение практически все сферы жизни региона в 1930-е годы, и исследователям ещё только предстоит изучение этого огромного и весьма информативного документального массива. Однако следует заметить, что даже те фонды, которые стали доступными в начале 1990-х годов, пока ещё недостаточно изучены профессиональными историками. Особенно это касается документов городских, районных и низовых партийных структур. Ограниченная, неполная источниковая база, в свою очередь, негативно сказывается на достоверно-

сти выводов, к которым приходят историки в своих исследованиях.

В настоящей работе предпринята попытка на основе архивных документов рассмотреть повседневную жизнь и управленческие практики партийно-государственной номенклатуры Урала и Свердловской области в 1930-е годы, во времена правления И.Д. Кабакова. Основу источниковой базы составили документы, находящиеся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области. Использованы также документы Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива административных органов Свердловской области.

Цитаты из документов приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Стилистически неправильно построенные фразы воспроизведены полностью и без оговорок. В выдержках из стенограмм сокращения расшифрованы, за исключением аббревиатур. Имеющиеся сокращения в других документах (решениях и постановлениях различных органов власти, письмах, служебных записках и прочих) сохранены.

Фотодокументы, размещённые на вклейке, находятся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области, Государственном архиве Свердловской области, Российском государственном архиве социально-политической истории, Музее истории Уралмашзавода.

Настоящая монография появилась во многом благодаря помощи архивистов, коллег и друзей. Хотелось бы выразить искреннюю признательность сотрудникам архивов за оказанное содействие в подготовке книги: Е.И. Ярковой, А.А. Гагарину, В.В. Каплюкову, А.А. Пысину, А.С. Юланову, Е.Н. Григорьевой, В.А. Сваловой, Е.В. Кирсанову, К.А. Першину, О.А. Колчиной, Н.М. Узких, М.И. Китаевой и К.В. Васильеву (Центр документации общественных организаций Свердловской области); Л.А. Лыковой и В.Н. Шепелёву (Российский государственный архив социально-политической исто-

рии). Особая благодарность за большую помощь в проведении исследовательской работы и подготовке монографии, за конструктивные деловые замечания и пожелания – кандидату исторических наук, заместителю директора – главному хранителю фондов ЦДООСО Елене Ивановне Ярковой.

Большую помощь на стадии подготовки и обсуждения работы оказали коллеги, кандидаты исторических наук С.А. Пьянков, Н.А. Михалёв, А.Э. Беделёв и Н.В. Мельникова. За ценные замечания автор признателен рецензентам: доктору исторических наук А.В. Трофимову, кандидатам исторических наук О.Н. Калининой и С.Л. Разинкову.

Глава I

«Кадры решают всё!»

Изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров наряду с перестройкой деятельности комитетов ВКП(б) в соответствии с требованиями устава партии и «основами внутрипартийного демократизма» (развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов всех уровней, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами», активизация этих самых масс и т. д.) явились ключевыми элементами реформирования И.В. Сталиным советской политической системы в 1937 году.

«Кадры решают всё!», — озвучил Сталин лозунг в своей знаменитой речи в Кремле на выпуске академиков Красной Армии в мае 1935-го и призвал уделять больше внимания работе с кадрами¹. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Сталин потребовал подбирать кадры не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям, а по деловым признакам. В качестве отрицательного примера он привёл кадровую политику первого секретаря Казахского крайкома ВКП(б), бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Левона Исаевича Мирзояна. Мирзоян, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей, дружков из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате, создал группу лично ему преданных людей. «Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, — говорил Сталин с трибуны пленума ЦК, — а выдви-

гай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что – что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? Что значит таскать за собой целую группу приятелей с Урала, которые также коренным образом не связаны с Казахстаном? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»².

Но Мирзоян проигнорировал требования Сталина и продолжал расставлять на ключевых постах «своих людей». В подтверждение этому Сталин зачитал список, состоящий почти из двух десятков фамилий руководящих работников Казахстана, кто ранее работал в Азербайджане и на Урале. Сидевший в зале Мирзоян, вместо того, чтобы признать допущенные кадровые ошибки либо, по крайней мере, промолчать, начал пререкаться со Сталиным по поводу лишь одной из прозвучавших фамилий – заместителя председателя казахстанского Госплана Баранова: «Никогда он не был со мной». — «Баранова мы же знаем», – спокойноотреагировал глава государства и продолжил перечислять привезённых Мирзояном чиновников.

«Ну на что это похоже? Разве можно так подбирать людей? – возмущался Сталин. – К чему это ведёт, что тут хорошего может быть? – я вас спрашиваю. Я ведь предупреждал товарища Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты. Но он надеется, что раз они ему преданы, они вечно будут с ним работать. А если его не станет там?»³

Следом Сталин за подбор «лично преданных людей» раскритиковал первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б) А.Р. Вайнова и покойного члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе. «Так подбирать людей не годится», – наставлял Сталин. И в заключение предупредил: «Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный ме-

тод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно»⁴.

Как реагировали на установки Сталина региональные первые секретари, заседавшие на пленуме ЦК партии, мы можем представить на примере свердловского секретаря Ивана Дмитриевича Кабакова. Кабаков присутствовал на пленуме ЦК, выступал, клялся в приверженности линии Сталина и вместе со всеми проголосовал за резолюцию пленума⁵. Наверное, по возвращении в Свердловск Кабаков, «засучив рукава», тотчас принялся за реализацию указаний главы государства?

Среди местной партноменклатуры не было секретом, что второй секретарь Свердловского городского комитета ВКП(б), иначе говоря – заместитель первого секретаря горкома И.Д. Кабакова, занимает особое положение в областной властной иерархии. В кресле второго секретаря «столичного» горкома сидел выдвиженец Кабакова, его давний приятель по совместной работе в Туле Михаил Васильевич Кузнецов (во второй половине 1920-х Кузнецов работал заместителем ответственного секретаря Тульского губкома ВКП(б) И.Д. Кабакова и одновременно заведовал орготделом губкома, то есть занимал вторую позицию в губернском руководстве). Кабаков затребовал Кузнецова на Урал в 1933 году, когда тот учился в Москве на втором курсе Историко-партийного института красной профессуры, назначил его первым секретарём горкома в Нижнем Тагиле и сразу ввёл в состав кандидатов в члены бюро обкома. Несмотря на отсутствие каких-либо явных успехов Кузнецова в руководстве Нижним Тагилем (строительство Новотагильского металлургического завода, например, за время его правления практически не сдвинулось с места), Кабаков в 1935 году перевёл его в Свердловск первым секретарём горкома ВКП(б). Из образования за плечами у Кузнецова было высшее начальное училище в деревне Дурасово Калужской губернии, бухгалтерские курсы, неоконченные курсы по подготовке в вузы, полгода учёбы в губернской совпартшколе и, как уже говорилось выше, один курс Историко-партийного института красной профес-

суры, готовившего специалистов в партийно-идеологической сфере – работников отделов пропаганды и агитации комитетов ВКП(б) и преподавателей общественных наук в вузах. Ни дипломом о среднем или высшем техническом образовании, ни записью в личном листке по учёту кадров о сколько-нибудь значимой административно-хозяйственной работе, чтобы со знанием дела руководить такими крупными индустриальными центрами, как Нижний Тагил и Свердловск, Кузнецов не располагал⁶. Вероятно, на образование важному партийному чиновнику катастрофически не хватало времени. Зато Кузнецову сполна хватало времени на то, чтобы разводить интриги против второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына – ставленника Москвы, а не Кабакова, и делалось это, разумеется, не без одобрения последнего. Не жалел Кузнецов ни времени, ни сил и на сотворение вокруг Кабакова ореола «вождя уральских большевиков», создание сладостной атмосферы подхалимства и угодничества, причём весьма преуспел в этом деле: даже член Политбюро ЦК А.А. Андреев признавал за Свердловской областью особые успехи в развитии подхалимства и восхвалении главного областного начальства. И работал Кузнецов непременно с оглядкой на хозяина, бывало, даже прерывал заседание бюро Свердловского горкома специально, чтобы съездить до обкома и согласовать с Кабаковым то или иное решение бюро⁷.

Что касается подбора кадров, то Кузнецов брал пример с непосредственного начальника и двигал во власть своих тульских приятелей, таких же грамотеев, как он сам. В частности, среди тех, кого Кузнецов пристроил к уральской «партийной кормушке», оказался Леонид Николаевич Пальцев – выпускник семилетней трудовой школы, сменивший в Тульской губернии немало руководящих комсомольских и партийно-пропагандистских должностей. Кузнецов вызвал его в Нижний Тагил в начале 1934 года и поставил руководить культурно-пропагандистским отделом горкома ВКП(б), а спустя уже три года, в 1937-м, Кабаков назначил Пальцева на руководство этим горкомом партии. Вот так тридцатилет-

ний пропагандист, общий производственный стаж которого ограничивался годом и восемью месяцами работы рассыльным и чернорабочим на Тульском оружейном заводе и подручным слесаря на Тульской самоварной фабрике, возглавил один из крупнейших индустриальных центров Урала⁸.

Высокие позиции в областной властной иерархии занимал ещё один туляк, первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска Максим Фёдорович Коссов. На территории огромного Сталинского района располагались Уралмашзавод, строительство целой группы заводов «Уралэлектротяжмашина» и строительная площадка завода тяжёлого станкостроения — «Станкострой» (все перечисленные заводы в мае 1935 года вошли в новообразованный Орджоникидзевский район), заводы «Сталькан» и «Металлист», хлебозавод и спиртоводочный завод, Уральский индустриальный институт и Уральский филиал Академии наук СССР. Выпускник начального земского училища (два года обучения) в деревне и шестимесячных вечерних административно-хозяйственных курсов при Тульском коммунистическом университете, М.Ф. Коссов непосредственно с промышленностью соприкасался лишь будучи чернорабочим и сторожем на Тульском оружейном заводе. Слабый здоровьем, он продвигался по профсоюзной линии, дослужился в Туле до незначительного поста председателя райкома союза металлистов. Всё переменялось в его жизни в конце 1920-х, когда Кабаков, спустя полгода после переезда в Свердловск, где получил место председателя облисполкома, вызвал Коссова на Урал и пристроил его в аппарат обкома союза металлистов заведовать орготделом. С произошедшим вскоре перемещением И.Д. Кабакова в кресло первого секретаря обкома ВКП(б) карьера М.Ф. Коссова устремилась вверх. В июне 1930-го Кабаков вознёс Коссова, тогда занимавшего скромную должность ответственного секретаря обкома союза металлистов, на самую вершину областной власти - ввёл в состав кандидатов в члены бюро Уральского обкома ВКП(б). Председателем обкома металлистов Коссов стал спустя почти год, но надолго на этом месте не задержался и в конце 1931-го был

утверждён первым секретарём Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска. И следом, в начале 1932 года, ещё более упрочил своё положение – вошёл в состав уже полноправных членов бюро обкома партии⁹.

Безусловно, такой взлёт стал возможен исключительно благодаря протекции со стороны первого секретаря обкома партии. Ведь, к примеру, Алексей Иванович Финьковский — предшественник Коссова в Сталинском райкоме, а до того ответственный секретарь Челябинского окружкома ВКП(б) – статус члена бюро обкома ВКП(б) получил лишь одновременно с назначением в ноябре 1931 года председателем Уральского областного совета профсоюзов¹⁰.

Несоответствие кабаковского протеже занимаемой должности было столь очевидным, что этот факт вынуждено было признать даже обкомовское начальство. В составленной приблизительно в конце 1935-го — начале 1936 года характеристике указывалось на низкий уровень образования партфункционера: «Крупным недостатком тов. Коссова является недостаточная для руководителя обща и политическая грамотность, вследствие чего тов. Коссов нуждается в переподготовке». Но тут же, чтобы сохранить его на занимаемой должности, сделали небольшую приписку: «Тов. Коссова можно использовать секретарём самостоятельного крупного района»¹¹. Учитывая несоответствие занимаемой должности и к тому же эсеровское прошлое Максима Фёдоровича, Иван Дмитриевич Кабаков имел все основания не сомневаться в преданности и надёжности первого секретаря значимого райкома в областном центре. И Коссов действительно верой и правдой служил своему хозяину.

В Свердловском горсовете «вождю уральских большевиков» служили бывшие туляки братья Корневы. А.С. Корнев занимал высокое кресло заместителя председателя горсовета. В его непосредственном подчинении, директором Свердловского промкомбината, работал его брат – В.С. Корнев.

Большие начальники смотрели на распределение по «тёплым местам» своих земляков и приятелей как на нечто само собой разумеющееся. Поэтому неудивительно, что управ-

ляющий трестом «Востсибуголь» Я.А. Калюжный, когда узнал, что вместе с Кабаковым в Свердловске работает его старый знакомый М.В. Кузнецов, предположил о присутствии на Урале солидной «тульской диаспоры». «Уважаемый тов. Кузнецов! – писал Калюжный в Свердловск. – Совершенно случайно узнал, что ты находишься в Свердловске секретарём горкома. Очевидно, в Свердловске много бывших тульских работников, которым прошу передать искренний привет, и особенный привет тов. Кабакову»¹².

Калюжный не случайно вспомнил о земляках. В упомянутом письме он просил Кузнецова оказать содействие в приёме на учёбу в Свердловскую промакадемию двух хозяйственников – кандидатов в члены партии, охарактеризовав их буквально несколькими словами: «оба молоды, способны, и будет с них толк»¹³. Почему понадобилось вмешательство аж секретаря горкома в процесс поступления в учебное заведение двух молодых, способных и толковых хозяйственников, к тому же кандидатов в члены партии, Калюжный указывать не стал: по всей видимости, земляк земляку должен был помогать без лишних вопросов, и только потому, что просит земляк.

Не известно ни одного случая, чтобы И.Д. Кабаков обрушил свой «царский» гнев на кого-либо из «туляков», понизил его во властной иерархии и уж тем более – изгнал из свердловских властных структур, как, к примеру, он это неоднократно проделывал с «инородцами». И в начале 1937 года, когда М.В. Кузнецов утратил должность первого секретаря «столичного» горкома, инициатива эта исходила не от Кабакова, а из Москвы. Дело в том, что в соответствии с решением ЦК первый секретарь областного комитета партии одновременно должен был занимать и пост первого секретаря горкома партии областного центра. И.Д. Кабаков, таким образом, в дополнение к имеющимся должностям становился первым секретарём Свердловского горкома ВКП(б). Кузнецова же он решил сохранить «де-факто» на руководстве городом, сделать его вторым секретарём горкома и оставить в составе членов бюро обкома (сам Кабаков, безусловно, не мог в полном

объёме руководить и обкомом, и горкомом партии). Все эти кадровые перестановки были оформлены решением пленума Свердловского горкома ВКП(б) 23 января 1937 года¹⁴.

По возвращении с февральско-мартовского пленума ЦК И.Д. Кабаков, в соответствии с установками Сталина, должен был убрать Кузнецова с ключевой должности и подобрать вместо него крепкого администратора-хозяйственника, желательно имеющего диплом технического вуза и, разумеется, с партбилетом в кармане. Ведь Кузнецов подпадал под сталинское определение «лично преданных людей», а следовательно, существовала реальная угроза получить обвинения в «антипартийных» методах подбора руководящих кадров. Кабаков, однако, этого не сделал и оставил преданного Кузнецова своим замом по горкому. Не подобрал Кабаков и нового председателя облисполкома вместо арестованного в январе 1937 года Василия Фёдоровича Головина. На место Головина Кабаков попытался посадить своего старого знакомого, бывшего зампреда Уральского облисполкома Михаила Алексеевича Советникова, после разделения области в 1934-м занимавшего кресло председателя Челябинского облисполкома (как раз в начале 1937-го это кресло под ним зашаталось). Но Сталин отказал Кабакову, и последний сохранил временное исполнение этих обязанностей за заместителем председателя Г.П. Плинокосом, кандидатура которого также не соответствовала сталинским требованиям. А председателя областного совета профсоюзов, члена бюро обкома Г.С. Богачёва, партийного пропагандиста по образованию, утратившего свою должность в связи с ликвидацией облпрофсовета, Кабаков заботливо пристроил первым секретарём горкома ВКП(б) в Нижний Тагил, когда там был арестован предыдущий секретарь Л.Н. Пальцев¹⁵.

Если обратиться к другим ключевым фигурам кабаковского руководства, то их профессионализм также выглядит весьма сомнительным.

Изменения в структуре партийных комитетов, произведённые в соответствии с решениями XVII съезда ВКП(б), значительно повысили роль заведующих отделами в регио-

нальных партийных комитетах. Количество секретарей в обкомах и крайкомах после съезда партии существенно сократилось (в Свердловске их осталось лишь двое вместо недавних пяти), секретариаты были упразднены. Непосредственно на заотделах были возложены обязанности по подготовке проектов решений (и необходимой сопроводительной документации) для их последующего рассмотрения на заседаниях бюро обкомов¹⁶.

Когда в начале 1934 года в Свердловском обкоме ВКП(б) был организован промышленно-транспортный отдел, его первым заведующим был утверждён Георгий Георгиевич Ян. Масштабные преобразования на Урале, связанные с индустриализацией, ставили заведующего этим отделом в один ряд с первыми лицами области. О его месте в областных властных структурах свидетельствует хотя бы тот факт, что И.Д. Кабаков включил Г.Г. Яна в состав членов бюро обкома партии (вскоре Ян попал «под сокращение», был переведён в кандидаты, но на его властных полномочиях это никак не отразилось)¹⁷.

На региональных органах партийно-государственной системы власти лежала большая ответственность за претворение в жизнь планов по индустриализации края. Именно партийные органы, в чьих руках сосредотачивалась немалая власть, были обязаны подняться над узковедомственными интересами, компетентно отстаивать в Центре интересы регионального развития, грамотно осуществлять контроль над использованием выделенных материально-технических ресурсов. По должности Яну полагалось курировать возведение таких индустриальных гигантов, как Уралмашзавод в Свердловске, вагоностроительный и металлургический заводы в Нижнем Тагиле, трубный в Первоуральске, медеплавильный в Ревде, целлюлозно-бумажный комбинат в Краснокамске и др. Недавно пущенные в эксплуатацию предприятия, в числе которых были Красноуральский медеплавильный завод, «Уралэлектромашина», Берёзовский химический комбинат, переживали непростой период становления и тоже требовали к себе повышенного внимания. Не говоря уже о

старых демидовских заводах, горнодобывающих предприятиях, системе Уралэнерго, железнодорожном транспорте, лесозаготовительной промышленности, и прочее, и прочее. Бесконечные проблемы в строительстве, трудности в налаживании производства («Красноуральский комбинат пять лет пускаем, и никак не можем пустить, – признавал в 1934 году сам Кабаков. – Не было ни одного месяца, чтобы он выполнил производственную программу»¹⁸), сбои в работе, частые аварии и крушения на железнодорожном транспорте не мешали Кабакову презентовать Яна как одну из значимых фигур в областных властных структурах. Имя Яна носил кинотеатр в центре Молотово (напомним, что так именовалась в то время знаменитая Мотовилиха близ Перми) – городе, где в местном горкоме партии он секретарствовал два года. В честь заведующего отделом устраивались демонстрации с оркестром и возгласами: «Да здравствует Ян!», «Ура!». Ян отвечал взаимностью и весьма преуспел в восхвалениях областного первого секретаря¹⁹.

Если внимательно присмотреться к фигуре заведующего отделом, то можно заметить ряд весьма характерных для того времени деталей. К моменту назначения на эту должность за плечами у сорокадвухлетнего Г. Г. Яна из общего и технического образования было оконченное двухклассное железнодорожное училище в Минеральных Водах, шестимесячные курсы паровозных машинистов в Одессе и три года рабфака в Ростове–на–Дону. Партийно-политическое было представлено более солидно – полуторагодовыми курсами марксизма- ленинизма при ЦИК СССР в Москве. Трудовая биография Яна в чём-то была схожа с кабаковской. Слесарь паровозного депо и машинист до революции, участник Гражданской войны, в 1920-м он был направлен на ответственную партийную работу – был назначен инспектором рабоче-крестьянской инспекции Северо-Кавказских железных дорог. Затем возглавлял райкомы партии в Ростове-на-Дону, а после окончания в 1930 году курсов марксизма-ленинизма был послан на Урал, в г. Молотово секретарём парткома Мотовилихинского завода, спустя восемь месяцев был утверждён ответственным

секретарём Молотовского горкома ВКП(б). Вторую половину 1933 года Ян трудился в Магнитогорске в качестве председателя так называемой районной комиссии по чистке. И постепенно набирал вес в глазах областного секретаря. Не случайно в январе 1934-го в составе группы делегатов от свердловской областной парторганизации Ян отправился в столицу на XVII съезд ВКП(б)²⁰.

Даже простое перечисление должностей Яна показывает, что непосредственно на производстве после Гражданской войны он не проработал ни дня. Конечно, на уровне машиниста он имел какое-то представление о функционировании железнодорожного транспорта, но львиная доля его биографии была связана всё же с организационно-партийной и партийно-пропагандистской деятельностью. И потому неслучайным выглядит следующее высказывание Яна на пленуме обкома ВКП(б) в марте 1934 года: «Я несколько дней сижу заведующим промышленно-транспортным отделом. Ко мне приходят секретари и исключительно разговаривают о хозяйстве, а о партийно-массовой работе, о низовой [партийной. – А.С.] работе никто не говорит. А ведь казалось, что секретарь обязан прийти в обком и рассказать о партийно-массовой работе»²¹.

Образование также было явно недостаточным для того, чтобы с обкомовских вершин со знанием дела курировать бурно развивающуюся промышленность. Правда, с 1932 года, работая в Молотово, Г.Г. Ян пытался учиться в техническом вузе, а после переезда в Свердловск перешёл на факультет особого назначения при Уралмашзаводе, обслуживавшийся силами преподавателей Уральского индустриального института, планировал стать дипломированным инженером-металлургом по мартеновскому производству²². Высокие должности не явились помехой для учёбы в институте и даже не отразились на длительности его обучения. Безусловно, говорить о полноценном образовании важного обкомовского чиновника не приходится.

С начала строительства тагильских гигантов и до конца «эпохи Кабакова» у партийного руля Тагила сменилось

несколько руководителей: П.И. Тиунов (1930-1933 годы), М.В. Кузнецов (1933-1935 годы), Ш.С. Окуджава (1935-1937 годы), Л.Н. Пальцев и Г.С. Богачёв (оба – по несколько месяцев в 1937 году). Всех этих руководителей объединяло наличие лишь начального общего образования, специальное было не у всех и только партийное, все они имели опыт партийно-пропагандистской и организационно-партийной работы, некоторые работали в комсомоле. На заводах, если и работали, то в юные годы и на рабочих местах, к тому же весьма непродолжительное время по сравнению с работой партийной. Ни инженеров и техников, ни опытных хозяйственников среди тагильских наместников Кабакова не было²³.

И это несмотря на установки И.В. Сталина, озвученные им ещё в мае 1928 года с трибуны VIII съезда ВЛКСМ: «Охотников строить и руководить строительством у нас хоть отбавляй как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности. А людей, умеющих строить и руководить, у нас до безобразия мало. И наоборот, невежества у нас в этой области тьма-тьмушая. Более того, у нас есть люди, которые готовы воспевать нашу некультурность. Если ты неграмотен или пишешь неправильно и кичишься своей отсталостью – ты рабочий “от станка”, тебе почёт и уважение. Если ты вылез из некультурности, научился грамоте, овладел наукой – ты чужой, “оторвался” от масс, перестал быть рабочим. Я думаю, что мы не двинемся вперёд ни на шаг, пока не вытравим этого варварства и дикости. Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если он не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки. Нужно понять, товарищи, что условия борьбы теперь иные, чем в период гражданской войны. В период гражданской войны можно было брать позиции врага напором, храбростью, удачью, кавалерийским наскоком. Теперь, в условиях мирного хозяйственного строительства, кавалерийским наскоком можно лишь испортить дело. Храбрость и удаль нужны теперь так же, как и раньше. Но на одной лишь храбрости и удали да-

леко не уедешь. Чтобы побить теперь врага, надо уметь строить промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговлю, надо отказаться от барского и высокомерного отношения к торговле. Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех – и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью. Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с её многочисленными отраслями линий. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодёжь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии. Нам нельзя теперь ограничиться выработкой коммунистических кадров вообще, большевистских кадров вообще, умеющих болтать обо всём понемножку. Дилетантство и всезнайство – теперь оковы для нас. Нам нужны теперь большевики – специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и так далее, и тому подобное. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знания»²⁴.

Стремился ли, к примеру, один из тагильских ставленников И.Д. Кабакова – Леонид Николаевич Пальцев – повысить свой образовательный уровень? Да, стремился. Пытался ли при этом овладеть наукой? Вовсе нет: Пальцев мечтал поступить в Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б) или в свердловский институт марксизма-ленинизма, а отнюдь не в технический вуз²⁵. Мотивы тридцатилетнего партфункционера очевидны: остаться в номенклатуре и обеспечить себе дальнейший служебный рост в партийной системе власти.

Основная масса партийных руководителей первой половины 1930-х годов фактически представляла собой пропагандистов, умевших произнести яркую зажигательную речь. И свои функции они видели в том, чтобы зажечь в трудящихся-

ся массах огонь энтузиазма, мобилизовать, направить и т. д. Как правило, они были не в состоянии разобраться в нюансах промышленного производства, тонкостях строительства и транспорта, в экономических проблемах. Призывы И.В. Сталина к овладению техническими знаниями они игнорировали, опыта работы на хозяйственных должностях не имели. При этом ревностно охраняли вверенные им партийные структуры власти от технарей, небезосновательно подозревая в них своих потенциальных конкурентов.

Поэтому неудивительно, что в первой половине 1930-х годов партийные инстанции сумели лишь развернуть вокруг строительства Новотагильского завода грандиозную пропагандистскую шумиху и даже нанять специального литератора для написания славной истории становления металлургического гиганта²⁶.

Каких-либо внешних факторов, препятствующих реализации установок Сталина, у Кабакова не было. О сопротивлении местной партноменклатуры кадровым решениям «вождя уральских большевиков» не могло идти речи, все его инициативы получали полное одобрение. Роль членов бюро обкома, не говоря уже о членах областного партийного пленума, при авторитарном правлении Кабакова была значительно принижена, многие важные вопросы первый секретарь решал единолично.

Послушаем, что говорили на этот счёт представители ближайшего окружения областного «вождя» и руководители среднего звена, впервые получившие возможность открыто высказаться на знаменитом «антикабаковском» пленуме обкома в мае 1937 года.

«...Никакого коллегиального решения вопросов в обкоме партии, по-моему, не было, а все вопросы решал Кабаков, – делился своими впечатлениями о заседаниях бюро обкома секретарь Новолялинского райкома П.М. Щербаков, – и, как правило, если не было проекта [постановления] по какому-либо вопросу, [то] Кабаков диктует стенографистке, она записывает, и [постановление] принимают. Даже не спрашивали нередко у членов бюро, как они, согласны с этим или

не согласны? – решение принималось». «Раз Кабаков сказал, значит нечего подвергать сомнению его указания», – делился своим восприятием директив областного «вождя» исполняющий обязанности председателя облисполкома Г.П. Плинокос. На заседаниях бюро обкома «...никто не говорит, Кабаков начинает, Кабаков кончает», – подтверждал член бюро обкома, начальник управления железной дороги имени Кагановича В.П. Шахгильдян. «...Такой авторитет мы сами создавали Кабакову, – признавал член бюро обкома, управляющий трестом «Востокосталь» К.Г. Седашёв за день до своего ареста, – что ни слово его, это для нас закон...». «Обстановка у нас в бюро, я бы сказал, была такая: обстановка подхалимская, угодничества, смотрели в рот Кабакову», – дополнял редактор «Уральского рабочего» А.И. Жуховицкий, арестованный на следующий день после Седашёва. «Ведь Кабаков был фактически иконой свердловской парторганизации, – резюмировал режевской секретарь З.В. Игнатенко, – всё обожествлялось, всё преклонялось перед [его] словами, перед предложениями и т. д.»²⁷.

Делегаты Свердловской городской партконференции, прошедшей вслед за «антикабаковским» пленумом, в тех же красках рисовали стиль и методы работы И.Д. Кабакова. «Если приходил Кабаков на бюро горкома, – рассказывал исполняющий обязанности второго секретаря Свердловского горкома И.А. Кормилов, – он, как глыба, подавлял всех. Все безмолвствовали, все боялись слово сказать. Он диктует, он пишет, он формулирует решения, без всяких голосований, и даже не спрашивают мнения». «...Культ Кабакова был поднят высоко, и к этой святыне боялись прикоснуться, грешно и невозможно, – говорил заведующий промышленнотранспортным отделом горкома В.Н. Тепляков, которого самого там же назовут псом Кузнецова и Кабакова. – <...> Кабакова поднимали как знамя честности, скромности большевистской, Иван Дмитриевич, Иван Дмитриевич!»²⁸.

Как свидетельствуют документы, из общего хора прославляющих Кабакова выделялся, и то лишь поначалу, второй секретарь обкома К.Ф. Пшеницын. Когда весной 1935-го он

только-только прибыл в Свердловск, то не прочь был покритиковать как методы руководства, так и проявления подхалимства. Но со временем даже он, несмотря на высокий статус члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), чтобы сохранить за собой важный пост в обкоме и не разделить печальную участь некоторых членов бюро обкома, был вынужден на заседаниях и совещаниях во всём поддакивать Кабакову, а в выступлениях подобострастно ссылаться на местного вождя: товарищ Кабаков сказал то-то, Иван Дмитриевич сказал это²⁹. Метаморфозы, которым подверглось поведение второго секретаря обкома, были вполне объяснимы. «Какое отношение было к приезжим членам партии? – вопрошал на «антикабаковском» пленуме директор Уралмашзавода Л.С. Владимиров и сам же отвечал на свой вопрос: – Если этот член партии в очень короткий срок не становился подпевалой, ручным, если он имел своё мнение, если этот член партии мог иногда выступать против даже по деловому вопросу, – травили, затравливали и вышибали, это как система была в свердловской областной парторганизации»³⁰.

Из вышесказанного следует, что Кабаков являлся полновластным хозяином в Свердловской области. Что же представлял собой «вождь уральских большевиков», когда и каким образом ему удалось сделаться столь значительной политической фигурой?

Глава II

«Свет и тени» уральской индустрии

Иван Дмитриевич Кабаков появился на свет в 1891 году в крестьянской семье вдали от Урала – в деревне Княж-Павлово Княжинского уезда Нижегородской губернии. Там же окончил церковно-приходскую школу, безуспешно пытался учиться в местном министерском училище, в 1913 году устроился слесарем на Сормовский завод Нижнего Новгорода. Более успешно для Ивана Кабакова складывалась партийная и революционная деятельность. Октябрьская революция вознесла слесаря во властные структуры Нижнего Новгорода и губернии, в Гражданскую войну в качестве командира отряда Красной Гвардии он участвовал в боевых действиях в районе Воронежа, после чего остался в Воронеже председателем горсовета и горисполкома. Начиная с 1921 года Кабаков находился на ответственной партийной работе: работал председателем комиссии по пересмотру, проверке и очистке партийных рядов в Башкирской АССР, в 1922 году был назначен сразу ответственным секретарём Ярославского губкома РКП(б), с 1924 года работал в Тульском губкоме РКП(б): пару месяцев – заведующим орготделом, затем – ответственным секретарём. На Урал, в Свердловск И.Д. Кабаков приехал лишь весной 1928 года в качестве председателя Уральского облизполкома, а в начале следующего 1929 года занял место первого секретаря обкома ВКП(б). Площадь Уральской области, «партийным губернатором» которой стал Кабаков, была больше площади Германии, Франции, Италии и Англии вместе взятых. В январе 1934 года, когда огромная, трудноуправляемая Уральская область была разукрупнена, Кабаков возглавил Свердловский обком ВКП(б)¹.

Работа Кабакова на Урале по времени совпала с грандиозными преобразованиями в стране. С вступлением региона в эпоху индустриализации на его территории начали возводиться сотни промышленных предприятий, среди которых были металлургические и машиностроительные гиганты, составлявшие гордость советской индустрии, создавались новые отрасли промышленности, коренной реконструкции подвергались старые заводы. И.Д. Кабаков много ездил по новостройкам, произносил речи. Те, кому доводилось слышать выступления областного секретаря, удивлялись, как он мастерски оперировал многочисленными фактами, у слушателей создавалось впечатление, что оратор великолепно знаком с районами и даже первичными парторганизациями, нюансами промышленного и аграрного производства. На самом деле эти факты заранее тщательно подбирались армией инструкторов партийных комитетов всех уровней, которые занимались этим в ущерб исполнению своих прямых обязанностей². Вникать в детали производственных и строительных технологий самому Кабакову, получившему лишь церковно-приходское образование и имевшему лишь полуторагодовалый опыт административно-хозяйственной работы во главе Воронежского горисполкома, даже при всём желании было весьма не просто. Проще было громогласно заявлять о достигнутых успехах с высокой трибуны XVII съезда ВКП(б): «С тех пор, как на XVI партсъезде товарищ Сталин со всей силой выдвинул вопрос о размещении производительных сил страны, о создании на Востоке второй угольно-металлургической базы, прошёл очень короткий срок – всего три с половиной года. <...> За эти годы создалась целая вереница промышленных узлов. Взять хотя бы даже такой район, как Пермский. Старый город был исключительно административным центром. В настоящее время здесь построена целая вереница передовых предприятий, с 90 тысяч жителей город вырос до 200 тысяч жителей. Тагильский промышленный узел, Свердловский, Калатинский, Челябинский, Магнитогорский. Можно было бы перечислять промышленные узлы и заводы, построенные за эти годы на Урале, на протя-

жении 20 минут. Но я этого делать не буду, а только скажу, что за эти годы на Урале построено и пущено 200 предприятий, созданы заново 23 отрасли промышленности!»³

В качестве примера Кабаков не без гордости перечислял названия построенных за эти годы заводов и комбинатов: Березниковский химический комбинат, Челябинский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжёлого машиностроения, – не преминув при этом напомнить присутствующим о заслугах уральской парторганизации⁴.

А как обстояли дела в реальности? Неимоверными усилиями построенные и пущенные в эксплуатацию предприятия длительное время никак не могли преодолеть «детские болезни» становления. Серьёзные проблемы преследовали и старые заводы, включая те, что подверглись коренной реконструкции. Некомпетентность и коррумпированность партийных и хозяйственных начальников, их хвастливые уверения в возможности лёгких побед в промышленности, увлечённость парадностью и шумихой, пренебрежение мнением специалистов, отсутствие производственной дисциплины, выход из строя дорогостоящего оборудования, высокий процент брака в выпускаемой продукции, разбазаривание средств, кумовство являлись привычной картиной середины 1930-х. Тяжёлый труд, ужасающие жилищно-бытовые условия, задержки выдачи зарплаты и недостаточное продовольственное обеспечение вызывали текучесть кадров: рабочие бежали в поисках более-менее сносной жизни, что, в свою очередь, крайне негативно сказывалось на работе предприятий. Колоссальные масштабы обрели аварии и пожары на заводах и шахтах, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами⁵.

На многих заводах царствовал бардак. «Если электроды есть – ниппеля не подходят, ниппеля находятся – электроды не те пришли, всё какая-то путаница», – «разорядся» на городской партконференции сталевар Верх-Исетского завода М.С. Ушаков, говоря о заводских электропечах. И никто ничего не предпринимал, «...думают, что всё это поправится само собой», – заключил сталевар⁶.

Примеры бесхозяйственности, граничащей с преступлением, привёл в своих воспоминаниях американец Джон Скотт, работавший в 1930-е годы на Магнитогорском металлургическом комбинате. По его свидетельству, в конце 1936 года в больших запасах резервного угля на комбинате начались процессы самовозгорания, в связи с чем директор комбината А.П. Завенягин принял решение использовать имеющийся уголь и на какое-то время отказаться от новых заявок на его поставки. Заявка была сделана, когда запасы стали подходить к концу. Однако в расчёты вмешалась погода: составы с углём, шедшие с Кузбасса, застряли на длительное время в пути ввиду снежных заносов. Запасы угля в Магнитогорске были исчерпаны, в связи с чем комбинат на несколько дней пришлось остановить. Данный инцидент обошёлся государству в миллионы рублей. Тем не менее, о вредительстве тогда речь не шла, произошедшее было расценено как случайное стечение обстоятельств⁷.

В этом же ряду стоит описанная Джоном Скоттом история с двумя немецкими газохранилищами на магнитогорском комбинате. Два огромных газохранилища были закуплены в Германии и установлены немецкими специалистами в 1934 году. Оборудование и его монтаж обошлись государству в сумму около двух с половиной миллионов золотых рублей. Уже в ходе монтажа выяснилось, что хранилища могут функционировать лишь при температуре не ниже минус 15 градусов, тогда как зимой в Магнитогорске температура порой опускалась до 30-40 градусов ниже нуля. При таких низких температурах на стальных стенках резервуаров должен был образовываться слой льда, который привёл бы к разрушению конструкций. Немцы выполнили условия контракта, завершили монтаж и уехали, но резервуары по указанным выше причинам не могли эксплуатироваться. После долгих споров было решено провести их реконструкцию, стоимость которой оценивалась в миллионы рублей. Скотт писал, что даже в 1940 году этими хранилищами ещё не пользовались, хотя работа всего комбината сильно осложнялась из-за отсутствия запасов газа. А органам НКВД, по его данным, так и не удалось установить, кто

же виновен в том, что миллионы государственных рублей оказались выброшенными на ветер, – кто распорядился закупить дорогостоящее оборудование, совершенно негодное для эксплуатации в условиях Урала⁸.

Джон Скотт привёл и другие случаи, когда вследствие бесхозяйственности и некомпетентности ответственных лиц государству причинялся ущерб, исчисляемый миллионами рублей. Поведал об одном руководителе стройконторы, который устроил себе шикарную жизнь за счёт продажи сворованных на заводе стройматериалов, тогда как план по строительству индивидуальных жилых домов выполнялся этой конторой лишь приблизительно на 60 %. А также описал известные ему факты вредительства – умышленного повреждения оборудования. С одним таким вредителем – мастером доменных печей – он был лично знаком: тот, напившись, не скрывал свою ненависть к Советской власти, говорил о желании устроить аварию и уничтожить завод. Лично Скотту он несколько раз заявлял, что собирается разрушить или повредить что-нибудь на комбинате. И однажды вполне осознанно уничтожил немецкую газовую турбину стоимостью несколько десятков тысяч золотых рублей. По свидетельству Скотта, злоумышленника арестовали спустя несколько дней, и тот сознался в содеянном⁹.

Порой бесхозяйственность имела даже не местное происхождение, а во многом являлась следствием необдуманных, некомпетентных, волюнтаристских приказов «сверху». Так, Г. К. Орджоникидзе, побывав на строительстве Уралмашзавода в Свердловске, решил приблизить срок его пуска. Вопреки мнениям отечественных и иностранных специалистов, он дал приказ вести монтаж оборудования в строящихся цехах основного производства одновременно с возведением зданий этих цехов. С одной стороны, это позволило существенно ускорить ввод в эксплуатацию основных производственных подразделений. Однако отставание в строительстве вспомогательных подразделений делало невозможным полноценное функционирование основного производства. Дорогостоящее оборудование, точнейшие станки, уникальные не-

мецкие прессы, установленные в недостроенных цехах, страдали от пыли, ветра, дождя или снега. Оборудование сгружалось в спешке, засыпалось землёй. Ценные измерительные приборы были оставлены под открытым небом, проржавели и пришли в негодность¹⁰.

Ярким примером бесхозяйственности являлось строительство Новотагильского металлургического завода в Нижнем Тагиле. Строительство завода началось в 1931 году. За шесть лет строительства президиум ВСНХ СССР и Наркомат тяжёлой промышленности СССР четыре раза кардинальным образом меняли проектные задания – увеличивали или сокращали количество доменных и мартеновских печей, меняли состав оборудования прокатного цеха. Каждый раз это требовало изменений всей проектной документации. В итоге одних только чертежей и проектов было аннулировано более чем на 12 миллионов рублей, а доменное и прокатное оборудование, произведённое для НТМЗ на Уралмашзаводе на сумму почти 900 тысяч рублей, пришлось списывать как лом¹².

Огромной проблемой уральской промышленности являлся выпуск недоброкачественной продукции. Брак по цеху колёс Гриффина на вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле, к примеру, по итогам работы за вторую половину 1934 года составил 99,4 % всей продукции (лишь 100 штук колёс были признаны годными из 17 тысяч отлитых). По итогам следующего года, процент принятых в эксплуатацию колёс составил около 30-ти, но... цех, проработавший лишь год с небольшим после пуска, пришлось закрывать на капитальный ремонт из-за того, что был принят в эксплуатацию с рядом недоделок, а действовавшее в нём оборудование эксплуатировалось варварским образом¹². Другой случай. Вся партия фугасных снарядов, изготовленных в 1935 году на 172-м заводе в Мотовилихе, была признана заказчиком – ленинградским заводом «Краснознамёнец» – браком. После долгих препирательств между изготовителем и заказчиком (в ходе которых, кстати, выяснилось, что бетонная плита на испытательном полигоне тоже оказалась некачественной, да и само

орудие, из которого производились выстрелы по плите, попало под подозрение) оплатить расходы 172-му заводу взялся отдел вооружения Управления морских сил РККА. Военное ведомство своё решение аргументировало тем, что у мотовилихинского завода и без того тяжёлое экономическое положение, а затем задумалось над новой проблемой: куда же девать эту груду брака?¹³

Сотни тонн брака исправно производил Уралмашзавод. Тем же страдали медеэлектролитный завод в соседней Верхней Пышме, где брак достигал 60 %, и Верх-Исетский завод в Свердловске. На ВИЗе, специализировавшемся на производстве динамной и трансформаторной стали, в течение нескольких лет прокатывали металл при более низкой температуре, чем положено, что весьма негативно сказывалось на качестве продукции, но чрезвычайно ускоряло производственный процесс и позволило многим рабочим выйти в передовики¹⁴. А числиться стахановцем на ВИЗе было очень выгодно. «Когда стахановское движение зародилось на заводе, в это время оно было близко и директору, и дирекции, – говорил технический директор завода Г.С. Дибнер. – Устраивали помпы, провожали на машинах, а после этого окорока возили на квартиры сам [директор] Колгушкин с [главным инженером] Гурвичем». И не только окорока развозили, а премировали домами, коровами и ширпотребом. «Дело в браке, ещё раз в браке, тысячу раз в браке!» – распалился директор ВИЗа Ф.Т. Колгушкин, объясняя заводским коммунистам причины невыполнения государственных заданий. Цифры по браку выглядели впечатляющими. «За март дали 343 тонны брака по внешнему виду, и 200 тонн – непопадание в анализ, – сообщал на общезаводском партсобрании в апреле 1937 года представитель техконтроля Плотников. – Угробили 553 тонны. По сутуночному [чернилами исправлено на: крупносортному. – А.С.] цеху из 271 тонны трансформаторной стали – 181 тонна брака. Нижнелистокатальный цех дал 70 тысяч листов, причём брак составляет 25 %. Динамный цех дал 45 % брака». «Зачем давать такой металл, ведь это преступление!» – возмущался Плотников. А были и преступле-

ния: кто-то сознательно разбрасывал стружку, вызывая тем самым массовый брак по металлу. Злоумышленника никак не могли вычислить, были лишь подозреваемые¹⁵.

Что говорить о высокотехнологичных производствах, когда Свердловская фабрика «Одежда» в 1932 году вынуждена была ежедневно перешивать до полутысячи готовых изделий. От трети до половины выпущенных в 1933 году на Калатинском и Нижнетагильском заводах топоров и ухватов пошли в брак. Лишь 20 % из изготовленных в Нижнем Тагиле подков были признаны годными, а вот что касалось рукомольников, то тагильчане ни одного такого несложного бытового приспособления без брака выпустить в том году не сумели¹⁶.

Партийные начальники лишь констатировали происходящее и при этом делали вид, что ничего страшного не происходит, всё легко поправимо. На областной партконференции в 1934 году И.Д. Кабаков не счёл нужным уделять этой проблеме слишком много внимания и в своём докладе в качестве примера по браку в основной продукции привёл только два завода – Челябинский тракторный и Уралмаш: «По ЧТЗ. Из-за брака по сталелитью только на июнь месяц получено убытка на 115 тысяч, в июле – на 180 тысяч [рублей]. Уралмаш для агломерационной машины отлил 1600 штук колосников, льют брак и продолжают до настоящего времени¹⁷. Из двух тысяч болтов для тьюбинга годных набралось только сто штук. Почему это происходит? Это происходит потому, что на предприятиях до настоящего времени организацией труда не занимаются как мастера, заведующие цехами, так и директора заводов. Организация труда не превратилась в одну из первейших функций административно-технического руководства. О чём угодно разговаривает административно-технический персонал, но совершенно не разговаривает и совершенно не знает организации труда на производстве. Этот вопрос решающий. Если мы хотим добиться успехов, то вопросы организации труда должны занять центральное место»¹⁸.

Поломки дорогостоящего оборудования ввиду безграмотной эксплуатации, его гибель в результате пожаров на заводах тоже не вызывали чрезмерного беспокойства. «Я приве-

ду один маленький факт [выделено мною. – А.С.], о котором мне сегодня докладывал секретарь Надеждинского горкома, что на Надеждинском заводе сгорел кирпичный цех – цех шамотного кирпича, – делился информацией с делегатами конференции первый секретарь обкома ВКП(б). – Только перед этим зарядили, была дана телеграмма относительно проверки всех звеньев, всех участков, которые вызывают то или другое опасение, и вот после предупреждения как раз сгорел цех. Второй факт. Строили Машинострой [имеется в виду строительство Уралмашзавода. – А.С.], достался он нам, я бы сказал, недёшево, много труда затрачено на этот завод. В одно прекрасное время, во время перерыва весь актив ушёл из цеха, прекратили подачу воды на завод. И что произошло? Аллах его ведаёт! Но пока командный состав и актив сидели и болтали, в это время загорелся цех. Пока люди собирались, [пламя] охватило все стены и всю крышу. О победах и достижениях разговоров много: делают пушки Брозюса, лебёдки Оттиса, завод имеет колоссальнейшие успехи по освоению нового машиностроения. Но вот не сумели поставить хорошо пожарную охрану, и в результате вышел из строя, вышел целый завод»¹⁹.

«Мы ломаем машины, идёт процесс разрушения и не проходит дня, когда бы не выводился из строя тот или другой дорогостоящий импортный агрегат, который мы не можем не только здесь заменить, но для которого не наладили производство запасных частей, – не с горьким сожалением и тревогой, а с лихой бравадой вещал на той конференции первый секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе, имея в виду металлургический комбинат. – Но если идти дальше по этому пути, то можно впасть в ошибку, какую допустил товарищ Владимиров, который из-за деревьев не увидел леса. Говоря об Уралмашзаводе, он подчеркнул только теневые стороны, и создалась мрачная картина, что ничего не доделано, не освоено, не достроено, кадров нет, и получился набор ужасающих фактов. Конечно, никого товарищ Владимиров не запугал, но надо знать меру света и тени».

Виссарион Виссарионович Ломинадзе с трибуны областной партконференции усердно распекал директора Уралмашзавода Л.С. Владимирова за то, что тот посвятил выступление исключительно негативным делам, творившимся на заводе и в заводском посёлке. Магнитогорский секретарь призывал видеть не только недостатки, но и достижения, – построенные замечательные заводы, которыми гордится вся страна. «Я не знаю хорошо положение на Уралмашзаводе, но убеждён, что пролетарии, работающие там, так же как в Магнитогорске, несмотря на всякие тяжёлые неудачи первых дней, идут вперёд, и дело освоения строительства идёт гигантскими шагами вперёд, и положительные итоги строительства по социалистической индустрии у нас во много раз перевешивают все неудачи и недочёты, и здесь сомнения не может быть никакого, здесь чаша весов не держится на одном уровне», – самоуверенно, «со знанием дела» заявлял профессиональный революционер и пропагандист, выпускник годичных курсов марксизма при Московской коммунистической академии. Спустя год В.В. Ломинадзе, призывавший не устраивать трагедию из-за выхода из строя дорогостоящего оборудования, истинной трагедией сочтёт угрозу своего ареста и, недолго раздумывая, выстрелит себе в сердце²⁰.

Выход из строя оборудования, брак и аварии на пущенных в эксплуатацию предприятиях были типичной «теневой стороной» уральской индустрии, но ещё не самым худшим вариантом. Строительство многих других предприятий, включая такие крупные заводы, как Уральский завод химического машиностроения в Свердловске, Новотагильский металлургический в Нижнем Тагиле, медеплавильный в Ревде, алюминиевый в соседнем, тогда ещё челябинском Каменске- Уральском, ввиду безграмотного руководства, распыления выделенных материально-финансовых ресурсов, расхлябанности и бесхозяйственности было заморожено. Экономика страны терпела колоссальные убытки.

Не лучшим образом обстояли дела в сельском хозяйстве. Как минимум некомпетентностью областных властей можно объяснить кампанию, развёрнутую обкомом партии в 1933-

1934 годах, по использованию коров для вспашки и боронования земли. Комсомольские организации послушно подхватили почин и принялись приучать коров к сельхозработам. Ради сиюминутных показателей по весенне-посевным работам (которые при помощи коров не могли быть выполнены качественно; «...Больше истопчут, чем наборонят, – говорил в 1937 году курсант Областной Сысертской школы повышения квалификации руководящих колхозных работников. – К тому же корова идёт, идёт и остановится, ляжет, а женщины сядут, и всё поле утрамбуют так, что можно молотить, и это поле уже трудно заборонить трактором»), был нанесён серьёзный урон животноводству: большое количество скота пало либо утратило молочную продуктивность (в молоке появилась кровь), удои снизились. Справедливости ради нужно сказать, что идею пахоты на коровах уральским начальникам подсказал нарком земледелия СССР и будущий заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев. Яков Аркадьевич во время одной из поездок по Уралу расписывал Кабакову, как «полезно на корове пахать». В 1937-м подобные грубые управленческие просчёты получают политический окрас и будут квалифицированы как вражеская деятельность и вредительство²¹.

Были и куда более серьёзные «дела». Как позднее на пленуме обкома (а не под пытками в УНКВД!) признавался областной уполномоченный Комитета по заготовкам Совнаркома СССР и одновременно исполняющий обязанности председателя Свердловского облисполкома Григорий Павлович Плинокос, Кабаков не гнушался фальсификацией официальных показателей, которые поступали на самый «верхх». «С 1933 года мы не выполняли плана по сельскому хозяйству, а давали очковтирательские рапорты, – сильно волнуясь и путаясь в словах, говорил Плинокос. – Вот, в 1933 году был дан рапорт, которые цифры дал Киселёв [в то время – секретарь обкома ВКП(б). – А.С.], теперешний враг народа. Его надо было судить, но, несмотря ни на что, под суд он не был отдан. Потому что он подтачивал цифры выполнения плана. Я постепенно в этой атмосфере ореола вокруг Кабакова тоже начал...»²².

Поведал Плинокос и о случае, как Кабаков и Головин подписали на имя председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова рапорт о выполнении поставок государству картофеля, а сами тем временем запретили Плинокосу изымать этот самый картофель для государственного фонда²³.

По крайней мере один раз фальсификации показателей в аграрной сфере стали предметом рассмотрения в Политбюро ЦК ВКП(б). Началось всё с того, что в декабре 1933 года Кабаков обратился в Комитет по заготовкам сельхозпродуктов при СНК СССР с просьбой принять от совхозов Уральской области на месте, то есть на складах совхозов, 1 миллион пудов зерна. При проверке наличия зерна в совхозах выяснилось, что вместо обещанного 1 миллиона на месте находятся лишь 207 тысяч пудов (до миллиона не хватало 793 тысяч пудов). О чём председатель комитета М.А. Чернов проинформировал Сталина, Кагановича и Молотова и просил их дать поручение прокуратуре провести расследование и привлечь к ответственности лиц, виновных в предоставлении Кабакову неправильных сведений. Руководители страны согласились с предложением Чернова, соответствующее постановление Политбюро ЦК было принято 3 февраля 1934 года²⁴.

Нетрудно догадаться, что значительную часть зерна, овощей и иной сельхозпродукции государство получало лишь на бумаге. Зато вполне ощутимые дивиденды обретала региональная партноменклатура. Областные вожди, директора заводов требовали от верховной власти вознаграждения за свои усилия, рассчитывали на скорое должностное повышение. И Москва вручала им высокие государственные награды, поощряла ценными подарками, до поры до времени закрывала глаза на разрастающиеся как на дрожжах местные культы.

А культы тем временем приобретали гипертрофированные размеры, и не замечать их становилось всё сложнее.

Глава III

«Любимый вождь уральских большевиков», «главный инженер-строитель социалистического Урала»...

На многочисленных официальных мероприятиях «свердловского вождя» встречали и провожали так же, как вождя верховного, – стоя, бурными аплодисментами. «Тагильский рабочий» в начале 1937-го описывал, как Кабаков своим неожиданным прибытием на Нижнетагильскую городскую партконференцию прервал отчётный доклад первого секретаря горкома Ш.С. Окуджавы: «В начале доклада в президиуме появляется первый секретарь областного комитета ВКП(б), любимый рулевой свердловских большевиков тов. И.Д. Кабаков. Делегаты конференции стоя горячо приветствуют руководителя областной партийной организации, верного и непоколебимого соратника великого товарища Сталина»¹.

«Я должен сказать, что подхалимом – да, я был. Почему? Возьмите пленумы, конференции, совещания, вместе с другими стоя аплодировали Кабакову и другим врагам, – посыпал себе голову пеплом в 1937-м секретарь Асбестовского горкома Рябов. – <...> Не было ни одного совещания, пленума, где бы мы стоя не аплодировали им, не говорили, что это лучшие люди, лучшие руководители Свердловской области»².

Даже на закрытых банкетах районные секретари славили не кремлёвских вождей, а областных: «...Взял, налил стакан вина и говорит, что за первого уральского большевика! – раз стакан, за второго секретаря – второй стакан...»³.

Кабакова, только он успел появиться на Урале, местные подхалимы не замедлили провозгласить «вождём уральских

большевиков». Городские и районные секретари, в надежде на вознаграждение, соревновались между собой за право присвоить имя местного «вождя» учреждению, заводу и даже городу. Едва минуло три года, как Кабаков приехал в Свердловск, его имя стал носить вступивший в эксплуатацию Магнитогорский рудник. Спустя ещё три года в честь нового «уральского вождя» были переименованы г. Надеждинск и район, центром которого он являлся: отныне они стали Кабаковском и Кабаковским районом. Заодно его имя было присвоено старому Надеждинскому заводу. Со временем имя Кабакова стали носить Верх-Исетский металлургический и Синарский труболитейный заводы, Уральский металлургический и Свердловский государственный педагогический институты, Свердловский строительный техникум Железной дороги имени Кагановича, Свердловская авиашкола пилотов, школа № 1 и детский сад № 23 в Свердловске, колхозы в районах области⁴.

Механизм присвоения имени Кабакова был нехитрым, его на «антикабаковском» пленуме описал первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Перми, бывший помощник Пшеницына – Афанасий Дмитриевич Золотарёв. В качестве примера он привёл историю с переименованием Пермского сельскохозяйственного института (правда, по какой-то причине не увенчавшуюся успехом): «В августе месяце Голышев [первый секретарь Пермского горкома ВКП(б). – А.С.] вызывает к себе директора сельскохозяйственного института города Перми и даёт ему указание, что – проработайте и назовите этот институт именем Кабакова, соберите [трудовой коллектив. – А.С.]. [Директор] собирает, докладывает, развивает теорию, что Кабаков огромную роль играет в сельском хозяйстве, и наш институт присваивает имя Кабакова»⁵.

Разумеется, слова Золотарёва для искушённых участников обкомовского пленума откровением не являлись. Как, к примеру, ни распылился первый секретарь Надеждинского горкома партии И.А. Спиров на трибуне областной партконференции в 1934 году, вряд ли в зале находились сомневающиеся в том, кто именно был среди инициаторов переиме-

нования подвластного Спирову города. «Ударники Надеждинского металлургического завода на своих общих собраниях обсудили вопрос о переименовании завода, города и района, – уверял он делегатов конференции. – На широчайшем слёте ударников, на котором присутствовало более двух с половиной тысяч ударников, на районной партконференции постановлено просить областной исполнительный комитет и ВЦИК РСФСР о том, чтобы город Надеждинск переименовать в город Кабаковск, Надеждинский металлургический завод переименовать в металлургический завод имени Ивана Дмитриевича Кабакова, Надеждинский район переименовать в Кабаковский район. Мы обращаемся и просим двенадцатую областную партконференцию поддержать наше предложение». Менее удачливые секретари, вместе с остальными делегатами, аплодисментами встречали каждое предложение Спирова, который сразу на конференции был избран членом обкома, а спустя несколько дней вместе с областными руководителями выехал в Москву в качестве делегата XVII съезда ВКП(б) с правом решающего голоса⁶.

На следующей областной конференции, «антикабаковской», которая состоялась в июне 1937-го, второй секретарь Алапаевского райкома Г.Д. Долгов раскроет «тайну» переименований: «Дело было перед подготовкой к областной конференции, проводились конференция заводская и районная. Я в то время работал секретарём парткома Надеждинского завода. Приезжает Иванченко [управляющий трестом «Востокосталь». – А.С.] и говорит, что есть настроение, чтобы Надеждинск не носил имени проститутки Надежды, а что сейчас есть настроение организовать кампанию о присвоении заводу (сейчас более развратного и грязного проститутки) имени Кабакова. Когда [меня] вызвали в райком, там работал Спиров. Спиров делит со мной роли. Я организую на заводской конференции, а он организует на областной конференции. Я тогда вызываю к телефону Самойлова, в то время – Икс [секретарь обкома. – А.С.], и говорю: предлагают организовать такую работу, как быть? Он говорит: надо начинать. Звоню Строганову [второй секретарь обкома. – А.С.].

Строганов говорит: раз с одним секретарём согласовали, давайте организовывать»⁷.

За каждым действием, будь то присвоение имени «областного вождя» либо организация торжественных встреч, бурных оваций в адрес больших партийных начальников, стояли опытные режиссёры. Место главного режиссёра Пшеницын отводил своему сопернику М.В. Кузнецову⁸. Все роли, как ведущие, так и «массовки», были заранее распределены и тщательно отрепетированы. «Несколько раз [я] был на совещаниях секретарей парткомов, работая на линии и на некоторых глухих станциях, – вспоминал партработник на железной дороге Чупис, – и когда приезжал, то руководители политотдела дороги организовывали секретарей парткомов на аплодисменты врагам народа Кабакову, Кузнецову и Пшеницыну»⁹.

Начальники рангом ниже вынуждены были выкручиваться сами. Первый секретарь обкома ВЛКСМ, кандидат в члены бюро обкома партии Кузьма Иванович Ковалёв, к примеру, заранее засылал подчинённых в организацию, где планировалось его выступление, с поручением организовать во время его речи аплодисменты¹⁰.

Одной из самых масштабных по числу участников постановок стала XII Уральская областная партконференция в 1934 году. Режиссёры постарались на славу: конференция вошла в историю области как партийный форум, на котором апологетика в адрес Кабакова достигла своего максимума. Нужная тональность была задана сразу после доклада Кабакова неким Кобелевым, выступавшим с приветственным словом от имени рабочих и ИТР Березниковского химкомбината: «Лучшие ударники передовых заводов комбината и краснознамёнцы поручили нам передать особый, горячий пролетарский привет руководителю уральских большевиков Ивану Дмитриевичу Кабакову. Товарищ Кабаков! Под твоим непосредственным руководством березниковские большевики, рабочие – ударники, инженерно-технические работники одержали блестящие победы. Ты явился первым из тех, кто с революционным размахом и кипучей энергией боролся за вы-

полнение указаний товарища Сталина о построении второй угольной, металлургической и оборонной базы на востоке СССР и химической промышленности у нас в Березниках. Твоё большевистское руководство, постоянное, каждодневное внимание к нашим трудностям, к нашей работе, – вот что бодрило нас, что помогало нам преодолевать препятствия и успешно выполнить поставленные перед нами задачи»¹¹.

Другие выступавшие старались не отставать. «Я думаю, товарищи, что мы на своей двенадцатой партконференции, подводя итоги проделанной работы, не можем не остановиться на огромной роли Уральского областного комитета во главе с лучшим ленинцем, с лучшим большевиком товарищем Кабаковым, – открывал прения на конференции первый секретарь Свердловского горкома ВКП(б) Фриц Иванович Карклин, которого спустя год “лучший ленинец” сместил с должности ради воцарения в Свердловске своего приятеля М.В. Кузнецова. – Здесь, на конференции, мы смело можем заявить, что в создании Урало-Кузнецкого комбината – гордости нашей страны, в этой работе на протяжении не только от шестнадцатого съезда партии до семнадцатого съезда партии, и не только от одиннадцатой к двенадцатой областной партконференции, но на протяжении последних пяти-шести лет исключительная организаторская роль, подлинно большевистский образец, как надо бороться за правильное проведение в жизнь директив Центрального комитета и указания товарища Сталина, принадлежит товарищу Кабакову. Товарищ Кабаков детально изучил и знает все участки развёрнутого социалистического строительства на Урале. Он на живых конкретных примерах показывает, как надо на деле по-большевистски организовать работу и драться за выполнение директив партии и указания товарища Сталина»¹².

«Товарищи, мы, пролетарии Верх-Исетского завода, гордимся своей уральской партийной организацией, гордимся своим руководителем Иваном Дмитриевичем Кабаковым, под руководством которого, претворяя идеи товарища Сталина, старый демидовский Урал на сегодня превращён в пролетарскую гордость, радость и

советский Урал», – под аплодисменты вещал с трибуны Зубов – представитель коллектива Верх-Исетского завода имени Кабакова. – <...> Мы побеждаем, товарищи, на Урале и у нас на заводе потому, что руководит уральской парторганизацией и нашим заводом верный большевик Иван Дмитриевич»¹³.

«Лучшего своего “изотовца” – нашего Ивана Дмитриевича Кабакова весь Урал, буквально весь Урал, крепко, по-пролетарски любит», – признавался председатель Уральского облпрофсовета Финьковский, которого спустя два месяца «лучший изотовец» снимет с должности как не обеспечившего руководство профсоюзной работой области¹⁴.

Почти все выступавшие хотя бы раз, но так или иначе упомянули Кабакова, цитировали его слова из отчётного доклада, говорили о лично им оказанной помощи и мудрых советах. Как свиноводов из Чернушинского района он учил разведению свиней английской породы, поваров фабрики-кухни Верх-Исетского завода – готовить «вкусное и сытное питание», приехавших на Урал писателей – каких прототипов следует выбирать для героев своих литературных произведений, как помог надеждинским металлургам освоить прокат башмака для гусеничного трактора, как «...своими личными указаниями помогал расти и крепнуть промышленному Златоусту»¹⁵.

Среди допущенных к высокой трибуне развернулось «социалистическое соревнование» за самый изысканный эпитет в адрес «областного вождя». Представитель Свердловского завода «Металлист» Любимов нарёк Кабакова славным большевиком-ленинцем и лучшим уральским большевиком, представитель златоустовских рабочих Бирюков – вождём уральских большевиков, писатель Харитонов добавил – любимым вождём уральских большевиков, профессор Щербаков окрестил Кабакова лучшим другом науки, представитель Уралмашзавода Лабутников – главным инженером-строителем социалистического Урала, первый секретарь Магнитогорского горкома Ломинадзе – стойким большевиком и верным учеником товарища Сталина. Дирек-

тор Соликамского калийного комбината Цифринович решил обойти конкурентов количеством, назвав Кабакова верным сыном ленинской партии, одним из лучших учеников товарища Сталина, последовательным борцом и организатором в строительстве Урало-Кузнецкого комбината, большевиком-организатором-сталинцем. В «командном зачёте» равных в восхвалении вождя не было надеждинцам, готовившимся стать кабаковцами: первый секретарь горкома Спиров нарёк Кабакова талантливым учеником товарища Сталина, другой Надеждинский руководитель – лучшим ударником и рулевым уральских большевиков, представитель металлургического завода Медведков – лучшим другом, товарищем и руководителем пролетариев и большевиков Урала, почётным горновым. В зале то и дело гремели здравицы в адрес Кабакова¹⁶. А секретарь Красноуральского горкома Давид Маркович Ханин, пользуясь случаем, развернул среди участников конференции сбор подписей под ходатайством о представлении Кабакова к государственной награде¹⁷.

Сталин не скрывал своего недовольства по поводу происходящего во властных структурах. Так, своё выступление в Кремле на выпуске академиков Красной Армии в мае 1935-го он начал следующими словами: «Товарищи! Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях»¹⁸.

«Уральский вождь» гласу из Кремля не внимал. И продолжал презентовать себя так, как подобало местному «вождю». Не во всех властных кабинетах в Свердловской области можно было встретить портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б), а вот портреты Кабакова висели повсюду в обязательном порядке. В 1937-м местное начальство сбилось с ног, чтобы избавиться от этих портретов, но, несмотря на все усилия, быстро это сделать никак не удавалось. На парадах хоть и несли портреты всех вождей, но даже здесь старались

подчеркнуть, «кто тут за главного»: «Товарища Сталина маленький портрет несли, а этого зверя Кабакова портрет несло 7-8 человек рабочих, гнули спины»¹⁹. На людях «лучший уральский большевик» появлялся в сопровождении сотрудников НКВД. Охрана интересовалась у помощников, что вождь скушал в столовой, какой чай пил, проверяли продукты, дабы оградить от умышленного отравления. Никакого удивления у окружающих это не должно было вызвать: начальник областного УНКВД Дмитрий Матвеевич Дмитриев докладывал как членам бюро обкома, так и открыто на пленуме о «раскрытии» некой «контрреволюционной организации», ставившей целью убийство «областного вождя», и вскоре молва понесла по области слухи о готовившихся покушениях на Кабакова²⁰.

Поездки «областного вождя» по подвластной территории были особым ритуалом. Когда в 1936 году Иван Дмитриевич пожаловал в Пермь, первый секретарь горкома Александр Яковлевич Голышев дал команду местному партийнохозяйственному активу прибыть на вокзал для торжественной встречи. Только для сопровождающих областного начальника были выделены четыре десятка автомобилей. Естественно, при таком скоплении начальства, побросавшего все свои дела и поспешившего засвидетельствовать почтение высокому гостю, этот визит секретаря обкома был далёким от делового формата, а носил скорее парадно-митинговый характер. «Император Кабаков приезжал», – тихо среди своих произнёс районный секретарь А.Д. Золотарёв и тут же поймал на себе осуждающие взгляды коллег²¹. Соответственно «императорскими» были расходы на материально-бытовое обслуживание «уральских вождей».

Глава IV

«Империя товарища Кабакова»: привилегированная жизнь партийно- хозяйственной номенклатуры

В нескольких десятках километров севернее Свердловска было развёрнуто строительство одного важного жилого объекта. Не в пример другим социальным объектам, его возведение, невзирая на труднодоступное, глухое место, велось ускоренными темпами, финансировалось в полном объёме, было обеспечено рабочей силой и вовремя снабжалось необходимыми строительными материалами. Стройка была окутана завесой тайны.

Лишь немногим посвящённым было известно, что на живописном острове Репный на Шитовском озере (другое название — Шиты) возводится дача для первого секретаря обкома И.Д. Кабакова. В то время, когда в среднеуральских заводских посёлках, включая ближайшее строительство Пышминского медеэлектролитного завода, рабочие мечтали выбраться из землянок и палаток и почитали за счастье обрести место в бараке, областной секретарь задумал возвести для себя и своих приближённых роскошные загородные резиденции. Невиданная по красоте, великолепная — так впоследствии оценивали внешний вид кабаковской дачи местные жители, кому довелось её увидеть. Вокруг дач на острове были разбиты аллеи. В районе в то время было плохо с дорогами, даже в зоне строительства большого и важного завода. Но для удобства «уральских вождей» силами заключённых и местных жителей, в основном женщин из близлежащих посёлков (мужское население было занято на лесозаго-

товках), к озеру была проложена прямая многокилометровая дорога. На берегу была сооружена пристань, с которой облечённых властью пассажиров на больших лодках-дощатках доставляли на остров, где они могли отдохнуть от важных государственных дел¹.

Дачи товарища Кабакова и других товарищей

Сотрудники партконтроля и совконтроля, проверявшие деятельность хозяйственного управления Свердловского облисполкома, так описали увиденное ими на этом острове: «...Хозупр вне плана начало строительство двух роскошных двухэтажных дач, рассчитанных на две семьи (по одной семье в каждой) на острове на озере Щиты в 40 килом[етрах] от г. Свердловска. На строительство этих дач (не включая оборудование) уже затрачено 470 тыс. руб. Несмотря на то, что строительство проводится вне плана и не выделены для него фонды на строительные материалы и оборудование, строительство проходило форсированными темпами: строительство начато в конце ноября 1933 г. и одна дача уже строительством и оборудованием почти закончена, а по второй даче осталось незаконченными внутренняя отделка и оборудование. Дачи построены по типу роскошных дворянских имений и оборудуются в греческо-итальянском стиле с широкими барскими замашками (дворцовая мебель и посуда, завезённые из Ленинграда, водопроводы, особое центральное отопление в каждой даче, ванны, бильярдный зал, специальная площадка для отдыха на крыше дачи, множество балконов, широкие прямые лестницы к берегу озера прямо в купальню и т. д.). К этим дачам на расстоянии 13 километров прокладывается специальная дорога: вырублена просека и проводится насыпь земли и утрамбовка дороги. На этом берегу озера построен гараж на две автомашины и один большой жилой дом с надворными постройками для обслуживающего персонала. Переправа на остров к дачам производится на моторной лодке»².

Проверяющие описали «царские дачи» в то время, когда те пребывали ещё в стадии строительства – в августе 1934 года. Со слов очевидцев – местных жителей, на острове были возведены не две, а три дачи. Дача Кабакова отличалась от двух других своим величием. Дом был трёхэтажным, с резными балконами и террасами, с несколькими красивыми башенками и флюгером. Все его окна были изготовлены из цветного стекла с прекрасными орнаментами, полы выложены цветным ковровым паркетом³.

Есть и другие свидетельства о внешнем виде этих дач, их внутреннем убранстве, о благоустройстве на острове. Правда, относятся они уже к более позднему времени, когда эти дачи оказались заброшенными, многое из оборудования и убранства было утрачено, а дача Кабакова серьёзно пострадала от пожара. Тем не менее, даже остатки былой роскоши поражали тех, кому впервые довелось их увидеть.

В 1947 году на острове Репный, будучи ещё подростком, впервые побывал местный житель Николай Сергеевич Кулаков. В течение последующих нескольких лет он проводил отпускное время на этом острове и потому хорошо запомнил, что там находилось. К тому времени на месте кабаковской дачи осталось лишь пепелище, тем не менее, воспоминания Н.С. Кулакова позволяют реконструировать некоторые элементы её внешнего вида. Верх громадной кирпичной трубы был отделан глазурованными изразцами. Под трубой располагались большая кухонная плита и немецкий отопительный котёл. К даче примыкала большая открытая терраса с бетонным ажурным ограждением и столбиками, на которых располагались цветочные чаши и скульптуры. Фундамент был облицован серым гранитом. Терраса имела несколько выходов к аллеям. «От восточного берега острова прямо полого вверх идёт широченная бетонная лестница с гранитными ступенями и несколькими площадками, – вспоминал Н.С. Кулаков. – Как и терраса, бока лестницы отделаны серым гранитом. По краям липовые аллеи. Низ лестницы упирался в большой «Г-образный деревянный пирс, на углах которого стояли восьмиугольные резные беседки с острыми крышами под железом»⁴.

От второй дачи к тому времени остался лишь большой фундамент (считается, что она силами военного округа была перевезена и заново собрана на близлежащем озере Балтым и впоследствии служила дачей для командующего округом⁵). А вот третья дача после войны пребывала в неплохой сохранности. Она была описана Н.С. Кулаковым и позволяет представить жилищные условия, которые создали для себя «строители социалистического Урала»: «За поляной проглядывался высокий терем с резными украшениями, островерхой крышей с восьмигранной башенкой, у которой были треугольные острые окна. К даче вела приметная заросшая тропинка и подходила она к большому высокому крыльцу – веранде на красивом фундаменте, облицованном серым гранитом. Терем стоял фронтом к этой поляне, был выкрашен белой и голубой краской, замечательно смотрелся на фоне зелёного лиственного леса. <...> С южной стороны терема – ещё крыльцо, оно венчалось верандой с большим эллипсовидным окном со стеклянной дверью в центре его. Отсюда начиналась красивая заросшая липовая аллея. С громадного крыльца-веранды большая застеклённая центральная дверь вела в обширную гостиную. На полу был разобранный линолеумный цветной ковёр, стены гостиной были отделаны красивейшим линкрустом с рельефным орнаментом...». Потолок, по воспоминаниям Кулакова, был украшен красивейшим орнаментом. Большая, стилизованная под дуб дверь слева вела в просторную продолговатую комнату с большим овальным окном из толстого полированного венского стекла. Такая же дверь справа вела в большую шестигранную комнату с крупными прямоугольными окнами в каждой простенке. Левая дверь выводила в южную комнату с эллипсовидными окнами и выходом на южное крыльцо. Рядом находились большая ванная комната, выложенная розовым кафелем и оснащённая красивейшей сантехникой, и туалет. В отдельном большом помещении был установлен многосекционный водогрейный немецкий котёл. Отопление было водяным, везде стояли красивые импортные радиаторы. В углу коридора располагалась резная деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Второй

этаж повторял первый, только почти в каждой комнате имелись большие резные балконы. В просторной спальне висело огромное овальное зеркало в резной раме. Далее по винтовой лестнице можно было подняться на чердак и в восьмигранную башенку, отделанную лакированной лиственницей⁶.

Другому очевидцу, бывавшему в этих местах, запомнились на даче бело-голубые изразцы, уникальные брусчатые полы из редкой породы лиственницы и мраморная лестница, ведущая к воде⁷.

Большие работы на острове были проведены по преобразованию дикой природы в садово-парковую территорию. Вокруг дачи стояли круглые мраморные столы, а вдоль липовых аллей располагались изящные гипсовые скульптуры. На острове были установлены фонтаны, скамейки для отдыха, беседки, а также искусно спрятанные уборные⁸. И даже спустя годы после того, как роскошные дворцы навсегда покинули их хозяева, на острове оставались следы былой красоты. Дачи стояли посреди лиственного леса. «Он подходил вплотную к даче, но это был не дикий лес! – вспоминал об увиденном в конце 1940-х годов Н.С. Кулаков. – Вокруг стояли громадные старые берёзы, их вершины закрывали даже башенку со шпилем, а ветви доходили чуть не до земли. Видно было сразу, что они посажены специально и в определённом порядке»⁹.

К слову сказать, работники, трудившиеся в Балтымском хозяйстве (в ведении которого были дачи на острове Репный), в 1930-х годах жили в несколько иных условиях, нежели уральские партийные «вожди». Об этом обстоятельстве докладывали сотрудники партконтроля и совконтроля, проверявшиехозупр облисполкома: «В Балтымском хозяйстве рабочие бараки в совершенно нетерпимом состоянии: грязь, скученность, большое наличие паразитов и т. д. Вскрыты также факты обсчёта рабочих»¹⁰.

Судя по воспоминаниям, иные строения, помимо дач, на острове отсутствовали. Обслуга и охрана располагались на берегу озера, там, где начиналась дорога, прозванная в народе «кабаковской». На берегу озера располагались несколько де-

ревянных строений, среди которых были конюшни, помещения для «барских возков», большая кухня, барак для прислуги и охраны, домик управляющего. Там же в отдельном здании располагался дизельный электрогенератор, предназначенный для освещения дачи и подсобных помещений. Электроэнергия поступала на остров по проложенному по дну озера кабелю¹¹.

Место отдыха «уральских вождей» хорошо охранялось. Охрана располагалась как непосредственно на берегу озера, так и при въезде на «кабаковскую дорогу» с противоположной стороны, где была установлена специальная арка с деревянными воротами, несколько домиков и барак. Другие военизированные кордоны надёжно защищали от чужих глаз не только озеро, но и его округу¹².

С большой долей вероятности можно утверждать, что одна из трёх дач на Шитах принадлежала кабаковскому приближённому, председателю облисполкома Василию Фёдоровичу Головину. Известно, что ранее, до строительства дворцов на острове, дачи Кабакова и Головина на Балтыме также располагались по соседству друг с другом. Предшественник Головина, председатель Уральского облисполкома Михаил Константинович Ошвинцев в своём распоряжении имел две дачи: одну на Балтыме, вторую – на Шарташе. На обеих дачах за счётхозуправления облисполкома содержался обслуживающий персонал¹³.

Свердловское горкомовское начальство старалось не отставать от областных «вождей». Несмотря на то, что в распоряжении «столичного» горкома уже был дом отдыха на озере Шарташ, у первого секретаря горкома Ф.И. Карклина, второго секретаря Ф.И. Стриганова, а также инструктора горкома и по совместительству председателя лечебной комиссии Н.П. Масленникова возникла идея построить ещё один дом отдыха в живописном месте на берегу Чусовского озера, что южнее Свердловска. «Это было в кабинете Карклина, – рассказывал потом партийным следователям Николай Павлович Масленников. Говорили о том, что актив живёт в трудных условиях, что-то надо предпринять, чтобы этот ак-

тив устроить, и решили построить дом отдыха партийного актива». Руководить всеми работами по строительству, оборудованию и благоустройству территории поручили председателю лечкомиссии Масленникову. Он отправился на озеро, где выбрал подходящее место для отдыха «бедствующего» актива. Одновременно для обслуживания дома отдыха продовольствием решили создать сельхозкомбинат. Кроме того, постановлением президиума Свердловского горсовета от 20 апреля 1934 года за домом отдыха закрепили не только Чусовское озеро, но и ряд других, расположенных вокруг Свердловска: Чёрное, Глухое, Половинное и Шувакиш, где для обслуживания начальства предполагалось создать рыбные хозяйства¹⁴.

Пользуясь случаем, Карклин и Масленников организовали себе отдельные дачи, находившиеся на противоположном берегу озера. Как и в случае с дачей Кабакова, чтобы добраться до них, нужно было переправляться по озеру, автомобильная дорога отсутствовала. Проектированием дач занимался специально приглашённый инженер. Дачи включали в себя шесть комнат – пять внизу и одна наверху. Второй этаж зданий был построен в виде мансарды с верандой. Обе дачи были обиты материей, для них были приобретены дорогостоящие мебель, ковры и ковровые дорожки, посуда. Разумеется, на дачах была организована охрана, имелась прислуга. Для подведения к дачам электричества потребовался специальный морской кабель длиной 3 километра, предоставить который взялась одна из ленинградских контор. Взамен ленинградцы попросили вагон металла. Горкомовским чиновниками ничего не стоило договориться с Верх-Исетским металлургическим заводом о получении требуемого¹⁵.

С целью приобретения обстановки для дач Карклина и Масленникова, а также для Чусовского дома отдыха в Ленинград и Москву были командированы заместитель председателя горлечкомиссии А.А. Гончаров и начальник строительства Дома культуры героев Гражданской войны и труда С.Б. Кроль – беспартийный и дважды судимый бывший торговец, имевший обширные связи в различных государственных

ных структурах и торговых организациях. О последнем говорили: «крупный специалист, коммерсант, везде всё достанет». Перед командированными была поставлена задача приобрести эксклюзивную мебель и посуду. Закупки производились в комиссионных и антикварных магазинах. В этих магазинах были куплены пять столовых сервизов стоимостью от двух до трёх тысяч рублей каждый, вазы, винные сервизы, бокалы, графины и даже пивная кружка, исполняющая во время пользования ею музыкальные номера¹⁶.

Деньги текли рекой. Стоимость одного только оборудования дач и дома отдыха проверяющие определили в 258 тысяч рублей. Кроме того, почти в 20 тысяч обошлись расходы на поездки Кроля и Гончарова, которые не удержались от соблазна присвоить себе некоторую часть из денежного потока, проходившего через их руки. А поток этот был немалым: только Самуил Борисович Кроль имел на собственном счёте более 150 тысяч рублей. Содержание дома отдыха и дач тоже выливалось в «круглую сумму».

Чусовской дом отдыха располагался на расстоянии 27 километров от Свердловска. Большую часть пути – 20 километров – приходилось преодолевать по грунтовой разбитой дороге. Некоторые начальники ежедневно отправлялись с дачи в город и вечером возвращались обратно, гоня машины в общей сложности на расстояние более 100 километров. В распоряжении отдыхающих были пиво, дорогие вина и изысканные кушанья. Большой банкет на 100 человек закатили в день открытия дома отдыха. Водка, вино, портвейны лились рекой, не обошлось без драк (заместитель председателя горсовета Ф.А. Березин увидел поцарапанное лицо своей жены, упавшей в пьяном виде без чьей-либо помощи, почему-то счёл виновным в произошедшем зампреда Горпотребсоюза Пищика и побил как жену, так и ни в чём не повинного Пищика, а заодно пытавшуюся предотвратить мордобой кастеляншу).

Удалённость дач Карклина и Масленникова вызывала дополнительные расходы, связанные с доставкой с Чусовского дома отдыха приготовленных обедов и организацией на этих дачах банкетов для избранных¹⁷.

На свой отдых большое начальство государственных средств не жалело. Известно, что председатель Свердловского облисполкома Василий Фёдорович Головин, к примеру, на южные курорты ездил с женой и ребёнком в собственном вагоне, в сопровождении двух охранников. Секретарь горкома Кузнецов на курорт в Сочи прихватывал с собой секретаршу¹⁸. Остаётся только гадать, в каких условиях изволил отдыхать на курортах сам Иван Дмитриевич: уповать на скромность важного партийного начальника не приходится...

Руководство страны позаботилось о создании для работников местных партийно-государственных структур системы льгот и привилегий, которая должна была обеспечить благоприятные материально-бытовые условия для этих работников, включая организацию их отдыха и медицинского обслуживания. Для этих целей в Уральской области в начале 1930-х годов были организованы хозяйственные управления при облисполкоме и горисполкомах и лечебные комиссии при обкоме и горкомах партии. Из средств, которыми располагали хозупры и лечкомиссии, так называемому партийному и хозяйственному активу выплачивались денежные пособия на отдых и лечение, было организовано их продовольственное обеспечение. Ввиду нехватки в местных властных структурах средств, поначалу не возбранялось, если для осуществления этих задач в какой-то мере привлекались дополнительные материально-финансовые ресурсы. Однако чем это в итоге может обернуться, если судить по последовавшей реакции высшего руководства, «наверху» даже не предполагали.

Вино, часы, патефоны, автомобили...: материально-бытовые запросы «уральского истеблишмента»

Хозяйственное управление Свердловского облисполкома, предназначенное для «материально-хозяйственного обслуживания» обкома и облисполкома и их работников, пред-

ставляло собой крупную хозяйственную организацию с оборотами в миллионы рублей. В ведении областного хозупра состояли домоуправление с 12-ю домами (237 квартир), Второй дом советов (83 квартиры, где проживало главное областное начальство), столовые в обкоме, облисполкоме и Втором доме советов, дома отдыха на Шарташе и в Истоке с подсобными хозяйствами, Балтымские лесные дачи с собственной продовольственной базой. В состав хозупра входили подсобные предприятия (фотография, мастерские по ремонту одежды и обуви, парикмахерские, столярная и механическая мастерские), гаражно-конный двор и строительно-ремонтный сектор¹⁹. Большую статью расходов хозупра составляло продовольственное и промтоварное обеспечение прикреплённого контингента и членов их семей. Хозупр обеспечивал руководящих работников обкома и облисполкома бесплатными завтраками, в их распоряжении были столовые с обедами по льготным ценам. Большое количество продуктов и промтоваров распределялось бесплатно в виде так называемых посылок. Только за первые восемь месяцев на такие посылки было израсходовано более 230 тысяч рублей. В распоряжении больших начальников были мясные изделия, окорока, колбасы, сыры, масло, икра, конфеты и шоколад, мандарины, сухофрукты, печенье. Помимо основных продуктов питания в эти посылки вошли 828 бутылок различных дорогих вин и 286 упаковок шоколада. В квартиру председателя облисполкома Головина были доставлены вина на 732 рубля, включая редкие, произведённые в 1894 и 1905 годах. Вино на сотни рублей доставлялось на квартиры секретаря облисполкома Степанова, заведомо руководящих парторганов обкома Лapidуса, заведующего торговым отделом обкома Мищенко, заместителя председателя облисполкома Иконникова, секретаря Калатинского райкома Рода, секретаря Пермского горкома Корсунова, секретаря Златоустовского райкома Ессяка. Самые крупные суммы на продукты были затрачены, как и полагалось, на семьи первого секретаря обкома И.Д. Кабакова – более 3,5 тысячи рублей – и председателя облисполкома В.Ф. Головина – почти 3900 рублей, не считая вина. Поч-

ти на 3000 рублей продуктов получил второй секретарь обкома В.А. Строганов. Завотделом обкома Лapidус получил в общей сложности даже несколько больше Строганова, но 400 рублей в его «продуктовой корзине» заняло вино. Среди промтоваров, доставленных в квартиры руководителей области, числились шесть патефонов, шесть чемоданов (четыре чемодана забрал себе зампред облисполкома Иконников), семь костюмов, четыре плаща и пальто, четверо дамских рейтуз, три пары детских валенок и т. д. Но гораздо большим спросом, нежели готовые изделия, пользовались ткани и материи, ведь в распоряжении больших начальников и их жён находились пошивочные мастерские. Так, среди прочего на квартиры были доставлены 57 метров шёлка, 27 метров дорогого сукна и шерстяных тканей, 328 метров различных других тканей. Огромным спросом пользовалась дорогостоящая кожа шевро, которой было выдано 1980 квадратных дециметров. Кроме прочего, жёны руководящих работников заказали себе за этот период 16 флаконов духов и 18 коробок пудры²⁰.

Руководящая верхушка в количестве 20-25 человек пользовалась дополнительными привилегиями. За счёт средств хозупра им оплачивались пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт часов, пользование радио, прокат пианино, квартирная плата, услуги парикмахерской, услуги по стирке белья и уборке квартир. На это хозупром тратились десятки тысяч рублей. Кроме того, за год было бесплатно выдано меха для пошива на 6 тысяч рублей, различных товаров более чем на 10 тысяч рублей²¹.

Председателю облисполкома В.Ф. Головину, несмотря на то, что сам он и его семья состояли на бесплатном довольствии на даче, в течение семи месяцев 1934 года были доставлены на квартиру бесплатно (не считая продуктов) патефон, радиоаппаратура на 297 рублей, драповое пальто за 350 рублей, его семья получила различных меховых изделий на 1195 рублей, шаль, канцтовары. Плата за квартиру в размере 787 рублей также была внесена хозупром, и последним же были оплачены работы в портновской и сапожной мастер-

ских на 1667 рублей, за пользование пианино и радио 345 рублей. Вдобавок Головину были выданы денежные пособия: одно из хозупра – 1550 рублей, второе, 1000 рублей, от областной лечебной комиссии. Всего, по приблизительным и далеко не полным данным, на Головина и его семью за семь месяцев 1934 года было затрачено 11 143 рубля, что втрое превышало его зарплату за тот же период времени²².

Другие руководящие работники облизполкома вниманием хозупра обделены не были. Так, секретарь облизполкома В. Степанов, хоть и недолгое время пребывал на этой должности, успел получить разных благ на 3000 рублей²³.

Потребности «уральского истеблишмента» удовлетворялись быстро и в полном объёме. Выдача продуктов питания и алкоголя для пользующихся элитными дачами и домами отдыха производилась в том числе по запискам, которые, как правило, выглядели следующим образом: «Прошу отпустить: папирос – 10 п[ачек], вина 3-4 бут[ылки]. 15/1. А. Коган»; «Прошу отпустить: <...> коньяку 3 б[утылки], запеканки – 3 б[утылки], портвейн – 3 бут[ылки]. 19/1. Иконников». Некоторые записки отличались оригинальностью. Как то, к примеру, записка заместителя председателя облплана Вегнера: «Уважаемые граждане! Курить нечего, и надо освежить усталый мозг свежестью плодов земли. А поэтому: никотин и витамины. Прошу распорядиться. Забытый гость “В”». Другой пользующийся услугами хозупра, заведующий Вторым домом советов Фирсов, написал: «Борис! Сегодня случай, о котором я совершенно позабыл. Если возможно, то подбрось в том числе 2 б[утылки] белой и грушнёвой. Нужно к 6 часам». Все эти просьбы удовлетворялись, о чём на записках были сделаны соответствующие пометы²⁴.

Строгий учёт распределения продуктов питания не вёлся, в силу чего продовольственные фонды просто-напросто разбазаривались. Заведующий хозуправлением Л.О. Капуллер, его заместитель Я.Н. Дорин и ответственный исполнитель по снабжению С.Т. Козьмин отдавали распоряжения о выдаче тех или иных продуктов «нужным людям» просто на словах²⁵.

Большие материальные ресурсы и огромные властные полномочия позволяли не экономить и не заботиться о сохранении урожая, выращенного в подсобных хозяйстваххозупра. Выращенные овощи ссыпались в непригодные для хранения помещения и тару, в результате чего сгнили без малого 43 тонны картофеля, почти четыре тонны квашеной капусты, более полутора тонн солёных огурцов, четыре тонны лука и более тонны других овощей²⁶.

Зачем было экономить, когда подведомственные райисполкомы в сельских районах выполняют, хотя бы они того или нет, любое указание из обкома или облисполкома. Так, к примеру, были укомплектованы стада пригородных хозяйствхозупра облисполкома. В системе Уралскотоптреста было якобы закуплено скота на 6000 рублей, но в реальности деньги хозяйства так и не увидели. То же самое произошло с Еманжелинским мясовохозом, предоставившим двух быков-производителей стоимостью 3000 рублей, и с хозяйствами Мишкинского района, предоставившими скот почти на 8000 рублей. Шумихинскому району повезло больше: за скот стоимостью 9167 рублейхозупр облисполкома отпустил райисполкому материалов и товаров на 604 рубля и тем ограничился²⁷.

Вероятно, эти суммы были неподъёмными для свердловскогохозупра? Это было далеко не так. Вот какими средствами оперировали так называемые пригородные хозяйствахозупра (по данным, собранным бригадой партконтроля и совконтроля): «На пригородные хозяйства и содержание домов отдыха и фотографии на 1934 г. предусмотрено всего затрат на 2 620 927 руб. На покрытие которыххозуправлением облисполкома предусмотрено дотаций этим хозяйствам из средствхозупра 1 719 804 руб., в том числе Шарташскому пригородномухоз[яйст]ву и дому отдыха 752 000 руб., М[ало]-Истокскому хозяйству и дому отдыха 592 087 руб., и Балтымскомухоз[яйст]ву 375 717 руб. Фактически за 7 м[еся]цев 1934 г.хозупром отпущено этим хозяйствам в виде дотации всего 1 205 367 руб., в том числе Шарташскомухоз[яйст]ву и дому отдыха 722 300 руб.,

М[ало]-Истокскому хоз[яйст]ву и дому отдыха 260 094 руб. и Балтымскому хоз[яйст]ву 322 973 руб.»²⁸. Несмотря на то, что в данные партконтроля и совконтроля за 1934 год вкралась ошибка на 100 тысяч рублей (разница между размером дотации на все хозяйства и той суммой, которая была распределена по статьям расходов), тем не менее, вполне очевидно, что средств у хозупра было достаточно. Однако тратились они на иные цели.

Хозупр не считался с тратами, когда речь шла об удовлетворении запросов главного областного начальства. Расстояния, стоимость доставки грузов в расчёт не брались. Шёлковые ткани, например, стоимостью две с небольшим тысячи рублей, были доставлены самолётом. Из Москвы в Свердловск везли различные драгоценные вина, приобретённые в столичной гостинице «Гранд-Отель»²⁹. «Мебель и антикварные вещи закуплены на огромнейшие суммы, — докладывала бригада партконтроля и совконтроля о результатах проверки хозупра. — Для этой цели командировались люди специально в Москву и Ленинград. Драпировщик Безпрозванных сидел в Ленинграде 73 дня, несколько раз туда ездил Капуллер и Дорин. Мебель закупалась где попало: и в комиссионных магазинах, Ленпромторге, ЛСПО, покупалась и у частных лиц. При закупке средствами не стеснялись. Например, в Ленпромторге куплен кабинет за 12 086 руб., 5 ковров за 7840 руб., буфет за 1330 руб., письменный прибор за 865 руб., одни часы за 798 руб. и т. д. В комиссионном магазине “КУЖД” куплен буфет за 1500 руб., письменный прибор за 650 руб., столовый и чайный сервизы за 1040 руб., одни часы за 845 руб. В ЛСПО куплен рояль за 3000 руб., медвежья шкура за 380 руб. Всего в Ленинграде в государственных и кооперативных организациях на закупку мебели израсходовано 75 тыс. руб. Кроме того в отчёте Безпрозванных имеется частная расписка граж[данки] Цепляевой на 9 тыс. руб. за проданную ею мебель для столовой. Вот её счёт: “Уралоблисполкому. Счёт Цепляевой Пелагеи Кузьминичны (Ленинград, ул. Дзержинского, № 32, кв. 15). Продана столовая красного дерева, состоящая из буфета, стол [а] обед[енного],

12 стульев и стола самоварного за девять тысяч рублей. Из этой суммы в виде задатка получено 2000 руб. (две тысячи) рублей. П. Цепляева. Получила сполна 7000 руб. (семь тысяч) руб. Цепляева. 3/VIII-33 г.»³⁰.

В одном из московских комиссионных магазинов в 1933 году Капуллер приобрёл дорогой американский патефон и пластинки к нему. За всё заплатил 4300 рублей. Патефон Капуллер доставил в Свердловск и передал в пользование В.Ф. Головину, а затраченную сумму предусмотрительно провёл по документам 1932 года (в надежде, что финансовые документы за этот год проверяться не будут)³¹.

Заведующий хозупром Леонид Осипович Капуллер был готов исполнить любой «царский каприз». В июне 1934 года, во время одного из совещаний в Свердловском облисполкоме, проходившем то ли в кабинете В.Ф. Головина, то ли заведующего облфинотделом И.Л. Хороша, подали бутерброды с ржаным хлебом. По поводу отсутствия пшеничного хлеба большие начальники принялись отпускать шутки. Капуллер это воспринял как руководство к действию. Управляющий Свердловской областной конторой «Заготзерно» Мухтаров, с которым Капуллер завёл разговор о пшеничной муке, развёл руками: мука есть только у соседей – в Челябинской области. Капуллер оперативно нашёл выход. Он договорился с работником комитета резервов Челябинского управления НКВД Тимофеевым о получении муки из Каменского района. От свердловской конторы «Заготзерно» за подписью зам. управляющего Мухина в челябинскую контору «Заготзерно» и Тимофееву были даны телеграммы об отгрузке в счёт нарядов Свердловскому облисполкому пшеничной муки. Однако телеграммы были простой фикцией, никаких нарядов в действительности не было. Тем не менее челябинское «Заготзерно» и комитет резервов Челябинского управления НКВД дали наряд на муку, которая хранилась на Каменской мельнице Челябинской области. На выполнение важного задания были мобилизованы все имеющиеся в хозупре грузовики, которые доставили в Свердловск 24 тонны пшеничной муки. Тимофеев внакладе не остался: за труды от Свердлов-

ского хозупра он получил бесплатно продуктов на 2600 рублей по твёрдым ценам³².

До апреля 1934 года в хозуправлении облисполкома действовал порядок, при котором ответственные работники обкома и облисполкома, получавшие в хозупре денежные средства для командировок, не отчитывались в их расходовании. При командировках некоторым сотрудникам хозупра безотчётно выделялись, помимо положенных суточных и командировочных, весьма крупные суммы. Руководители хозупра копеек не считали и чувствовали себя «хозяевами жизни». За Капуллером был закреплён автомобиль, хотя такую привилегию имел далеко не каждый начальник его уровня³³. В Шарташском доме отдыха для руководителей хозупра Капуллера, Дорина и других готовились специальные улучшенные обеды, какие не видел даже отдыхающий там областной партактив. Капуллер вместе с женой, тещей, братом и двумя детьми занимал весь этаж дачи, полностью обставленной, с большим залом и ванной. Для развлечений служил иностранный патефон с большим количеством пластинок. Несмотря на то, что у Капуллера была личная постоянная прислуга, для обслуживания его семьи дополнительно выделялся работник дома отдыха. Когда заведующий хозупром направлялся в баню, то она, хоть и предназначалась для всех проживавших или работавших в доме отдыха, закрывалась для других посетителей на весь день. Баню украшали букетами цветов, расстилали там дорогой бархатный ковёр и застилали все лавки в бане и предбаннике простынями, устанавливали дополнительные зеркала. Для помывки столь ценного сотрудника использовался специально приобретённый дорогостоящий таз. Сотрудникам хозупра, прежде всего – работникам складов, Капуллер давал такое напутствие: «Ешьте, берите сколько нужно, но крепко держите язык за зубами»³⁴. И те ели, получали путёвки в южные санатории и денежные пособия и, по возможности, потихоньку приворовывали³⁵.

В ходе проверки хозупра была выявлена масса фиктивных счетов. Часть финансовых документов была уничтожена или нужным образом подправлена: во время проверки парт-

контроля и совконтроля шестеро сотрудников хозупра занимались «подгонкой отчётности» – уничтожали и фальсифицировали документы, где были отражены слишком высокие запросы областного начальства, тех, кто снабжался по так называемому «первому списку». Со слов Капуллера, поначалу отрицавшего сей факт, манипуляциям подверглась документация о снабжении «группы работников» из 9-10 человек, чтобы за ними не числился «перебор». Допрошенные участники фальсификаций конкретных фамилий тоже не называли, говорили лишь о неких «руководителях областных организаций»³⁶. Поэтому подлинные масштабы снабжения «областных вождей» были значительно выше, нежели те, что нашли отражение в материалах проверки.

Начальству на местах было сложнее скрыть свой достаток и образ жизни от посторонних глаз. У них не было дворцов в труднодоступных и строго охраняемых местах, квартир в домах, где в соседях проживали бы исключительно «свои», секретных складов по примеру того, какой был оборудован во Втором доме советов в Свердловске. Было гораздо сложнее подобрать обслуживающий персонал, который бы крепко держал язык за зубами, ведь за его молчание требовалось хорошо платить.

Основной поток средств Свердловской лечкомиссии, как уже говорилось, был направлен на строительство, приобретение мебели и прочего имущества для дач горкомовского начальства и Чусовского дома отдыха. Часть средств была выплачена партийным, советским и хозяйственным руководителям в виде денежных пособий. Самые крупные пособия получили (наряду с горкомовским руководством) те хозяйственники, чьи организации не скупились на улучшение материально-бытовых условий для партноменклатуры. Так, начальник горстройтреста Кузин получил от горлечкомиссии 2400 рублей, от областной комиссии – 200 рублей и две путёвки на элитные южные курорты. Подобным же набором благ был удостоен директор Свердпищеторга Саплин. Всего на эти цели лишь за неполный 1934 год было потрачено без малого 115 тысяч рублей³⁷.

Имея доступ к деньгам, главное горкомовское начальство использовало их для улучшения своего благосостояния – покупки дорогостоящих вещей не самой первой необходимости. Первому секретарю Свердловского горкома ВКП(б) Фрицу Ивановичу Карклину в Москве купили часы за 400 рублей. Инструктор горкома и председатель лечкомиссии Масленников обзавёлся импортным патефоном и пластинками к нему, кожаным пальто и швейцарскими ручными часами фирмы «Мозер». Заместитель Масленникова – Гончаров стал владельцем швейцарских часов фирмы «Павел Буре». Начальник снабжения лечкомиссии Питерский получил в собственность патефон и кожаное пальто. Заведующему Чусовским домом отдыха Санникову достались дорогостоящие ручные часы. Если не все вышеперечисленные, то подавляющее большинство покупок были совершены «представителем» лечкомиссии Кролем в магазинах Торгсина, для чего он скупал торгсиновские боны по спекулятивным ценам у старателей³⁸.

Пермское начальство тоже стремилось обеспечить себе сытую и комфортную жизнь. За счёт лечкомиссии при Пермском горкоме ВКП(б) к услугам членов бюро горкома были бесплатный чай, закуски, прохладительные напитки, папиросы, на что за 1933 год и семь месяцев 1934 года было израсходовано 37 888 рублей. Столовая партактива, обслуживавшая работников горкома, за тот же период была дополнительно профинансирована на 14 274 рубля. За счёт лечкомиссии члены бюро горкома получили продуктов не менее чем на девять тысяч рублей. По инициативе ответственного секретаря Пермского горкома ВКП(б) Ивана Николаевича Корсунова всем сотрудникам горкома к Первомайским праздникам были выплачены единовременные пособия и выданы продуктовые посылки³⁹.

Кроме того, денежные пособия выписывались по самым разным поводам: к ноябрьским праздникам, в связи с поездкой в Свердловск на областную партконференцию, на организацию всевозможных вечеров и прогулок. За 1933 год на эти цели ушло чуть больше 20 тысяч рублей, за семь меся-

цев 1934 года – ещё 4,5 тысячи⁴⁰. Масса средств тратилась на обслуживание многочисленных совещаний, пленумов, конференций, а также прибывавших из области чиновников. На одну только городскую партконференцию, а именно – на обслуживание президиума конференции, было затрачено как минимум 15 тысяч рублей, ведь управляющего делами Сенкевича специально отправили за продуктами за сотни километров – в областной центр. На областную партконференцию в Свердловск пермское начальство поехало поездом, в двух выделенных для них вагонах, куда загрузили «целые склады всевозможных закусок и вин». Заодно прихватили с собой жён. По дороге, разумеется, пьянствовали⁴¹.

Денежные пособия выдавались согласно занимаемой должности, в соответствии с властными позициями в руководстве города. Только из средств лечкомиссии Корсунов за неполный 1934 год получил более 4000 рублей, его жена – 2200 рублей, председатель ревизионной комиссии горкома Лифанов (который по должности должен был проводить проверки финансовой деятельности горкома) – 1750 рублей, заведующий орготделом горкома и председатель лечкомиссии Яковлев – около 4000 рублей, заведующий культпропотделом горкома Трубин (пьянствовавший вместе с Корсуновым) – 3000 рублей, жена Трубина – 200 рублей, инструктор горкома Субботин – 1600 рублей, другой инструктор горкома, Кискин – 1100 рублей⁴².

По подсчётам сотрудников партконтроля, за восемь месяцев 1934 года Корсунов помимо зарплаты и командировочных в собственное распоряжение получил: 930 рублей по фиктивным авансовым отчётам и сделанным припискам; 2100 рублей от горкома и 1050 рублей от областного хозупра на расходы по поездке на XVII съезд ВКП(б) (не считая двух бесплатных билетов в «люксе»); денежными переводами телеграфом 1030 рублей; на лечение от областной лечкомиссии – 700 рублей, от лечкомиссии горкома – 3968 рублей, по фиктивному бюллетеню – 600 рублей. К тому же от лечкомиссии жена Корсунова получила 2200 рублей, а его приближённый, завхоз горсовета Околокулак на сопровождение

семьи Корсунова в южные санатории – 3000 рублей. Итого только деньгами, по неполным данным, Корсунов получил более 15 тысяч рублей. Это не считая пособий, премий и подарков: от горлечко-миссии к 1 мая – 600 рублей, от горсовета – две посылки к 1 мая с продуктами и винами на 600 рублей, пособие отхозупра облисполкома – 500 рублей, премия от облисполкома – 400 рублей⁴³.

Интересно отметить, что ещё совсем недавно за коррупционные дела И.И. Корсунов рисковал лишиться партбилета. 22 ноября 1933 года ячейковая комиссия по чистке парторганизации завода № 10 имени Дзержинского, где проходил «чистку» Корсунов, исключила его из партии. Среди предъявленных Корсунову обвинений были «примиренчество и укрывательство преступных действий ряда работников пермских городских и районных организаций» и самоснабжение. Далее «дело Корсунова» поступило в районную комиссию по чистке. Она констатировала, что «...вместе с вскрывшимися совершенно нетерпимыми фактами самоснабжения отдельных ответственных работников установлено, что и сам т. Корсунов, покровительствуя в самоснабжении других, допускал личное самоснабжение и своего семейства». Однако районная комиссия, несколько раз пересматривавшая решение ячейковой комиссии и каждый раз подтверждавшая выдвинутые против Корсунова обвинения, так и не решилась исключить его из партии. Под занавес 1933 года она вынесла свой окончательный вердикт, сняв с себя ответственность и уповав на более высокие партийные инстанции: «Районная комиссия, отменяя постановление ячейковой комиссии по чистке об исключении т. Корсунова, постановила считать проверенным, вместе с тем постановляет просить областную комиссию по чистке партии в лице председателя т. Ройзенмана привлечь т. Корсунова к партийной ответственности». Опасения членов комиссии вполне понятны: они отчётливо понимали, что, лишая Корсунова партбилета, тем самым они фактически снимали «кабаковскую номенклатуру» с должности (правда, вместе с тем, следует оговориться, что члены районной комиссии по чистке полу-

ли от лечкомиссии в своё распоряжение продуктов более чем на тысячу рублей⁴⁴). На том дело и закончилось. В последующем партконтроль, проверявший материалы чистки, не обнаружил никаких взысканий в адрес пермского секретаря со стороны областных инстанций⁴⁵. Уверовав в собственную неприкосновенность, Корсунов с ещё большим остервенением продолжил делать то, за что ещё недавно рисковал расстаться с партбилетом.

Человек номер два среди пермского начальства – председатель горсовета Тимофей Иванович Гайдук, за несколько месяцев работы в этой должности (назначен в декабре 1933 года) успел получить очень большое пособие – 3500 рублей (это были деньги, вырученные от продажи Водоканалстрою мотора из горсоветского гаража) и различные дополнительные (разумеется – незаконные) выплаты. Притом что, оставляя место директора хромпикового завода, он получил от наркомата премию в 2000 рублей и подъёмные 1900 рублей⁴⁶.

Однако даже этих гигантских (по тем временам) сумм для главного городского начальства Перми было недостаточно. Те или иные продукты или промтовары они получали в магазинах, не тратя на это ни копейки из собственных средств, все расходы оплачивались либо за счёт средств лечкомиссии, либо – горсовета. В их распоряжении, среди прочих, был магазин №11 Уралторга – закрытый магазин партактива. Отдельные члены бюро горкома, в первую очередь это сам Корсунов и его собутыльник, завотделом горкома Трубин, были главными его клиентами. Среди получаемых ими продуктов питания были колбасы, мясо, балык, масло, сыр, икра, различные консервы, кондитерские изделия. Разумеется, немалую часть занимали спиртные напитки и табачные изделия. Всё это – на многие тысячи рублей⁴⁷.

Отоваривалось начальство и в другом магазине партактива – № 15. Именно туда в августе 1934 года поступили лучшие «торгсиновские» товары, которые щедрый (когда это касалось снабжения начальства) облвнуторг по запросу из Перми разрешил реализовать в открытой торговой сети. Товары

распределялись среди членов бюро горкома ВКП(б) и членов президиума горсовета. Съехавшееся на делёж товаров пермское начальство разобрало около трёх десятков кожаных полупальто (услужливый Трубин сразу же отобрал пять штук для руководства, включая Корсунова и себя, положив в карманы записочки с фамилиями получателей), 18 метров синего сукна, столько же чёрного драпа, 60 метров трико, обшитые бурки, белые и чёрные валенки, женскую обувь, детские валенки и ботинки. Гайдук, кроме обуви и тканей, взял себе дорогостоящее ружьё⁴⁸.

В середине 1934 года за счёт лечкомиссии пермское начальство и их жёны обзавелись в универмаге «Кожснабсбыт» обувью. Самая дорогая обувь – туфли из замши – досталась жене секретаря горкома Т.А. Корсуновой. Кроме того, она взяла себе туфли стального цвета, такие же, какие получили себе жёны Трубина и заместителя секретаря горкома Старкова⁴⁹.

Не довольствуясь исключительно готовыми изделиями, начальство шило одежду для себя и своих семейств в специальных мастерских. Стоимость пошива была очень низкой (в нарушение закона мастерские не платили налогов), но и ту покрывали из горкомовских и горсоветских средств. В частности, таким способом Корсунов обзавёлся очередным кожаным пальто и эксклюзивными сапогами из цветной кожи. Судя по тому, что заводделом горкома Трубин требовал в мастерской партактива «бросать всю работу и выполнять вне всякой очереди заказы ему», начальников и их жён, желающих пошить одежду, было достаточно много⁵⁰.

Состав и стоимость бесплатных продуктовых посылок, которые готовились лечкомиссией горкома или административно-хозяйственной частью горсовета, зависели от чина получателя. В них находилось приблизительно килограмм – полтора колбасы, столько же ветчины (рулета), сосиски, три банки консервов, масло, сахар, килограмм конфет, несколько бутылок вина и водки, 10 пачек папирос. Первые лица города дополнительно получили балык, окорок, ликёр, печенье. Посылки развозили по адресам ночью на легковой машине, чтобы не так бросалось в глаза⁵¹.

Гайдук требовал от подчинённых горсоветских хозяйственников покупать ему только дорогостоящую качественную колбасу, которая продавалась в Уралгастрономе по 25 рублей. Другую колбасу не признавал: «...Эту колбасу даже лошади есть не будут, а ты, подлец, кормишь председателя горсовета». После чего, впере-мешку с матом, следовали требования обеспечивать его высокока-чественными (следовательно – дорогостоящими) продуктами и «выпивкой». На замечание об отсутствии средств Гайдук заявлял: «Это меня не касается, должен достать»⁵².

Удивительно, но при всём этом Корсунов и Гайдук заявляли, что ответственные работники в Перми жили в чрезвычайно бед-ственном положении и даже голодали. Корсунов высказал секре-тарю лечкомиссии Тимофееву претензии, что последний вынуж-дал его, Корсунова, голодать. Гайдук заявлял, что руководящим работникам не хватало зарплаты, что они с семьями «...не могут жить так, как им нужно жить, как полагается жить людям, не могут прилично одеться, прилично жить»⁵³.

Весьма любопытен морально-нравственный облик пермского начальства. В Перми широко было известно, что секретарь гор-кома Корсунов много пил. Пил как в одиночку, так и с приятелями, и с коллегами. Пьянствовал при выездах на природу, во время по-ездки на областную партконференцию в Свердловск и даже в Москве, куда ездил в качестве делегата съезда партии. Не стес-нялся появляться в пьяном виде в общественных местах. Когда напивался, становился буйным. В московской гостинице поучаст-вовал в пьяном скандале с дракой⁵⁴. В Перми судачили, что на квартире у Корсунова ни одного вечера не проходит без пьянства, скандалов и драк, и будто бы однажды на пикнике за Камой он застрелил человека, но дело постарались замять. Говорили, что Корсунов пьянствует с артистками, и что у него то ли три, то ли четыре «жены»⁵⁵.

Под стать Корсунову был его ближайший помощник, двадца-тисемилетний Пётр Васильевич Околокулак, получивший в Перми должность завхоза горсовета. «Он был, так

сказать, придворным поставщиком Корсунова, доставлял деньги, продукты, вино, – говорил на закрытом заседании бюро Пермского горкома сотрудник партконтроля П.Н. Носов. – Всё это доставлял в неограниченном количестве. Занимался Околокулак исключительно изысканием средств для самоснабжения»⁵⁶.

По имевшимся в Пермском городском отделе НКВД сведениям, Околокулак появился в Перми в 1932 году – одновременно с назначением секретарём горкома И.Н. Корсунова. Вскоре был устроен комендантом здания горсовета, позже стал помощником начальника административно-хозяйственного управления горсовета. По слухам, Околокулак являлся родственником Корсунова. Вся работа Околокулака в горсовете заключалась в изыскании средств для снабжения семьи Корсунова. Всегда сопровождал секретаря горкома в поездках в Свердловск или Москву. Свои непосредственные обязанности в горсовете он не исполнял. Дважды его пытались уволить из горсовета, но благодаря покровительству со стороны первого лица города он оставался на своём месте. Во время очередной такой попытки Околокулак заявил: «Ещё неизвестно, кто останется на работе в горсовете: я или тот, кто меня уволил»⁵⁷.

Через завхоза горсовета проходили большие финансовые потоки, которые направлялись, как правило, на удовлетворение высоких запросов семьи секретаря горкома партии. Когда жена и двое детей Корсунова отправились на южный курорт, то Околокулаку доверили их сопровождение. На расходы из лечкомиссии ему выделили три тысячи рублей, а также дали путёвку в санаторий (хотя сам Околокулак был беспартийным)⁵⁸. Несмотря на то, что Т.А. Корсунова отдельно получила большую сумму из лечкомиссии (словно тоже являлась членом бюро горкома партии, хотя в действительности работала экономистом горплана), средства быстро закончились, и Околокулак письмом от 16 июня 1934 года, отправленным из Мисхора, запросил у секретаря лечкомиссии Афанасия Сергеевича Тимофеева очередной денежный перевод. Околокулак пожаловался, что поиздержался на жену Кор-

сунова, и заодно поведал о некоторых любопытных деталях пребывания в Крыму. Приводим это письмо полностью (цитируем по копии, отложившейся в партийно-следственном деле Пермской горлечкомиссии):

«Здравствуй, Афонасий!

Преыдыущие письма писал с неокончательного места, а теперь уже имею счастье лепетать с самого санатория.

Жизнь неплохая, кормят примерно сносно, желательно бы лучше, но что же? Приходится кое-что покупать в гастрономе. В общем, жить можно. За оказанную помощь я сильно, сильно благодарю и конечно в большом долгу. Думаю, что сочтёмся на месте. Мисхор для отдыха замечательный, а Ялта – для гулянья и е... (нецензурное слово). Правда, одно другому не мешает, но увлекаться сильно последним нет смысла.

Афонасий, я послал вам с Ив. Николаевичем телеграмму в отношении денег, то будь добр, помоги мне ещё, пожалуйста, ибо я порядком издержал на Таису Алек., как расходы [на] проезд, путёвка наличными, дал кроме всех указанных расходов 800 руб. и другие дорожные “мелочи”, а также понёс приличные расходы до момента определения в санаторий, потому что приходилось с 26/V по 3/VI с/г снимать номер и продовольствоваться в ресторанах. В общем, деньга идёт как вода, а поэтому не откажи моей просьбе в части перевода руб. 600-700, буду очень благодарен. Можешь этот вопрос согласовать с Ив. Николаевичем. Он обещал это сделать.

Афонасий, сообщи, куда и когда едет Иван Николаевич в отпуск и ты. Когда будешь ехать, то смотри, обзапасайся папиросами, а то здесь нет, а если есть, то в ресторанах по 5-6 руб. пачка, и то с боем достать, а также не обидь себя с монетой, потому что есть чего купить.

Ну, всего хорошего, жду ответа, с дружеским приветом.

Петя.

Приветствуй Сашу от меня»⁵⁹.

Околокулак был вхож во многие властные кабинеты и, несмотря на небольшую должность, был весьма влиятельной фигурой. Шофёры рассказывали, что возили к Околокулаку не простых врачей, а профессоров. Машины горсовета

тоже были в его распоряжении, порой шофёрам приходилось возить его пьяного, куда тот пожелает. Однажды, когда приехал на место, передумал выходить и потребовал везти обратно. Стал угрожать шофёру браунингом: «Давай я тебя сейчас застрелю». Когда шофёр пригрозил Околокулаку увезти его в отделение милиции, последний по-барски бросил: «Завтра же тебя не будет в горсовете!»⁶⁰

Нужно отметить, что шофёры горсовета рассказали партийным следователям достаточно много интересных деталей, характеризующих повседневную жизнь «пермских вождей».

Использование автотранспорта в личных целях широко практиковалось пермскими господами. «Под предлогом того, что едут на уборочную, готовишь немедленно машину, заставляешь шофёров работать ночами, а в результате народ поехал в гости», – возмущался заместитель заведующего гаражом Голубев. Частенько шофёрам приходилось ночами развозить по квартирам пьяных пермских начальников⁶¹.

Голубев поведал историю о том, как отвозил на машине в поликлинику анализы заместителя председателя горсовета, уполномоченного СНК по заготовкам Ежелева, и что ему пришлось выслушивать от пермских господ и их прислуги. Началось всё с того, что в Пермь к заведующему гороно Зубову пожаловало областное начальство. Зубов попросил предоставить в его распоряжение машину. Машину уже готовили, когда в гараже раздался звонок от Ежелева, чтобы машину подали ему. Было известно, что Ежелев состоял в приятельских отношениях с Гайдуком, и, по всей видимости, потому в гараже сочли, что последний заказ в приоритете над первым. «Я подал [машину] Ежелеву, – рассказывал Голубев. – Велели привезти доктора. Я привёз доктора, дежурил около часа, увёз обратно доктора домой. Только вернулся в гараж, вызывает опять машину. Приезжаю, выбегает домработница и говорит: “Везите мочу на исследование”. Меня это очень удивило, я и говорю, что вы сделайте [это] сами, у меня член президиума Зубов ждёт машину. На меня закричали: раз приказали, то должен исполнять. Повёз в клинику. Очередь. Стою полчаса, час, а машина всё ждёт. На это за-

тратил я полтора часа времени. Отношения с Ежелевым обострились. [Когда] он был в командировке, его жена заявляет: “Когда шофера будут дисциплинированными? Вы для нас, или мы для вас?”»⁶².

Председатель горсовета Гайдук тоже активно пользовался служебной машиной в личных целях. Причём – в сугубо личных. По выходным брал любовницу и ехал с ней на машине отдыхать на природу либо купаться на реку Бабка за 60 километров от Перми⁶³.

Однажды Гайдук под предлогом проводов председателя облисполкома В.Ф. Головина набрал много вина, колбасы, масла и других продуктов и устроил выезд за город в компании с женщиной-корреспондентом. Во время пикника хозяин горсовета подозвал шофёра и подал ему с «царского стола» бутерброд с ветчиной. Но потом решил позабавиться и кинул шофёру огурец, словно собаке, со словами: «На». «...Устроили пикничок, а на меня смотрели как на собаку, подбрасывали куски, и я должен ловить их», – рассказывал своим коллегам шофёр, ранее служивший в армии и возивший высокопоставленных военных, но никогда не встречавший такого, по его словам, скотского отношения⁶⁴.

На первомайских праздниках пьяное начальство решило покататься на машинах. Одному из участников попойки – военному чину по фамилии Покровский на пьяную голову вздумалось поехать на Казанский тракт, продемонстрировать своё умение управлять машиной. Шофёр попробовал было возразить, но Покровский взял его за шиворот и вытряхнул из машины. Шофёру, тем не менее, удалось незаметно заблокировать машину, перекрыв кран подачи топлива. «Знаток машин» так и не сумел привести её в движение⁶⁵.

На следующий день, вернее, уже ночью, машина понадобилась председателю горсовета Гайдуку. Последнему захотелось побравировать перед сопровождавшими его женщинами, и потому сам, хоть и был пьян, уселся за руль. На спуске Гайдук разогнал машину так, что напугал рядом сидевшего шофёра. Последнему удалось резко затормозить и тем самым предотвратить аварию⁶⁶.

В результате нещадной эксплуатации относительно новые машины разваливались и простаивали в гараже в ожидании дорогостоящего ремонта⁶⁷. На их ремонт средств не было. Другое дело – персональная машина председателя горсовета Гайдук, которая была в его личном владении. За машиной в Первоуральск на хромпиковый завод послали шофёра гаража и своим ходом доставили её в Пермь, на что израсходовали несколько сотен рублей. Заместителю завгаром Голубеву приказали машину «оборудовать как следует»: покрасить, никелировать некоторые детали, приобрести запчасти, сделать буфера, чтобы придать ей достойный вид. Приказ выполняли как силами гаража, так и привлекали сторонние организации, включая завод «Красный партизан». На оплату материалов, зарплату внештатных специалистов ушло 850 рублей, ещё порядка 600 рублей требовалось заплатить «Красному партизану». Из-за того, что работы затягивались, Гайдук очень нервничал. «Дело доходило до того, что Гайдук кричал, что если ты к такому-то числу не сделаешь машину, я тебе, сукину сыну... и так далее, – рассказывал Голубев. – Приходилось нажимать». Кроме того, Гайдук потребовал поставить на его личный автомобиль новые шины, изъяв весь имевшийся в горсоветском гараже запас. «У меня было пять штук в запасе, Гайдук велел отправить к нему на квартиру, – далее вспоминал Голубев. – Я долго тянул с отправкой на квартиру покрышек, потому что свои машины без резин ходят. Я несколько раз спрашивал у [ответственного секретаря горсовета] Нечаева об этом запасе. Мне сказали: раз сказано, туда и увезёшь. Гайдук пришёл и заявил: “До какой поры не будешь уважать хозяина? Если через час не будет сделано, я вам вынесу административные взыскания!” Эти пять покрышек с его шофёром я со слезами на глазах отправил. Моя машина без резин, а у них пять покрышек. Покрышка стоит 85 рублей, всё стоит 500 рублей. Это новая машина, она всё время стоит, он один раз в Свердловск ездил. Приходит в склад и спрашивает: покажи, что есть. Лампочек взял 12 штук, автотолмп полдюжины для своей машины»⁶⁸.

Угрозы Гайдуга не были пустым звуком. Как только он приехал в Пермь, так ему с первого взгляда «не понравился» заведующий гаражом горсовета А.А. Ковязин. Причина тому – желание устроить на это место «своего человека». Для того чтобы убрать Ковязина, Гайдук разыграл нехитрую сценку, будто бы он, Гайдук, вызвал машину, а она не пришла. Завгаром не только уволили «за недисциплинированность», но и следом вместе с женой и двумя малолетними детьми выбросили из квартиры горсовета. На место заведующего гаражом из Свердловска приехал некто Суворов. Если Ковязин получал 250 рублей в месяц, то «своему» Гайдук установил зарплату в 400 рублей⁶⁹.

Заведующий горснабом Тимофей Фёдорович Конев выделял деньги на горсоветский гараж и за это имел доступ к находящемуся там автотранспорту. Очень часто – «не по служебным делам». «Допустим, он крутил там с какой-то дамой или барышней, я увозил их на Пермь–II и ещё в другие места», – рассказывал партийным следователям шофёр горсовета Толчин⁷⁰.

Расследование партконтроля, задаваемые партийными следователями вопросы вызывали раздражение у пермских чиновников. «Скопцы мы, что ли?» – вопрошал член бюро горкома, секретарь парткома завода № 10 Бабкин, когда в беседе с партийным следователем речь зашла о спиртном в полученной им продуктовой посылке⁷¹. А Гайдук, который только-только успел обзавестись мебелью за счёт горсоветских средств и в целом весьма успешно наладить свой быт, раздражённо бросил в адрес уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Свердловской области: «Папардэ так ищет всё, так пускай тогда и правит Уральской областью»⁷².

В Кабаковске (бывшем Надеждинске) созданием благоприятных условий для местного начальства занималось хозяйственное управление, созданное в апреле 1933 года при горсовете. На некоторое время хозупр переподчинили горкому партии, но вскоре его передали обратно. Частая смена подведомственности была вызвана, судя по всему, необходимостью скрыть расходование средств. По крайней мере,

известно, что работники Кабаковского хозупра уничтожали соответствующие финансовые документы и умышленно запутывали учёт доходов и расходов. Так, «комиссия по улучшению культурно-бытовых условий партактива», состоявшая из трёх работников хозупра, постановила: «Документы по израсходованию средств, акты на сумму р. 13473-92 сжечь. Оправдательным документом считать данное решение»⁷³. По этой причине подлинные масштабы коррупции в Кабаковском хозупре, как, впрочем, и в других хозупрах и лечкомиссиях, установить партконтролю не удалось.

Известно лишь, что на обслуживание партактива было израсходовано не менее 73 700 рублей, на проведение пленумов и конференций – 8000 и почти столько же – на празднование годовщины создания органов милиции и ГПУ. Часть партхозактива обслуживалась в столовой и получала различные товары из магазина по значительно сниженной стоимости. Уценялись для последующей реализации начальству такие продукты, как масло, сыр, консервы. Стоимость снижалась в два-три раза и более (к примеру, сыр – в шесть раз, с 30 рублей за килограмм до 5 рублей). Кроме того, руководящая верхушка часть промтоваров и продуктов получала бесплатно. Бывший секретарь горкома Жданов получил бесплатно товаров и продуктов на 3500 рублей, председатель горсовета Лаптев – почти на 1300 рублей, заместитель секретаря горкома Колесников – почти на 1700 рублей, председатель городской КК-РКИ Деменёв – на 1300 рублей, начальник отдела ГПУ Антонов – на 1500, секретарь парткома металлургического завода Долгов – почти на 1900 рублей. При «кормушке» состояли также редактор городской газеты «Пролетарий» Альшер, прокурор Ершов, заместитель начальника отдела ГПУ Козлов и другие «нужные люди»⁷⁴.

В Кабаковске, как и в Перми, практиковалась доставка продуктовых посылок в начальственные квартиры. Осуществление этой ответственной задачи заведующий хозупромом и управляющий делами горкома партии Н.В. Вагин возложил на свою подчинённую – заведующую магазином партактива А. И. Воронову. При этом дал ей недвусмысленные указа-

ния, как это следует делать: в ночное время, «конспиративно», стараться быть незамеченной⁷⁵. Кабаковскому начальству доставляли деликатесы того времени: консервы рыбные, консервированные овощи и фрукты, печенье, конфеты. Иногда докладывали мясную продукцию⁷⁶.

Тридцатилетний секретарь горкома партии М.А. Жданов получал от хозупра денежные пособия и содержал за счёт этого же управления личную прислугу. Его преемник И.А. Спиров традиции не прекратил: за счёт хозупра получал бесплатно продукты и заказывал одежду в пошивочной мастерской. Когда кабаковское начальство – секретарь горкома Спиров, зампред горсовета Собенин, директор металлургического завода Рязанцев и секретарь парткома завода Долгов отправились в Свердловск, то хозупр скрасил их командировочные будни коньяком, кагором и достаточной закуской⁷⁷.

Приезжавшее в Кабаковск областное начальство тоже обслуживалось хозупром. В частности, управление снабдило директора завода Рязанцева продуктами и вином, когда тот накрывал стол для прибывшего второго секретаря обкома ВКП(б) В.А. Строганова (впоследствии счёт магазина № 3 Уралторга был изъят заведующим промышленным отделом обкома Г.Г. Яном, приезжавшим в Кабаковск «расследовать» факты коррупции). Пользовался хозупровскими продуктами и председатель облпрофсовета А.И. Финьковский⁷⁸.

Руководители Нижнего Тагила, организовав хозупр и лечкомиссию, себя тоже не обижали. В специальных магазинах и на базах за счёт хозупра получали продукты и промтовары бесплатно или с 50-процентной скидкой, к их услугам были бесплатные столовые. Кроме того, круг избранных, куда входили секретарь Нижнетагильского горкома М.В. Кузнецов, начальник Уралвагонстроя Л.М. Марьясин, начальник Тагилстроя М.М. Царевский и его заместитель Степанов, были прикреплены к магазину Инснаба. Царевский и Степанов дополнительно пользовались магазином № 30 ОРСа Тагилстроя⁷⁹.

В списке тех, кто бесплатно получал продукты с базы № 1, значились секретарь горкома Кузнецов, его заместитель Му-

равенко, заведующий орготделом горкома Зайцев, председатель городской контрольной комиссии Вейс, председатели горсовета Лобзенков и Грушин, начальник отдела ГПУ Плахов и другие, всего 10 человек. Список тех, кто получал с 50-процентной скидкой, был больше – 23 человека. Всего на бесплатное или льготное обеспечение продуктами тагильского начальства из средств хозупра и треста «Нарпит» (последний зарабатывал на 43-процентных наценках на свою продукцию, продаваемую «рядовому» населению) была затрачена гигантская сумма – 123 775 рублей⁸⁰.

Как правило, продукты и товары с базы и столовой партактива направлялись на квартиры начальству без указания фамилий получателей. Сохранились лишь отдельные документы, по которым можно судить о жизни тагильского руководства в непростые годы индустриализации. Секретарь горкома Михаил Васильевич Кузнецов на 1 мая 1934 года получил из столовой № 4 колбасу, шуку, торты и пирожные, ромовушку, печенье, конфеты, портвейн, вино «Карданахи» и коньяк. При этом лишь спиртное числилось по одной единице, остальное – по нескольку, а пирожных, к примеру, – целых 40 штук. Приблизительно тот же набор получил председатель горсовета Василий Степанович Грушин⁸¹.

Управление Высокогорских железных рудников передало тагильскому хозупру дачу в посёлке Евстюниха. Из почти 4000 рублей, потраченных хозупром на её «оборудование», 1246 рублей ушли на приобретение 210 литров пива и 100 бутылок водки. Ещё 103 бутылки вина – 71 бутылка портвейна и 32 бутылки яблочного вина – общей стоимостью более 1100 рублей отправил на дачу начальник ОРСа Уралвагонстроя Шадрин⁸².

Удовлетворял хозупр и другие потребности тагильского начальства. Председателю горсовета Грушину, его заму Ячменёву, культпропу горкома Пальцеву (будущему первому секретарю горкома партии), заведующему горфинотделом Гордееву и другим руководителям Тагила пригланулись в магазине Торгсина очень дорогие кожаные пальто. Хозуправление выкупило необходимое количество бонн у стара-

телей, закупило пальто и бесплатно выдало желанный предмет одежды тагильскому руководству. Лишь после проверок партконтроля, с большой неохотой и частями, стараясь залезть в другой государственный карман, они принялись возвращать стоимость пальто⁸³.

Крупные денежные пособия руководство города получало от тагильской лечкомиссии. Комиссия как таковая фактически не функционировала, от её имени действовал инструктор горкома Ушаков по согласованию с секретарём горкома Кузнецовым. Часть выданных средств никакого отношения к лечению не имела. Так, культпроп Пальцев получил 500 рублей на переезд в Тагил, а председатель горсовета Грушин и его заместитель Ячменёв взяли пособия на уплату за кожаные пальто. Некоторые представители партноменклатуры получали пособия в год не по разу: заведующий горфинотделом Гордеев, управляющий делами горкома Калинина, редактор газеты Орлов, завстоловой партактива Хавричева, то есть те, кто, за исключением Орлова, имел отношение к распределению материально-финансовых благ. Всего только лечкомиссия в 1933 году потратила на «обслуживание актива» почти 75 000 рублей, в 1934-м – 55 000 рублей⁸⁴.

Таким образом, хозяйственные управления и лечебные комиссии направляли огромные ресурсы на материально-бытовое обслуживание уральской партноменклатуры. Откуда брались такие гигантские суммы и продовольственные ресурсы в региональных властных структурах? Ведь следует иметь в виду, что ещё в конце 1920-х годов продовольственное положение уральского населения значительно ухудшилось. В начале 1930-х в целом ряде районов Урала крестьяне были вынуждены питаться крысами, домашними животными (кошками, собаками), захороненными трупами павшего скота. На почве голода получили распространение заболевания органов пищеварения и голодные отёки, свирепствовали эпидемии инфекционных заболеваний, имелись факты самоубийств и каннибализма. Ухудшение продовольственного снабжения коснулось и городского населения, занятого в промышленности. Голод, хотя бы в латентной форме (хро-

ническое недоедание, белковое, витаминное голодание), пришлось пережить большей части населения региона. «Голодные» 1932 и 1933 годы дали наибольшее сокращение числа рождений в Уральской области, а в самом критическом 1933 году смертность даже превысила рождаемость⁸⁵.

Партийно-государственные инстанции и силовые ведомства получали информацию о смертности вследствие голода. Однако эти проблемы в реальности (то есть не в официальной переписке и риторике) мало волновали руководящих работников региональных властных структур. Об этом можно судить хотя бы по следующим данным.

Быть у воды, да не напиться?: источники для привилегированной жизни уральской партноменклатуры

Хозяйственное управление Уральского (Свердловского) облисполкома получало колоссальные средства из областного бюджета. Бюджетные ассигнования хозупру на 1933 год были предусмотрены в размере четырёх с половиной миллионов рублей (4 551 151 рубль). Фактически же хозупр из областного бюджета получил даже больше этой суммы – 5 638 854 рубля, то есть дополнительно более миллиона рублей. На 1934 год было запланировано поступление из бюджета почти четырёх миллионов рублей (3 985 530 рублей). Из них за первое полугодие хозупр должен был израсходовать почти два миллиона (1 995 607 рублей). Однако фактически получил в своё распоряжение значительно больше – 2 872 425 рублей (по данным областной прокуратуры – 2 982 445 рублей). Иначе говоря, как и в предыдущем 1933 году, имело место дополнительное финансирование хозупра из областного бюджета. Сверхплановое финансирование производилось в соответствии с постановлениями президиума облисполкома, а также по распоряжениям председателя облисполкома В.Ф. Головина и секретаря облисполкома В. Степанова⁸⁶.

Кроме того, 27 апреля 1934 года президиум облисполкома разрешил хозупру для осуществления капитального строительства в подсобных хозяйствах получить из коммунального банка краткосрочную ссуду в размере до полумиллиона рублей сроком на семь месяцев. Банк выделил хозупру 375 тысяч рублей, которые, однако, были израсходованы не по назначению⁸⁷.

Тем не менее средства, выделяемые в официальном порядке, какими бы огромными они ни были, не удовлетворяли в полной мере материально-бытовые запросы областного начальства. Важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов в хозупры и лечкомиссии всех уровней власти являлись многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории области.

На протяжении трёх лет хозяйственное управление облисполкома под различными предлогами (проведение совещаний и мероприятий, улучшение быта партактива и т. д.) получало средства от хозяйственных организаций. По приблизительным подсчётам партконтроля, за 1933 год в распоряжение областного хозупра поступило почти 700 тысяч рублей, за первое полугодие 1934 года – без малого 284 тысячи рублей. Среди организаций, выделивших наибольшие суммы в первом полугодии 1934 года, по данным партконтроля и областной прокуратуры, были: Востокосталь – 40 тысяч рублей, Уралцветмет – 34 тысячи рублей, Уралосновхим (Союзное объединение основной химической промышленности на Урале, куда входили около десятка химических заводов и комбинатов, а также горных предприятий и институт «Унихим») – 30 тысяч рублей, областное земельное управление – 34 200 рублей, Уральский облпрофсовет – 35 тысяч рублей, Свердловснабсбыт и аппарат уполномоченного Наркомтяжпрома – по 20 тысяч рублей, лечкомиссия – 14 тысяч рублей, Хлебострой – 12 тысяч рублей, Союзасбест – 10 тысяч рублей, Уралмедторг и Союзмука – по 8 тысяч рублей. Были обложены «данью» даже такие учреждения, как облсобес, Госарбитраж и издательство «Уральский рабочий». В спи-

ске из трёх десятков организаций значились также Уралмаш, Урал-энерго и ВИЗ, однако суммы, ими внесённые, не указаны. Вполне вероятно, что эти предприятия расплачивались иными способами. Как, к примеру, Эльмашстрой, который должен был перечислить 14 400 рублей, а откупился недостроенным домом⁸⁸.

При этом лишь один управляющий Уралосновхимом Воропаев счёл нужным подстраховаться, заручившись разрешением от заместителя наркома тяжёлой промышленности С.А. Ратайчака. Остальные действовали по собственному разумению. К примеру, в Союзасбесте деньги были изъяты из премиального фонда, в Союзмуке – из сверхплановых прибылей⁸⁹.

За передачу областному хозупру денежных средств и материальных ресурсов руководители хозяйственных организаций получали «откаты» – возможность с семьями бесплатно проживать на элитных дачах и в домах отдыха, пользуясь всеми благами наряду с партийной и советской элитой⁹⁰. Так, директор облнарпита Гендель, снабжавший номенклатурные столовые продуктами, отоваривался со склада хозупра и бесплатно проживал в Шарташском доме отдыха. Работники Востоконали предоставляли материалы и денежные средства, а за это бесплатно получали от хозупра продукты. Управляющий Свердловским отделением Комбанка беспартийный Казанцев за незаконное предоставление ссуд был прикреплён к столовой руководящего партийного актива, пользовался дачей на Шарташе и получал продукты на дому⁹¹.

В хозяйственную деятельность хозупра были вовлечены областные торгово-снабженческие организации. Крупным поставщиком продуктов являлся облснаб, который по заявкам хозупра только за неполный 1934 год предоставил более 120 тонн муки, почти 52 тонны крупы, 46,5 тонны мяса, более 36 тонн рыбы, 15,5 тысячи штук рыбных консервов, почти 11 тонн масла, 4,5 тонны сыра, почти 25 тонн кондитерских изделий, 46,5 тонны сахара⁹².

Закупки производились и через отраслевые объединения, минувшая облснаб. В 1933 году в областной конторе «Табакторг-

снаб» хозупр закупил табачных изделий, предназначенных для снабжения рабочих, на 73 тысячи рублей, в 1934 году – на 70 тысяч рублей. В областной конторе «Союзхлопкосбыт» во внеплановом порядке в 1933 году было приобретено из фонда рабочего снабжения шёлковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей и изделий на сумму 62 тысячи рублей, в 1934-м вновь было приобретено 80 кип хлопчатобумажных тканей, 28 кип шерстяных тканей и 97 кип шёлковых тканей. От свердловской конторы «Мясоснабсбыт» без нарядов было получено мяса, копчёностей и различных мясопродуктов 6182 килограмма. Закупки велись с нарушением плановой дисциплины, руководителей организаций заставляли продавать хозупру так называемые «планируемые товары» вне плана⁹³.

Далеко не всё, что закупалось, поступало для внутреннего потребления. С целью получения прибыли часть приобретённых хозупром товаров перепродавалась с наценкой. Так, в 1934 году, по данным областной прокуратуры, было продано почти 14 тонн муки, более тонны крупы, более тонны хлеба, 1,5 тонны мяса, 1,7 тонны масла, 1,2 тонны копчёностей, 1,7 тонны сахара (вероятнее всего, эти показатели были осознанно занижены, в материалах партконтроля эти цифры были значительно выше, к примеру, муки было продано более 30 тонн, мяса – 10 тонн, масла – 4,7 тонны, копчёностей – 2,7 тонны, хлеба – более 1,5 тонны, сахара – 9 тонн и т. д.). На тысячи и десятки тысяч рублей продавались вина, папиросы и другие товары. Среди покупателей товаров с наценкой оказались такие организации, как Востокосталь, Кизелуголь, Средуралмедьстрой, Златоустстрой, Уралэнерго, Союзмясосбыт, Холодоцентр, Челябинский облисполком и другие⁹⁴.

Для проведения спекулятивных операций в составе хозупра содержался штат из постоянных торговых представителей в Москве и Ленинграде, а также разъезжавших по городам торговых агентов. Агенты командировались в крупные города Советского Союза – Одессу, Харьков, Баку, Тифлис и другие – для приобретения там товаров и дальнейшей перепродажи их в Свердловске. Так, закупленные на Кавка-

зе мандарины с наценкой были проданы Свердловскому и горпотребсоюзу. Привезённые из Одессы линолеум, коврики и дорожки перепродавались Верх-Исетскому заводу, заводу имени Воеводина, горпотребсоюзу и другим. Перепродавались яблоки, табачные изделия, вина, майки и трусы. Хозуправление наживалось даже на снабжении советских учреждений и различных организаций канцелярскими изделиями, в частности на скоросшивателях и бумаге, покупая их по себестоимости и продавая в два-три раза дороже⁹⁵.

Необходимо отметить, что установить точные суммы доходов и расходов хозупра ни партконтролю, ни областной прокуратуре не удалось. Дело в том, что официально через бухгалтерию проводились лишь незначительные средства. Основная часть денежных потоков проходила через «карманную бухгалтерию» начальника хозупра Капуллера и его заместителя Дорина – через их личные счета, открытые в банках. Через личный счёт Капуллера за два года прошло почти 900 тысяч рублей, по счёту Дорина только за 1933 год – 1726 802 рубля⁹⁶.

В Уральском обкоме ВКП(б) существовала своя «чёрная касса», денежные средства по которой проходили вне утверждённой ЦК ВКП(б) сметы и не учитывались должным образом. Обороты по этой «кассе» только за 1933 год составили 248 609 рублей. Распорядителем средств, находившихся на специальном счёте в банке, являлся управляющий делами обкома Замотаев, а техническую работу выполнял главный бухгалтер этого же управления Зырянов, у которого хранилась вся документация⁹⁷.

Денежные и материальные ресурсы хозяйственных организаций и различных государственных учреждений являлись, судя по документам, основной статьёй дохода для городских хозупров и лечкомиссий.

Руководители Свердловска прекрасно осознавали, что строительство дома отдыха на Чусовском озере не обеспечено ни финансовыми ресурсами, ни строительными материалами. Собрать необходимые средства они планировали с подведомственных городских хозяйственных и советских орга-

низаций, коих насчитали 84. По предварительным прикидкам, предполагалось получить с них в общей сложности более полумиллиона рублей (566 800 рублей). Хозяйственников вызывали в горком к Масленникову или его заместителю Гончарову и уговаривали их перечислить нужные суммы в горлечкомиссию. Партийное начальство заранее заготовило бланки поручений в коммунальный банк, где требовалось лишь поставить денежную сумму и расписаться. Хозяйственников приглашали также на специально устроенные вечера со спиртным, где в произносимых тостах призывали помочь «хорошему делу». Взамен обещали места в домах отдыха, путёвки на южные курорты и денежные пособия⁹⁸.

И деньги пошли. Значительные средства перечислили Уралбродтрест – 27 тысяч рублей, Свердпромторг – 13 тысяч рублей, Свердлес – 10 тысяч, Свердпищеторг – 5 тысяч рублей. Но гораздо более крупные суммы перечислили организации союзного значения, такие как Уралхиммашстрой в лице директора Тарыгина – почти 310 тысяч рублей, Уралэнерго (помощник управляющего Львов) – 170 тысяч, завод «Металлист» (директор Миков) – почти 150 тысяч, Востокоруда (заместитель управляющего Иванов) – 37 тысяч⁹⁹.

Руководители Уралхиммашстроя, Востокоруды и завода «Металлист» изымали денежные суммы из средств, предназначенных для жилищного строительства¹⁰⁰. Руководители горкома партии прекрасно знали, какое происхождение имеют перечисленные на счета лечкомиссии средства. Не только знали, но и «подсказывали» хозяйственникам, где можно взять деньги. «Я помню, я попросил к себе замдиректора комбанка товарища Свердлова и попросил его указать мне источники в пределах законности, за счёт которых мы могли бы вести строительство, – заявлял позже Масленников. – Он мне указал на единственный источник – это путём договорённости с хозяйственными организациями, которые имеют средства на жилищно-коммунальное строительство и их не используют. Таким образом, передача от них неиспользованных, неосваваемых кредитов на жилищно-коммунальное строительство, на наше строительство. Тут же он мне указал

технику этого дела. Позднее, когда Свердлов был отозван, мы эту работу проводили в части организации финансирования через посредство современного директора комбанка Казанцева. Он нам сообщал, в каких организациях имеются неиспользованные кредиты, мы разговаривали с этими организациями и просили, чтобы они эти кредиты нам передавали. Таким путём решались вопросы финансирования»¹⁰¹.

Начальник Уралхиммашстроя Г.Е. Тарыгин в беседе с уполномоченным КПК Л.А. Папардэ подтвердил показания Н.П. Масленникова: «Вызвал к себе Масленников. Говорит, что мы строим лечебницу, у нас денег нет, что у тебя деньги на жилстроительство не использованы. Я согласился дать и дал из средств на жилстроительство».

В ходе диалога между Папардэ и Тарыгиным, кроме всего прочего, прояснилось отношение хозяйственника к жилищным проблемам рабочих во вверенной ему организации:

— Папардэ: «Как проводите [перечисление средств] по своей отчётности?»

— Тарыгин: «У нас не проходит по отчётности, это остаются неосвоенные деньги, остаются они в банке у государства как неосвоенные. В нашем отчёте никак не проходят. Всё равно: или бы эти деньги пошли сюда, или бы остались в кармане государства».

— Папардэ: «Почему не освоили эти деньги на жилстроительство? У вас ведь жилбытовые условия безобразные?»

— Тарыгин: «Мы вообще плохо строим. Жилищные условия плохие, но не строим и сейчас».

На вопрос: «Чем руководствовался, давая деньги? Что это — горком?» Тарыгин отвечал: «Я руководствовался тем, что он строит лечебницу. Знаю, что денег нет, что деньги у меня на площадке не будут освоены. Что эти деньги пойдут на лечебную организацию, которой будут пользоваться люди. Этим и руководствовался»¹⁰².

Людьми, таким образом, Тарыгин считал партийную номенклатуру и хозяйственное начальство — ту касту, к которой принадлежал сам. Рабочих на строительстве Тарыгин, судя по его словам, за людей не держал.

Всего, по подсчётам партконтроля, только с городских хозяйственных организаций и различных учреждений удалось собрать 263 тысячи рублей, не считая финансовых средств, перечисленных Уралхиммашстроем, Уралэнерго, заводом «Металлист» и Востоко-рудой¹⁰³.

Некоторые организации расплачивались имевшимися материальными ресурсами. Так, обснаб, горснаб, горнарпит поставляли продукты питания. Завод «Металлист» передал в распоряжение горлечкомиссии алебастр, железо, стекло, бензин и различное оборудование общей стоимостью почти 13 тысяч рублей. Силами завода были проведены большие работы по строительству Чусовского дома отдыха на сумму более 23 тысяч рублей¹⁰⁴.

Весьма любопытные манипуляции были проведены с лесным участком, где началось строительство Чусовского дома отдыха. Свердловестрест передал лечкомиссии Широкореченский лесной участок вместе с расположенными там строениями. Директор Свердловского леспромхоза Е.С. Санников, в непосредственном ведении которого находился этот участок, за услужливость получил место начальника строительства и заведующего домом отдыха. Позже Масленников договорился с директором «Свердпищторга» Н.С. Саплиным о продаже торгу находившегося на территории участка круглого леса, якобы годного для строительства. Свердловпищторг за эти лесоматериалы перечислил весьма немалые деньги – 208 930 рублей. Фактически же никакого пригодного для строительства круглого леса не было, передавать было нечего, что прекрасно было известно как Масленникову, так и директору Свердловпищторга Саплину. «Откровенно говоря, что просто-напросто нужны были деньги, Саплин дал деньги под видом того, что вы напилите лес, а я вам дам деньги», – пояснял при опросе в партконтроле заведующий снабжением лечкомиссии В.Ф. Питерский. Фиктивность договора со Свердловпищторгом позже признал и Масленников¹⁰⁵.

Директор Свердловпищторга Саплин не остался без материальной помощи со стороны властных структур. За услуги он получил наличными от городской лечкомиссии 2400 рублей,

от областной лечкомиссии – 450 рублей и путёвку на элитный курорт. Саплину выплатили даже больше, нежели второму секретарю горкома Стриганову, получившему на руки «лишь» 2200 рублей¹⁰⁶.

Если с одними организациями городские власти вынуждены были считаться, стремились материально заинтересовать их руководство, то у других забирали имущество без лишних разговоров и каких-либо компенсаций. В связи с этим весьма примечательна судьба нескольких зданий, которым было суждено оказаться в сфере интересов городского начальства. Дело в том, что не все строения в районе Чусовского озера принадлежали леспромхозу и перешли в ведение горсовета, лечкомиссии и дома отдыха. Ещё в 1921 году екатеринбургская детская комиссия приобрела на Чусовском озере дачи и передала их в распоряжение детского приёмника для размещения там, на этих дачах, в летнее время беспризорных детей. Дети не только отдыхали, но и занимались в лесу заготовкой грибов и ягод, работали на огороде. Результаты их труда позволяли разнообразить и существенно пополнить меню в столовых детского приёмника. Так продолжалось до тех пор, пока лечкомиссия не присмотрела Чусовское озеро для строительства собственного дома отдыха и дач. В 1933 году председатель лечкомиссии Масленников потребовал от детприёмника освободить дачи, заведующий гороно Аносов со своей стороны поддержал эти указания. В бывших дачах детприёмника разместили рабочих, занятых на строительстве дома отдыха. Взамен гороно предоставило приёмнику на летний период здания школ в двух деревнях, где «на радость» местным жителям дети принялись «осваивать» чужие огороды. Обращения детской комиссии и детприёмника в областные и центральные инстанции с просьбами вернуть бывшие дачи на Чусовском озере оставались без ответа¹⁰⁷.

Ради получения финансовых средств и нужных материальных ресурсов Свердловская лечкомиссия, так же как и областной хозупр, занималась спекуляциями добытых разными путями продуктов и дефицитных стройматериалов. Вдвое дороже перепродавали цемент и алебастр. Сотнями кило-

граммов продавался ржаной хлеб и свежая рыба мебельному комбинату «Прогресс», свинина – ресторану «Большой Урал», бензин – горпотребсоюзу. Проводились и различные финансовые махинации¹⁰⁸.

Если в Свердловске список предприятий, организаций и учреждений, с которых предполагалось собирать денежные средства, состоял из 84-х пунктов, то в Перми в подобный список вошли около 110 организаций. Каждой из них, в зависимости от «мощности», настойчиво предлагалось передать горкому или лечкомиссии сумму от 2-х до 16-ти тысяч рублей. Переговоры на эту тему с хозяйственниками вёл секретарь лечкомиссии А.С. Тимофеев. Руководителей крупных организаций, а также тех, кто не соглашался либо согласился, но задерживался с перечислением, вызывали в Пермский горком ВКП(б) к заведующему культпропотделом К.М. Трубину, заместителю секретаря горкома А.И. Старкову или в кабинет самого И.Н. Корсунова¹⁰⁹. В частности, Старков предлагал заведующему горкомхозом Штанько внести 15 тысяч рублей, неоднократно и безуспешно «обрабатывал» по этому же поводу заведующего городским финотделом Быкова¹¹⁰.

Всего за 1933-й и половину 1934 года горкомом и лечебной комиссией-таким образом было собрано около 740 тысяч рублей. Деньги собирались в том числе с крупных предприятий оборонного значения, таких как завод № 19 (21 000 рублей), завод имени Дзержинского (18 200 рублей), Комбинат «К» (пороховой завод) (11 000 рублей). Не остались в стороне другие пермские заводы, тресты, хозяйства, многочисленные торгово-снабженческие организации, наиболее крупные суммы из которых внесли: завод «Красный Октябрь» (14 400 рублей), суперзавод (суперфосфатный завод) (27 641 рубль), Пермгражданстрой (22 730 рублей), Уралзападолес (12 000 рублей), Камлесосплав (12 500 рублей), Уралэнерго (почти 14 000 рублей), Пермодежда (12 343 рубля), Уралторг (11 000 рублей), Хлебозавод (14 080 рублей), нарпит (13 460 рублей). Правда, находились и те, чьё начальство явно саботировало указания городских властей: судозавод и Востокосантехстрой сдали всего лишь по 200 рублей,

Союзстрой – 350 рублей, Заготзерно и Востокостроймеханизация – по 500 рублей, завод «Красный партизан» – 600 рублей. Однако таковых насчитывалось не много, подавляющее же большинство расстались с суммами от тысячи и выше. Приходилось раскошеляться, порой на весьма крупную сумму, даже таким организациям, как городская детская комиссия, психолечебница, городское общество помощи инвалидам войны, гороно, горздрав, гортоп, отделы милиции, трудовая колония, госуниверситет, пединститут, мединститут, сельхозинститут, индустриальный рабфак, речной техникум, коммунально-строительный техникум, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, школа ФЗУ станции Пермь–1, Дом колхозника, сберкасса, страхкасса и другие¹¹¹. Городской финотдел, начальника которого обрабатывал замсекретаря Старков, только в 1934 году перечислил горкому и лечкомиссии в общей сложности 106 000 рублей. Правда, в предыдущем 1933-м, когда Старков ещё не занимал столь высокую должность, эта цифра была ещё выше – 130 100 рублей¹¹².

Руководители организаций списывали перечисляемые суммы с различных статей расходов. Так, завод № 10 имени Дзержинского снял деньги с общезаводских расходов и фондов техпропаганды; заводы № 19 и «Красный Октябрь» – с общезаводских расходов; Камводнарпит – записал на счёт потерь текущего года; Пермская городская детская комиссия и районное отделение связи – на счёт административноуправленческих расходов; Торгсин – общеторговых расходов; горпотребсоюз и горкомхоз – на счёт разных доходов и убытков; Автогужтрест – за счёт фонда улучшения быта рабочих; Союзтранстрой – за счёт случайных расходов и убытков¹¹³.

Председатель Пермского горсовета Тимофей Иванович Гайдук рассматривал сбор средств с заводов и других хозяйственных организаций в пользу властных структур как вполне обычную и нормальную практику. Гайдук, хоть и имел низшее образование и до революции трудился слесарем на петербургских заводах, уже в начале 1920-х занимал круп-

ные руководящие должности в угольной промышленности на Урале. С конца 20-х годов он последовательно работал управляющим трестом «Пермьсоль», директором Содового завода, начальником строительства Средне-Уральской электростанции, управляющим трестом «Уралэнергострой», директором Уральского хромпикового завода¹¹⁴. При опросе сотрудниками партконтроля Гайдук ссылаясь на свой опыт руководящей хозяйственной работы: «...Я знаю, что у нас, как правило, существовало такое положение, что мы давали помощь окружному партии, когда он ещё был, затем – горкому и не считали это преступлением с хозяйственной стороны. Я, например, работал в Березниках, давал. За 15 лет своей работы я ежегодно отчислял, ежегодно представлял отчёты, и ни одного не было замечания от товарища Орджоникидзе о том, что эти выдачи незаконны»¹¹⁵.

На вопрос: «Вы считаете это вполне нормальным?» Гайдук отвечал: «Это вполне нормально, что энная сумма вносится отсюда для того, чтобы обеспечить руководящий состав партийного комитета на командировки их в район, туда и обратно. Недавно со мной товарищ Побережский говорил, что есть приказ по наркомату – нельзя такие выдачи делать, запрещается. Такого приказа я не получал и не читал»¹¹⁶.

Упомянутый Гайдуком И.И. Побережский, недавно назначенный директором завода № 19, действительно занял принципиальную позицию в этих вопросах. Предыдущий директор завода П.И. Чубуков перечисленные горкому и лечкомиссии средства распорядился списать на общезаводские расходы. Новый директор предупредил своего предшественника, переместившегося на должность заместителя директора этого же завода, что если в Москве эти расходы не будут утверждены, то ему, Чубукову, лично придётся погашать задолженность. Вероятность отказа вышестоящих инстанций утверждать подобные расходы была вполне реальной. В такой ситуации, в частности, оказались директор завода «Красный Октябрь» Фоминых и его заместитель Осокин, перечислявшие средства горкому и списывавшие их на те же общезаводские расходы. Трест с такими «общезаводскими расхода-

ми», не подтверждёнными никакими документами, не согласился и не утвердил их¹¹⁷.

Находились не только принципиальные директора заводов и управляющие трестами, – встречались и «упрямые» бухгалтера. Так, главный бухгалтер пермской базы Хлопкосбыта, получив письменное распоряжение управляющего базой Романова о перечислении тысячи рублей на счёт Пермского горкома ВКП(б), возразил своему начальнику: «Приказом № 180 от 31/X-33 г. взносы, не предусмотренные сметой, организациям производить воспрещено, и о требованиях на внесение сумм мы обязаны сообщить облконторе. Поскольку сметой на 1934 г. данный расход не предусмотрен, перечислить не могу. Главный бухгалтер Бахарев». Управляющий базой был в гневе от такого «самоуправства»: «Тысячу рублей перечислить 13/1-34 г., и в дальнейшем будете ли вы сообщать или не будете, это ваше дело. Управляющий Романов». Тысяча была переведена, а главному бухгалтеру в назидание объявили выговор с предупреждением¹¹⁸.

В изыскании средств пермское начальство действовало весьма смело и решительно. Горком партии присвоил отчисления в местный бюджет от прибыли коммунальных предприятий в сумме 15 тысяч рублей; не сдал финансовым органам подоходный налог и культжилсбор, собранные с работников аппарата горкома, в размере 22 646 рублей; присвоил средства, поступившие на приобретение облигаций государственного займа, в размере 2795 рублей¹¹⁹.

Горсоветские руководители со своей стороны тоже зарабатывали на чём только могли. Получали и тратили на свои нужды средства, вырученные за счёт сдачи в аренду помещений горсовета, собирали деньги с подведомственных городских организаций. Получив из горкомхоза 5 тысяч рублей на проведение призывной кампании, ответственный секретарь горсовета Нечаев пустил их на покупку дивана, столов, кресел, карнизов и ваз для квартиры председателя горсовета Гайдука. Документы оформили как надо: деньги якобы ушли на проведение кампании призыва 1912 года рождения¹²⁰.

Ранее уже говорилось, что 3,5 тысячи рублей, вырученные от продажи «Водоканалстрою» мотора из горсоветского гаража, были выданы Гайдуку в качестве единовременного пособия. Горсоветское начальство продало ещё и лошадь пивзаводу, за что получило 9 тысяч рублей. Из этих средств 3 тысячи поделили между собой Гайдук и Нечаев, ещё 3 тысячи пошли на оплату их счетов за продукты, взятые в магазине. 613 рублей были перечислены за пользование Гайдуком услугами пошивочной мастерской¹²¹.

Не только на область, на всю страну, благодаря публикациям в «Правде», прославился Надеждинский (Кабаковский) хозупр своими спекулятивными операциями. Секретарь горкома ВКП(б) Михаил Афанасьевич Жданов принял самое непосредственное в них участие. Именно Жданову удалось бесплатно взять с Сосьвинского строительства 1,2 тонны гвоздей и посредством хозупра продать их тресту «Нарпит» и управлению Богословско-Сосьвинской железной дороги на общую сумму в 5881 рубль. При этом фактическая стоимость гвоздей составляла около 1000 рублей¹²².

Вскоре городскому начальству подвернулась ещё одна возможность подзаработать. Хозупру ЦИК СССР для каких-то целей понадобились сотни тонн чугуна, и с этой просьбой он обратился к председателю Уральского облисполкома М.К. Ошвинцеву. Ошвинцев дал соответствующее задание заведующему хозупром облисполкома Капуллеру, а последний вышел на Надеждинского секретаря Жданова. Секретарь горкома договорился о получении с металлургического завода 225 тонн чугуна стоимостью без малого 20 000 рублей. Деньги за чугун завод не получил и списал их как безнадежную задолженность. А нажился на махинациях вновь Надеждинский хозупр, который получил от Капуллера за чугун 1676 рублей и ещё на 12 352 рубля муку, икру, масло, колбасу, консервы, фрукты, коньяк и т. д. Продукты поделило между собой городское начальство¹²³.

ОРС металлургического завода регулярно поставлял в магазин партактива продукты из фондов рабочего снабжения, снижая их себестоимость, а то и вовсе бесплатно. В ноя-

бре 1933 года ОРС отпустил продуктов на 16 тысяч рублей, включая муку и консервы, в марте 1934 года – 100 килограммов крупы, 80 килограммов сахара. В апреле 1934 года ОРС выдал мяса 1250 килограммов, масла – 50 килограммов, молока – 1881 литр, сахара – 300 килограммов. Между тем весь завод в апреле получил менее 10 000 килограммов мяса и сумел обеспечить им, и то не полностью, лишь рабочих горячих цехов, молоко даже горячие цеха получали значительно меньше потребностей и с большими перебоями, а масла рабочие не увидели совсем¹²⁴.

Большие денежные суммы Надеждинский (Кабаковский) хозупр получал от хозяйственных организаций: тот же металлургический завод выделил 17 800 рублей, лесоотдел Востокостали – 18 000 рублей, Стальстрой – 5000 рублей и т. д. Всего с предприятий удалось собрать 57 100 рублей¹²⁵.

Крупным источником поступления средств в хозупр явились доходы цирка, летнего кинотеатра и буфетов (доход с цирка составил 101 500 рублей). Полагающихся налогов хозупр не платил или платил лишь незначительную их часть. Так, налог с цирка составил 86 560 рублей, а перечислено было только лишь 18 700 рублей. Налог с буфетов в сумме 9376 рублей вовсе не перечислялся¹²⁶.

В Нижнем Тагиле поборами с хозяйственных организаций занимались как хозупр, так и лечкомиссия. По данным партконтроля, Тагильский хозупр собрал 21 тысячу рублей, а лечкомиссия – 13 тысяч. «Донорами» лечкомиссии стали Тагилстрой, перечисливший 6 тысяч рублей, Высокогорский железный рудник – 5 тысяч, управление строительством Нового Тагила – 2 тысячи. Кроме прямых поборов, составивших 21 тысячу рублей, хозупр собирал «дань» с предприятий и учреждений под прикрытием арендной платы. Так, хозупр сдал в аренду управлению строительством Нового Тагила склады во дворе горкома, взяв деньги за год вперёд. Фактически же управление строительством этими складами не пользовалось, их занимал горкомхоз, и часть этих помещений были повторно сданы в аренду Швейсбыту. Если управление строительством Нового Тагила, судя по всему, расста-

лось со средствами добровольно, то такое учреждение, как инвентаризационное бюро, было принуждено тагильскими властями заплатить крупную «арендную дань». Бюро занимало помещение в здании горсовета и аккуратно перечисляло 120 рублей в месяц в качестве арендной платы. Однако согласно постановлению горфинотдела в январе 1934 года госбанк списал с текущего счёта бюро якобы в погашение задолженности за аренду почти 18 тысяч рублей. Деньги были перечислены хозупру. Сумма эта была столь велика, что её бы хватило на оплату аренды в течение 12-ти с половиной лет. Таким же образом, не спрашивая согласия, на счёт хозупра якобы за арендную плату с института «Уралгипрогор» были перечислены почти 13 тысяч рублей. Институт опротестовал это решение в областном арбитраже, и последний постановил возвратить институту деньги. Горфинотдел же вернул меньше 10 тысяч рублей, причём провёл их как дотацию Уралгипрогору. Также хозупр «содрал» якобы за аренду 6 тысяч с горкомхоза, 7 тысяч – с горздравотдела. Всего доходы от действительной и фиктивной аренды помещений горсовета и горсоветских складов составили почти 69 тысяч рублей. Списывались деньги со счетов учреждений и под другими предлогами. К примеру, с бюро заборных документов хозупр «позаимствовал» 5500 рублей, затем президиум горсовета постановил изъять ещё 4555 рублей, назвав всю изымаемую сумму в 10 055 рублей «безвозвратной ссудой»¹²⁷.

Помимо местных хозяйственных организаций тагильский хозупр имел ещё один крупный и надёжный источник доходов – городской бюджет. Из бюджета в распоряжение хозупра поступило 100 163 рубля – огромная по тем временам сумма¹²⁸.

Подобная же картина наблюдалась в районных центрах области, где местное начальство в поисках материальных благ, в стремлении к комфортной жизни старалось не отставать от руководителей крупных городов. Успех во многом зависел от ресурсов, которыми располагали подведомственные учреждения и хозяйственные организации.

**«...Самоснабжение, пьянство, круговая порука
руководящих районных работников приняли
огромные размеры»**

Кизеловский райком ВКП(б) за первые семь месяцев 1934 года пополнил свой бюджет за счёт разных организаций, включая леспромхоз, трест «Кизелуголь», шахты № 2 и имени Володарского, на 15 тысяч рублей. Значительно больше поступило в другой «райкомовский карман» – лечкомиссию, которой удалось собрать с организаций и предприятий района 33 654 рубля. Главным её «спонсором» выступил Кизелуголь, передавший в общей сложности 10 700 рублей. Поступали средства также от шахты имени Калинина – 2500 рублей, шахты имени Сталина – 860 рублей, горсовета – 3000 рублей, райотдела связи – 750 рублей. Деньги руководство райкома тратило не только (как это утверждалось) на обслуживание членов бюро райкома во время заседаний – чай с бутербродами и папиросы. Не забывали и про вино. Тратили и на другие собственные нужды, а счета предусмотрительно уничтожали¹²⁹.

Руководители райкома в официальном порядке выписывали себе большие денежные пособия, хоть они и были формально ограничены для членов бюро 700 рублями. Так, секретарь райкома Узюков из «своей» лечкомиссии получил 1000 рублей, из областной – 700 рублей и вдобавок две бесплатные путёвки, одна из которых – в Сочи. А когда находился на южных курортах, туда ему перечислили ещё 500 рублей¹³⁰.

Бесконтрольность в поступлении и расходовании средств позволяла районному начальству залезать в «райкомовский карман». Заместитель секретаря райкома Цепилов получил от леспромхоза наличными 2000 рублей якобы на лечебный фонд, но до лечкомиссии эта крупная сумма не дошла. Куда делись деньги, Цепилов так и «не вспомнил». В ходе проверок выяснилось, что до кассы райкома и лечкомиссии не доходили и другие суммы, передававшиеся через Цепилова¹³¹.

В Чердыни лечкомиссия также по сути своей являлась «кормушкой» для местного начальства. Несмотря на то, что на снабжение чердынского руководства работал сельхозкомбинат райисполкома, без поборов с подведомственных хозяйственных организаций и учреждений не обошлось. Собранные в 1933 году от разных организаций 37 701 рубль тратились на организацию и содержание дома отдыха районного партактива, на оборудование и содержание специальной палаты в районной больнице, на различные денежные пособия и просто разбазаривались. Проживание в летний период в доме отдыха 60-ти человек обошлось в 17 429 рублей. Для организации отдыха расходовалось много вина, долг за него перед горпо составлял 1753 рубля и оставался неоплаченным. В особой палате для ответственных работников за год «пролечились» только четыре человека, но израсходовано было на них 4336 рублей. А 7330 рублей из фонда лечкомиссии просто «исчезли». В следующем, 1934 году с организаций собрали 13 314 рублей и, по сравнению с предыдущим годом, повысили денежные пособия для лечения (до этого они доходили до 700 рублей). Самым «больным» вновь, как и в других городах и районах, оказался главный партийный начальник – секретарь Чердынского райкома партии Бушманов, получивший «на лечение» 2150 рублей. В целом за два года на такие пособия было израсходовано почти 20 тысяч рублей¹³².

При этом чердынское начальство слало в Свердловск на имя Кабакова и Головина письма, где слёзно просило оказать продовольственную помощь району: «Положение с питанием колхозников и единоличников в Чердынском районе крайне напряжённое. К настоящему времени по распоряжению областных организаций выдано продовольственных ссуд колхозникам и единоличникам 180 центнер[ов]. Кроме того, согласно указаний области разрешено для питания из семенной ржи, находящейся в колхозах района, 1000 центнер[ов]. Но, несмотря на это, положение с питанием населения остаётся всё-таки напряжённым. Из-за неимения хлеба наблюдается заболеваемость, опухоль и т. д. Население питается разными суррогатами (пихтовая кора, мякины и др.). Райком ВКП(б)

и районный исполнительный комитет вынуждены ставить перед обкомом ВКП(б) и облисполкомом вопрос об оказании помощи району в порядке дачи хлеба для продовольствия населения. Помимо всех прочих причин, вопрос о продовольственной помощи вынуждает нас ставить ещё и потому, что население района, особенно единоличный сектор, из-за неимения хлеба уезжает из пределов Чердынского района в другие районы и области (Сибирь, Северный Кавказ и т. д.). <...> Имея такое положение со снабжением, выехало из района, несмотря на все принятые с нашей стороны меры, около 500 хозяйств. Также не случайны ходоки из района в облзу, облик, Наркомзём, ЦИК, к тов. Калинин у и т. д.».

Районное начальство было очень обеспокоено тем обстоятельством, что бегство населения «пагубно отражается на хозяйстве района»: под угрозой находилось выполнение планов по весеннему севу и уборочной кампании, а также по лесосплаву¹³³. Но, как это следует из документов партконтроля, собственное благосостояние их заботило ещё сильнее, иначе бы они не стали изымать средства у подведомственных хозяйственных организаций для личного пользования.

В Сергинском районе заместитель секретаря райкома Ф.А. Устинов лично занимался выбиванием средств у хозяйственников. Устинов вызывал их в свой кабинет и требовал вносить средства в лечебный фонд райкома партии и поставлять продукты. Строптивым угрожал исключением из партии. В итоге в 1934 году удалось собрать в лечебный фонд, на оплату легковой машины и различные нужды райкома партии 17 400 рублей. Львиную долю этой суммы – 10 600 рублей предоставил райлесхоз. Кроме того, были собраны деньги с райисполкома – 4500 рублей, райпотребсоюза – 1500 рублей, отделения Госбанка – 300 рублей, артели – 500 рублей. Райлесхоз – судя по всему, самая богатая организация района – из фонда улучшения быта рабочих выдавала секретарю райкома партии В.М. Савину и председателю райисполкома Н.А. Шабаршину денежные премии и дефицитные велосипеды, из фонда рабочего снабжения обеспечивала их мукой, крупой, рыбой, маслом, сахаром, конфетами. Местные

колхозы и районные организации «Заготскот», райпотребсоюз снабжали властные структуры мясом, маслом, молочными продуктами, зерновыми, картофелем, хлебом и т. д. Продуктов и денег районному начальству вполне хватало на то, чтобы в голодное время устраивать коллективные банкеты и выезды на «рыбалку», на «охоту». Напивались до беспамятства, устраивали драки. Секретарь райкома партии Савин своим поведением показывал всем «пример». После пьянок, бывало, валялся на улице. Однажды потерял свой револьвер, другой раз – велосипед: все пропажи были обнаружены милицией и возвращены сановному владельцу. Участвовавший в этих попойках и получавший свою долю продуктов районный прокурор М.В. Шишкин тщательно следил за тем, чтобы в отношении проворовавшегося местного начальства не началось уголовное преследование, а начатое – не было доведено до конца. Работники милиции Жданов и Лыков, предпринявшие было расследование деяний Савина и Шабаршина, были строго предупреждены прокурором, что без санкции областных властных инстанций они не имеют права возбуждать уголовные дела в отношении секретаря райкома и председателя райисполкома. «Я, как прокурор, запрещаю вам это делать», – заявил Шишкин милиционерам. Когда завхоз райисполкома и конюхи были вызваны в милицию и дали там показания о взятом в колхозе хлебе, то спустя неделю были уволены с работы. На вопрос о причинах увольнения председатель райисполкома Шабаршин грубо заявил: «Поменьше нужно болтать языком». Не случайно ответственный сотрудник райкома Брюхова хоть и поведала представителю Свердловского обкома ВКП(б), прибывшему с проверкой, о запоях секретаря райкома Савина и о том, что поступавшие в райком деньги шли главным образом в карманы Савина, его заместителя Устинова и других «избранных», на просьбу предоставить соответствующие бухгалтерские документы категорически отказалась: «Что хотите со мной делайте, я вам ничего не дам. Не берите от меня никаких документов. Я боюсь, что за это они меня прогонят с работы»¹³⁴.

Представитель Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Лихачёв, который вместе с инструктором облисполкома изучил поступившие по линии НКВД сведения о руководстве Сергинского района, в докладной записке в обком ВКП(б) констатировал: «Факты подтверждаются и необычайно возрастают: самоснабжение, пьянство, круговая порука руководящих районных работников приняли огромные размеры»¹³⁵.

Руководители Еловского района, начиная от секретаря райкома, прокурора, редактора районной газеты и заканчивая рядовыми сотрудниками райисполкома (всего около 70 человек), пользовались ресурсами колхозов района. Главным образом, это были два колхоза – «Вперёд к социализму» и «Красный Октябрь». Районное начальство в течение 1932-1934 годов в колхозе «Вперёд к социализму» брало себе десятками килограммов мяса, пшеничную и ржаную муку, различные зерновые (пшеницу, рожь, просо), мёд. В общей сложности растраты только различных зерновых и муки по этому колхозу исчислялись тоннами. Чтобы скрыть их, председатель колхоза Качин искажал учёт поступавших с мельницы, пашеки и других хозяйств продуктов и затем распоряжался ими по своему усмотрению. Как результат такого руководства, сев не был выполнен в полном объёме из-за нехватки семенного материала, а колхозникам было выдано в два раза меньше зерновых продуктов, нежели получили себе различные районные работники. Действия районного начальства и председателя колхоза фактически разоряли это хозяйство, колхоз нёс огромные убытки¹³⁶.

Из другого колхоза, «Красный Октябрь», секретарь Еловского райкома Кашин для собственных нужд получил 14 килограммов баранины, 6 килограммов масла, стерлядь, мёд и шерсть. Из средств этого же колхоза Кашин взял 1,5 тысячи рублей «на расходы по райкому». Учитывая всё сказанное, неудивительно, что секретарь райкома, районный прокурор и другое местное начальство покрывали преступные действия председателей этих колхозов и их пособников, погрязших в коррупции и учинявших расправу над неугодными¹³⁷.

В других городах и райцентрах тоже имело место использование местными властными структурами материально-финансовых ресурсов хозяйственных организаций и различных учреждений, только проведённые там проверки не выявили (или не сумели выявить) столь же огромных масштабов растрат государственных средств¹³⁸.

Разумеется, руководители предприятий и организаций, оказывавших услуги партийному начальству, внакладе не оставались. «Откаты» в виде путёвок в закрытые санатории, допуск к «барскому столу», проживание на элитных дачах и домах отдыха и прочие номенклатурные радости – далеко не единственное, что они получали от сотрудничества с местными партийными инстанциями. Главное – они чувствовали себя полноправными хозяевами в своих «владениях», всюду пользовались государственными ресурсами в личных целях, устраивали свои порядки и расправлялись с неудобными. Они могли не опасаться, что жалобы на них пойдут в партийные инстанции, ведь там, в этих инстанциях, сидели «свои», давно уже прикормленные начальники. Подобных примеров взаимовыгодного «сотрудничества» властных структур и хозяйственников было немало. Свердловскому партконтролю удалось за достаточно короткий срок задокументировать многочисленные проявления такого «сотрудничества» за государственный счёт.

**«...Факты небольшевистского отношения
к расходованию государственных средств, особенно
по спецфондам, являются не единичными»**

Партком Управления Пермской железной дороги был осведомлён о коррупционных действиях руководителей дороги. Однако партийные работники кормились с рук железнодорожного начальства – получали бесплатное или льготное питание и дополнительные денежные выплаты, а потому не имели никакого желания проявлять «политическую бдительность» и демонстрировать «большевистскую самокри-

тику» и принципиальность. Не случайно секретарь парткома Сендорович сколько мог игнорировал указания партконтроля о необходимости проверки хозяйственных структур при управлении дороги. А когда, наконец, направился с этим вопросом к заместителю начальника дороги С.Ф. Наумову, то в ответ услышал: «Для чего и кому это нужно? Вы ещё, пожалуй, будете проверять секретные лечебные фонды». Примерно в том же ключе Наумов разговаривал с контролёром партконтроля, когда речь зашла о проверке лечебного фонда: «Дать справку об источниках средств для этой цели я разрешу. Но какое отношение вы имеете к проверке расходования этих средств, когда начальник дороги отчитывается в них только перед наркомом?»¹³⁹

Главному железнодорожному начальству было что скрывать. Как выяснилось, только за первое полугодие 1934 года из средств, находившихся в распоряжении начальника дороги И.Н. Миронова, 300 тысяч рублей было направлено на строительство дома отдыха во Вьюхино, 85 тысяч получили профсоюз и другие «общественные организации» на проведение различного рода кампаний и мероприятий и почти 440 тысяч рублей были затрачены непосредственно на обслуживание руководства дороги – лечебные пособия, медицинское обеспечение, улучшенное питание и проживание в домах отдыха. Во втором полугодии на обслуживание командного состава дороги было запланировано потратить 300 тысяч рублей. Ответственным за обслуживание комсостава был назначен начальник административного отдела управления дороги, член ВКП(б) П.Ф. Калмыков. Помогал ему в этом деле его заместитель Н.П. Вольхин – член парткома управления дороги. Дом отдыха во Вьюхино (располагался в нескольких десятках километров юго-восточнее Свердловска) предназначался для высшего командного состава. Для отдыха железнодорожных начальников на большие суммы закупались различные коньяки, ликёры, вина и водка, шоколад, ирис и трюфели, мандарины, печенье, дорогостоящие папиросы. Ради увеселения начальства был приобретён патефон. Наибольшие суммы тратились на обслуживание заместителя

начальника дороги Наумова, начальника паровозной службы Лазарева, начальника службы эксплуатации Левенгофа и самого Калмыкова. Штат obsługi начальников и их жён доходил до 33 человек, не считая найма рабочих для распилки дров, работы на огороде и т. д. Фактически финансовая отчётность отсутствовала, деньги текли рекой¹⁴⁰.

В июне 1933 года при административном отделе по распоряжению начальника дороги была организована продуктовая кладовая, под предлогом необходимости лучшего снабжения тех, кто командировался на линию, и для обслуживания совещаний при начальнике дороги. Постепенно эта кладовая превратилась в крупную базу, через которую за год прошли: почти 14 тонн муки (по другим документам – 19 тонн); 1,7 тонны крупы; 2,7 тонны сахара; почти полтонны масла; более 1,5 тонны мяса; более полутонны различной рыбы и отдельно без малого 350 килограммов сельди; 4833 банки консервов; 200 килограммов растительного масла; 73 килограмма чая и 20 тысяч пачек папирос. Пополнение кладовой проводилось дорожным ОРСом вне всяких норм за счёт фондов централизованного рабочего снабжения, а расходы велись по усмотрению Калмыкова, его заместителя Вольхина, а также работников кладовой. В первую очередь продукты отпускались секретариату при начальнике дороги и в служебные вагоны, когда начальство выезжало на линию. Но пользовались кладовой и те работники управления дороги — начальники и рядовые исполнители — кто никуда не выезжал. К тому же имевшие доступ к кладовой Калмыков, Вольхин, заведующий кладовой Мордаков и его помощник Рубцов подделывали требования на выдачу продуктов и присваивали себе мясо, мясные консервы, балык, сливочное масло и другие строго нормированные продукты, а также папиросы высших сортов. Кроме кладовой при административном отделе были организованы две специальных столовых: одна обслуживала только высший командный состав, другая — средний комсостав и партактив. На обе столовые только за первые восемь месяцев 1934 года было израсходовано более 200 тысяч рублей¹⁴¹.

Огромные суммы тратились и на выдачу руководящим работникам управления дороги денежных пособий. Несмотря на то, что размер пособия был лимитирован 600 рублями, установленные правила не соблюдались и некоторые получали значительно больше. Тот же начальник службы эксплуатации Левенгоф получил 1800 рублей, начальники отделений службы эксплуатации Гримов и Лаврентьев, начальник материальной службы Акимов и начальник финансового отдела Зыбко получили по 1100 рублей, заместитель начальника отделения электрификации Меерсон – 1000 рублей. Выдавались деньги и тем, кто не числился в списках на получение. Партийных начальников тоже не забыли: более 17,6 тысячи рублей получил в своё распоряжение политотдел дороги. Всего за неполный 1934 год было выдано более 90 тысяч рублей. Притом что был допущен значительный перерасход средств (за год на эти цели предполагалось потратить «только» 52 тысячи рублей), линейные работники, то есть те, кто не работал в управлении дороги – начальники отделов эксплуатации и паровозного хозяйства, начальники дистанций пути, вагонных участков и крупных узлов, дистанций связи, – не получили ни копейки из полагающихся им выплат. Зато получила их секретарь Калмыкова–Иванова, которая ходатайствовала о денежной помощи ввиду кражи из её квартиры имущества и денег. Под этим предлогом Иванова неоднократно получала деньги из разных источников, однако выяснилось, что никакой кражи в её квартире не было, а Иванова таким способом, несмотря на большую ежемесячную доплату к основной зарплате, улучшала своё благосостояние. Собственно, даже не бедствовавшие жёны железнодорожных начальников – Наумова и Лазарева продавали во Вьюхинский дом отдыха продукты – десятки килограмм муки, килограммы масла и сахара, за которые получали наличные денежные средства (вероятнее всего, источником этих продуктов служила всё та же кладовая при управлении дороги). Работники столовых и домов отдыха тоже зарабатывали как могли: подделывали счета, покупали по явно завышенным ценам у «своих людей» продукты питания и попросту занимались хищениями¹⁴².

Кизеловский райком ВКП (б) во главе с секретарём Н.А. Узюковым, как и другие партийные структуры, стремился покрывать проступки «своих» хозяйственников. В частности, именно так случилось, когда на шахте имени Ленина разгорелся скандал в связи с проведением в июне 1934 года так называемой массовки. Массовку с участием рабочих-шахтёров задумали организовать на природе, в лесу, куда загодя отправили буфет и пиво. Но в связи с испортившейся погодой мероприятие решили перенести в клуб. Рабочие собрались в клубе и несколько часов ожидали прибытия местного начальства, которое уже заранее выехало в лес. Собравшиеся начали возмущаться. Разыскивать куда-то запропастившееся начальство отправился парторг хозуправления шахты Виноградов. Он не успел добраться до места, где изначально предполагалось провести массовку, как перед ним предстала живописная картина. Из леса на пролётках выехало шахтное руководство: начальник ОРСа Чудинов, председатель шахткома Каздевич, парторг шахты Томашевич и другие. Начальники были навеселе, ехали обнявшись и громко распевали песни под гармошку. Правил лошадьёю лично начальник ОРСа, так как кучер был не в состоянии ни стоять, ни сидеть.

Районное начальство и замяло бы эту историю, да свидетелей «происшествия» оказалось слишком много. Бюро Кизеловского райкома партии вынуждено было реагировать. Под руководством Узюкова 29 июня бюро вынесло решение «разъяснить партактиву шахты Ленина о допущенных ошибках треугольника в связи с проведённой массовкой». И на том инцидент сочли исчерпанным¹⁴³.

Ну а когда посторонних глаз не было, то шахтное руководство пьянствовало без каких-либо негативных для себя последствий. Разумеется, при этом залезали в фонды рабочего снабжения и растрачивали государственные средства. Так, в декабре 1933 года начальник шахты имени Володарского Фролов послал за спиртным заведующего материальным складом Вычужанина. Деньги на пьянку в сумме 1,5 тысячи рублей из средств шахтоуправления выдал заведующий отделом снабжения шахтоуправления Терешёв. Гуляли все

вместе – и представители партии, и профсоюзные работники, и работники ОРСа: парторг шахты Соколов со своим заместителем Столяром, руководители и работники шахтного комитета Ушаков, Патаринов и Быневич, заведующие столовыми, директор пригородного хозяйства ОРСа и прочие. Почти той же компанией собрались 27 апреля 1934 года, когда вино, мясо, рыбу, масло и другие закуски заведующий столовой Ехарев и директор пригородного хозяйства Мясников принесли из кладовой столовой, всего приблизительно на 400 рублей. Из той же кладовой были изъяты пиво и закуска на пьянку 15 июня. Через несколько дней пропили и проели то, что припрятали с вечера ударников. В промежутках между этими пьянками начальник шахты Фролов, парторг Соколов и начальник ОРСа Фёдоров попеременно собирались то у одного, то у другого и «соображали на троих»¹⁴⁴.

Подобные явления были в той или иной мере присущи другим шахтам треста «Кизелуголь». Начальник шахты имени Ленина Судоплатов вечером 5 июня у себя в кабинете устроил «техническое совещание», поставив у входа в кабинет женщину-сторожа, чтобы никто не мешал «совещаться». «Совещались» до 5 утра с вином, пивом, распевая песни. На заседание потратили более полутысячи рублей, которые списали на непредвиденные расходы¹⁴⁵.

Свои деньги на эти «мероприятия» начальство не расходовало, хотя вполне могло себе это позволить. Ведь за услужливость перед властями даже парторги шахт, помимо немалых сумм от шахтоуправления, получали пособия от областной лечкомиссии, от райкома партии и шахткомов. В итоге в их руках оказывались суммы от тысячи до двух. Начальство залезало даже в тот карман, где хранились деньги, собранные или дополнительно заработанные рабочими. Так, по разрешению заведующего шахтой имени Урицкого Овгорова парторг этой шахты Белов взял себе 1,5 тысячи рублей из средств, полученных за счёт проведения субботников¹⁴⁶.

Управляющий трестом «Кизелуголь» Абрамов не обделял ни себя, ни своё окружение. Себе с разрешения «Главугля» взял 3 тысячи рублей. Техническому директору треста

Кораллову Абрамов выплатил 1800 рублей, начальнику отдела снабжения треста – 1,5 тысячи, по тысяче выделил своему заместителю Кленову, главбуху Коняеву и заведующему шахтой имени Володарского Фролову. Начальник шахты «Рудничная» Вавилин получил 1200 рублей¹⁴⁷.

Шахтное начальство, словно личной собственностью, распоряжалось ОРСами. Когда хотели и сколько хотели, брали себе продукты за счёт общественного питания, рабочим же выделялись остатки с «барского стола». На шахте имени Володарского, к примеру, в мае 1934 года начальники получили по 5 килограмм мяса, рыбы, масла и по ящику печенья, а рабочим в то же время выдали по полкилограмма селёдки. Обеды в столовой даже для горняков–ударников, состоявшие из трёх блюд, стоили в два раза дороже, нежели обеды для ИТР, состоявшие из четырёх блюд. На шахтах «Рудничная» и «Капитальная № 1» рабочие ели из грязных тарелок, пользовались ржавыми вилками, само питание было весьма скудным. Молоко от коров, числящихся за ОРСом шахты имени Крупской, уходило на снабжение заведующего шахтой, главбуха и техников шахты, а рабочие, детский сад и ясли молока не видели. Повсеместным явлением были хищения, совершаемые орсовскими работниками. В итоге только за первое полугодие растраты по ОРСам треста «Кизелуголь» составили без малого 200 тысяч рублей. В райком партии поступали соответствующие сигналы от работников шахт, кроме того, о многочисленных хищениях, растратах, самоснабжении на шахтах публиковались статьи в газете «Уральская кочегарка». Тем не менее, в эти дела райком партии не вмешивался, ведь он сам состоял на довольствии у Кизелугля¹⁴⁸.

В качестве ещё одного примера взаимовыгодного сотрудничества властных структур и хозяйственных организаций может послужить «дело» Полевского райкома ВКП(б) и райисполкома. Директор Полевского криолитового завода Г.В. Сергеев пополнял лечебный фонд местных властных структур, откуда деньги шли не на лечение, а на дополнительные выплаты руководящим работникам. К праздникам для начальства накрывал богатые столы со спиртным и от-

правлял им продуктовые посылки, куда входили коньяк, мясопродукты, масло, сливки, сахар и консервы. Среди получателей посылок значились секретарь райкома И.В. Малафеев, председатель райисполкома В.К. Еловских, районный прокурор Е.Т. Жуков, уполномоченный облпрофсовета Богомолов и другие ответственные и нужные работники. Все указанные расходы директор завода производил из средств, отпускаемых наркоматом тяжёлой промышленности на улучшение быта рабочих и ИТР. Сам Сергеев и секретарь парткома завода В.Н. Оборин из заводской столовой брали для своих нужд бесплатно или по заниженной цене в неограниченном количестве всё, что только желали. Счёт шёл на многие тысячи рублей. В ту же столовую приезжал за вином шофёр райкома ВКП(б) Зырянов, однажды оставив там расписку, что получил две бутылки для своих хозяев. Не удивительно, что сигналы о хищениях продуктов, о состоянии столовых, поступавшие в партком завода, райком партии или в районную прокуратуру, оставались без каких-либо последствий. А тем временем завод несколько лет кряду не выполнял производственную программу. В столовой всюду была грязь, грязная посуда, не хватало ложек (чтобы получить ложку, нужно было оставить в залог шапку или пальто), многие табуретки и столы были сломаны, а через разбитые оконные стёкла дул ветер. Мясные блюда для рабочих были редкостью, порой блюда готовились из гнилых продуктов, в частности, на глаза проверяющим из партконтроля попалась затхлая и позеленевшая крупа. В дверях, окнах и полах бараков, где жили рабочие, зияли громадные щели. Уборные располагались рядом с жильём, и из них, а также из помещений для животных, где содержались коровы, прямо в бараки поступали зловония. В бараках была страшная теснота. Даже ударники с семьями проживали по две семьи в одной комнате размером 3 на 3 метра. Жители страдали от паразитов¹⁴⁹.

Пытался бороться с местными порядками лишь начальник райотдела милиции Гоголин, поддерживаемый редакцией местной газеты «За большевистские темпы». Он установил, каким образом заводское руководство использовало сто-

ловую для самоснабжения, какие махинации там проделывались. Милицией совместно с редакцией газеты была сформирована бригада рабочего контроля, которая должна была изучить состояние столовой. Директор завода Сергеев среагировал на это весьма болезненно: доложил секретарю райкома И.В. Малафееву о том, что начальник милиции собирает дискредитирующие его, Сергеева, и секретаря заводского парткома Оборина материалы. Обеспокоенное бюро райкома поручило Малафееву обратиться в Свердловский обком ВКП(б) и к начальнику областного управления НКВД И.Ф. Решетову об отзыве с работы Гоголина. Последний не сдавался и 9 мая 1935 года сделал доклад на бюро райкома о результатах проверки работы столовой ИТР. По итогам доклада бюро райкома сформировало свою комиссию во главе с членом бюро Богомоловым (который получал посылки от Сергеева). Комиссия к работе не приступила, а вот назойливого Гоголина районному начальству удалось из Полевского выжить¹⁵⁰.

Явно неспроста райком способствовал развалу «дела» о хищении товаров для старателей в Сысертском приисковом управлении Уралзолото, исчислявшемся в размере 1,5 тысячи рублей золотом. Райком встал горой за начальника продснаба Вагина, запретив народному суду привлекать его к уголовной ответственности и лишь поставив ему «на вид» за халатность и небрежность в работе. Усилиями райкома при содействии прокурора Е.Т. Жукова не был осуждён управляющий приисковым управлением Кустиков, обвиняемый в растрате промтоваров и продуктов более чем на 35 тысяч рублей в золотом исчислении. Райком закрывал глаза и на то, что новый начальник продснаба Педченко свою домработницу превратил в любовницу, пытался изнасиловать подчинённую – повара из столовой продснаба (правда, ему удалось лишь запереться с ней и насильно раздеть, до полового контакта так и не дошло), пьянствовал с подчинённой завстоловой¹⁵¹.

Не только райком, но и райпрокурор Жуков сообща с членом коллегии защитников Хорьковым разваливали «дела» против растратчиков в продснабе Уралзолото. Жуков изы-

мал из дел компрометирующие документы, прекращал дела, а Хорьков за хорошее вознаграждение защищал расхитителей. Пьянствовали тоже вместе. Поздно вечером 25 апреля 1935 года милиционеры при патрулировании застали на улице Сталина такую картину: в канаве пьяный прокурор Жуков с гармошкой в руках сидел верхом на пьяном Хорькове. Милиционеры попытались помочь «уважаемым людям» встать на ноги и добраться до дома. Но Жуков эту помощь отверг, решив, по всей видимости, что его хотят забрать в милицию. «А вы знаете ли, кто я такой? – заявил он. – Я — райпрокурор Жуков!»¹⁵².

В коррупционные взаимодействия с властными структурами были вовлечены весьма крупные управленцы-хозяйственники. Управляющий трестом «Востокосталь» Яков Павлович Иванченко обильно спонсировал как руководящую верхушку области, так и местный партаппарат. Только в 1934 году Востокосталь выплатила секретарю Нижнетагильского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецову 3200 рублей, одарила его часами фирмы «Павел Буре» и фотоаппаратом. Секретарь Чусовского горкома Мальцев получил 1700 рублей и фотоаппарат; секретарь Кушвинского райкома Поздняков – 500 рублей, фотоаппарат и часы фирмы «Мозер»; секретарь Нижне-салдинского райкома Богачёв – 500 рублей и фотоаппарат; секретарь Первоуральского райкома Чернецов – 500 рублей, часы «Павел Буре» и фотоаппарат; секретарь Кабаковского райкома Спиров – 500 рублей. 35 тысяч рублей Востокосталь перечислила Надеждинскому горкому ВКП(б). Фотоаппараты за счёт треста были преподнесены председателю Свердловского облисполкома Головину и его челябинскому коллеге Советникову. Всего на денежные выплаты различным работникам трест израсходовал более 260 тысяч рублей, на вечера и банкеты – почти 24 тысячи рублей. Востокосталь приплачивала, вероятно, за какие-то услуги, даже работникам НКВД: сотрудник Конголь получил тысячу рублей, а начальник спецссылки Мовшензон – легковой автомобиль.

Заплатив «дань», Я.П. Иванченко получал возможность направлять огромные ресурсы Востокостали на удовлетво-

рение материальных запросов, как собственных, так и своего ближайшего окружения. А запросы эти были немалыми. Управляющий трестом имел в Госбанке личный счёт, по которому только за 10 месяцев 1934 года израсходовал более 145 тысяч рублей. Из средств Востокостали на содержание дач управляющего и двух его заместителей на Балтыме за полгода было потрачено 230 тысяч рублей. Ещё 100 тысяч было выделено на строительство шоссе к дачам. Руководители и служащие центрального аппарата Востокостали из числа приближённых менее чем за год получили в виде денежных выплат как минимум 214 тысяч рублей (по результатам проверки только двух фондов) – это больше, чем получили все работники многочисленных предприятий Востокостали (189 810 рублей). Заместитель Иванченко – Седашёв получил пособий 3,5 тысячи рублей, к тому же был премирован личной автомашиной, получил дефицитные и недешёвые в то время фотоаппарат, радиоприёмник и велосипед. Коммерческий директор треста Кошлаков получил 1,5 тысячи рублей пособий, радиоприёмник и велосипед. Технический директор Беликов был премирован автомобилем и получил 2000 рублей пособий. Московскому представителю треста Гальперину было выплачено 5800 рублей различных пособий и премий. Управляющий делами Новокшёнов за неполный год получил более двух тысяч рублей, двое часов, фотоаппарат и велосипед. Кроме того, с него было списано подотчётных, но не оправданных документами, более семи тысяч рублей¹⁵³.

Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области Л.А. Папардэ, чей аппарат в 1934 году выявил многочисленные коррупционные преступления, писал в Москву: «Ввиду того, что факты небольшевистского отношения к расходованию государственных средств, особенно по спецфондам, являются не единичными, а вошли в повседневную практику и быт Востокостали и его предприятий, и что они обусловлены бесконтрольностью и либеральным отношением со стороны аппарата Наркомтяжпрома к подобного рода нарушениям финансовой

дисциплины, считаю необходимым, чтобы КПК своим решением ударило по этим нездоровым явлениям, тем более что они присущи не только Востокастали»¹⁵⁴.

Сам уполномоченный сложа руки не сидел, а вместе со своим аппаратом прилагал усилия, чтобы причастные к незаконному расходованию средств были привлечены к ответственности.

**«За разбазаривание государственных средств
и другие злоупотребления»:
свердловский партконтроль
против коррумпированных чиновников**

Так, решением уполномоченного и партколлегии свердловского партконтроля от 26 августа 1934 года председатель Свердловской городской лечкомиссии, член бюро горкома ВКП(б) Н.П. Масленников, начальник снабжения комиссии Питерский и директор Чусовского дома отдыха Санников были исключены из партии с привлечением к уголовной ответственности «за разбазаривание государственных средств и другие злоупотребления». «За участие в преступной деятельности горлечкомиссии и связь с жуликом и проходимцем Кролем» из партии был исключён заместитель Масленникова – Гончаров. Партконтроль постановил исключить из ВКП(б) и снять с работы директора завода «Металлист» Микова, «как злостного нарушителя дисциплины партии и государства, распоряжающегося государственными средствами и материальными фондами как своими личными». Директора Свердпищеторга Саплина «за заключение незаконных сделок с горлечкомиссией и разбазаривание государственных средств» было решено привлечь к уголовной ответственности. Начальнику Уралхиммашстроя Тарыгину «за разбазаривание государственных средств» объявили строгий выговор. Выговоры получили бывший второй секретарь Свердловского горкома Стриганов, заместитель председателя горсовета Березин и другие городские начальники¹⁵⁵.

Если вынести взыскание и даже отнять партбилет партконтроль ещё мог, то вот добиться реального уголовного наказания для бывших начальников оказалось гораздо сложнее. Состоявшийся в сентябре 1934 года в Свердловске областной суд признал Масленникова, Гончарова и Питерского виновными и приговорил каждого к лишению свободы сроком на три года, но для последних двух это выразилось в оставлении под подпиской о невыезде, а Масленников пребывал под поручительством. Саплин и управляющий областным коммунальным банком Казанцев были судом оправданы (Саплину суд объявил лишь предостережение за «недостаточную осторожность в действиях при заключении договора с работниками горлечкомиссии»)¹⁵⁶.

Осуждённые так и не были подвергнуты лишению свободы. Сделать такой вывод можно хотя бы на том основании, что после суда Н.П. Масленников, «отбывавший наказание» на должности заместителя начальника механического цеха Златоустовского металлургического завода, принялся настаивать в цеховской КПК на восстановлении в партии. Положительную характеристику ему для этих целей выдал бывший непосредственный начальник – первый секретарь Свердловского горкома ВКП(б) Ф.И. Карклин. Постигшая в первый раз неудача не заставила Масленникова опустить руки, и он вновь и вновь требовал от КПК восстановления в партии¹⁵⁷. Настойчивость проворовавшегося чиновника вполне понятна, ведь с лишением партбилета закрывалась дорога к высоким номенклатурным постам, раз и навсегда нужно было забыть о номенклатурных привилегиях. Не случайно директор Свердпищеторга Саплин в беседе с сотрудником партконтроля Носовым согласился с обвинениями в нарушении «железной дисциплины партии и государства» и высказал лишь одну просьбу: «Я единственно прошу сохранить в партии. Пошлите меня хоть землю копать на 10 лет, но оставьте в партии, я ещё буду полезен для партии. Это моя единственная просьба»¹⁵⁸.

Приблизительно та же самая картина с наказанием уличенных партконтролем чиновников складывалась по «делу

Пермской лечкомиссии». Уголовному преследованию подверглись лишь те, кто был на вторых ролях, и «пешки» – секретарь лечкомиссии Тимофеев, зав. культпропом Трубин, ответственный секретарь горсовета Нечаев, завхоз горсовета Околокулак, зав. горснабом Конев и главбух горснаба Мерунка. Главные фигуранты – бывшие секретарь Пермского горкома Корсунов и председатель горсовета Гайдук отделались лёгким испугом. Совместным решением бюро Свердловского обкома ВКП(б) и партколлегии при уполномоченном КПК по Свердловской области от 11 октября 1934 года материалы на Корсунова были переданы для рассмотрения в цековскую комиссию партконтроля. Этим же решением было признано, что председатель Пермского горсовета Гайдук за злоупотребление служебным положением заслуживает исключения из партии. Однако далее следовало одно «но»: «...но принимая во внимание положительные отзывы о его прежней работе и заверение о том, что дальнейшей добросовестной работой он искупит совершённые им проступки, – считать возможным ограничиться вынесением ему строгого выговора»¹⁵⁹.

В январе 1935 года решением КПК при ЦК ВКП(б) Корсунов был исключён из партии. С Урала он уехал в Таганрог и устроился там на «тёплое место» – руководителем сектора социально-бытовых вопросов завода имени Сталина. В конце того же 1935 года он, получив положительную характеристику от парткома завода, подал апелляцию в КПК на решение об исключении, которая была удовлетворена. С формулировкой: «учитывая прошлое т. Корсунова и хороший отзыв о работе т. Корсунова после исключения», КПК вернула ему партбилет с перерывом в партстаже с января по декабрь 1935 года¹⁶⁰. Перед проворовавшимся и чуть не спившимся чиновником вновь открылись двери во властные структуры.

Гайдук из области не уезжал. Руководство обкома партии решило пристроить его поближе к Свердловску, директором Дегтярского рудника Средуралмедьстроя. Наркомат тяжёлой промышленности был поставлен в известность о причинах освобождения Гайдук от должности в Перми, тем не менее, дал добро на его назначение. В кадровых документах Гай-

дук об истинной причине полученного взыскания предпочёл скромно умолчать: якобы выговор (а не строгий выговор) он получил за «неправильное расходование средств». Работу в Пермском горсовете решил вовсе не указывать, что в совокупности говорит о его стремлении скрыть компромат, «вычистить» свой послужной список (бардак в обкомовском кадровом делопроизводстве вполне позволял это сделать). На руднике Гайдук надолго не задержался: спустя год он был назначен директором Полевского криолитового завода¹⁶¹.

По «делу Кабаковского хозупра» был лишён партбилета и отдан под суд только лишь начальник хозупра Вагин. Бывший секретарь горкома Жданов был исключён из партии, его заместитель Покровский и председатель ревизионной комиссии горкома Бублевский получили выговоры и были сняты с работы. Остальные чиновники отделались партвзысканиями¹⁶².

Фигуранты по «делу Тагильского хозупра» к уголовной ответственности не привлекались. «Дело» рассматривалось не на областном уровне, а в самом Тагиле. В заседании бюро Нижнетагильского горкома ВКП(б) 21 сентября 1934 года принял участие сотрудник партконтроля Варов. Нужно ли говорить, что участники заседания, кормившиеся при хозупре, не были заинтересованы в раздувании «дела» и отнюдь не стремились рассказывать обо всех злоупотреблениях, как своих, так и чужих. Несмотря на прозвучавшие в постановлении такие фразы, как «антигосударственные действия», «нарушение финансовой и бюджетной дисциплины», «незаконные денежные поборы», «незаконное заключение договоров», виновные понесли лишь формальное наказание. Председатель горсовета Грушин, заведующий горфинотделом Гордеев и инструктор горкома Ушаков отделались простыми выговорами. Даже заведующий хозупром Шалунов получил лишь строгий выговор с предупреждением, сохранив партбилет. Заведующий культпропом горкома Пальцев вовсе отделался указанием¹⁶³.

О каком-либо, хотя бы малейшем, наказании секретаря Нижнетагильского горкома партии М.В. Кузнецова речь

даже не заходила. Что было неудивительно, ведь у Кабакова имелись свои планы на земляка, и любые партвызыскания могли помешать их реализации. О том, что эти планы существовали, можно судить хотя бы по такому факту. Решением бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 2 сентября 1934 года, где разбиралось «дело Свердловской лечкомиссии», секретарю Свердловского горкома ВКП(б) Ф.И. Карклину был вынесен строгий выговор «за допущенную доверчивость и непринятие своевременных мер к проверке и очищению аппарата горкома и лечкомиссии от буржуазных перерожденцев Масленникова, Гончарова и др.»¹⁶⁴. Вполне очевидно, что подобный выговор вполне заслуживал и тагильский секретарь Кузнецов, ведь, как уже говорилось, партконтролю было известно о злоупотреблениях не только в Тагильском хозупре, но и в лечкомиссии при Нижнетагильском горкоме ВКП(б). Однако этого не произошло, и отдельные материалы о злоупотреблениях в Тагильской лечкомиссии не переросли в «дело». А уже вскоре, в апреле 1935 года, Кабакову удалось найти зацепку, чтобы сместить Карклина и поставить на его место Кузнецова. Поводом послужила статья в «Правде», где Свердловский горком и его секретарь Карклин были подвергнуты критике за формальное проведение в жизнь некоторых директив ЦК о партийно-организационной, политико-воспитательной и партийно-массовой работе, за канцелярско-бюрократические методы работы и тому подобное. Незначительные по своей сути упущения и отдельные недочёты были возведены руководством области в ранг грубейших политических ошибок. Бюро обкома решило освободить Карклина от должности первого секретаря горкома, учитывая имевшиеся у него ошибки (о чём на специально созванном пленуме горкома поведал К.Ф. Пшеницын), и поставить на его место тагильского секретаря Кузнецова¹⁶⁵. Таким вот образом Кабаков сумел использовать результаты расследования партконтроля в своих целях.

Наибольшие усилия свердловского партконтроля во главе с Л.А. Папардэ были направлены на привлечение к ответственности виновных в рамках расследования по само-

му масштабному делу – «делу Свердловского облисполкома». Партконтроль выдвинул обвинения не только против руководства хозупра, но и замахнулся на первых лиц области. «За деятельность хозупра должен нести ответственность председатель облисполкома т. Головин, который не только не принимал мер к прекращению творившихся там безобразий, но допускал нарушение финансово-бюджетной дисциплины и принимал обильные услуги подхалимствующих работников хозупра, тем самым поощрял бесконтрольное расходование хозупром государственных средств и использование работниками хозупра своего служебного положения в личных целях», – отмечал Л.А. Папардэ в докладной записке, отправленной на имя И.Д. Кабакова, второго секретаря обкома В.А. Строганова и самого В.Ф. Головина¹⁶⁶. Среди других ответственных лиц Папардэ назвал заведующего советско-торговым отделом обкома Н.Н. Мизенко. И хотя в этой и других подобных записках, уходивших в обком, не упоминались все расходы хозупра на обслуживание первых лиц области, в частности, на строительство и обустройство «царских дач» на Шитовском озере, руководители обкома имели все основания опасаться раскручивания «дела».

Разумеется, И.Д. Кабаков сделал всё, чтобы спустить «дело» на тормозах. Пока шло расследование партконтроля и областной прокуратуры, Свердловский облисполком спешно своими постановлениями «узаконил» многочисленные торгово-финансовые операции, совершённые хозяйственным управлением. Областная прокуратура под руководством прокурора Г.И. Леймана не только не проявила рвения в расследовании по «делу», но и «закрыла глаза» на некоторые представленные партконтролем материалы, например, о спекулятивных операциях хозупра, о масштабе разворывания средств руководством хозупра. Тяжесть некоторых обвинений была сглажена. В обвинительном заключении по делу фигурировали лишь семь человек – руководители и рядовые работники хозупра. Довершил начатое прокуратурой областной суд, состоявшийся в декабре 1934 – январе 1935 года. Суд признал «проступки» обвиняемых «след-

ствием несовершенства постановки системы учёта и отчётности в порядке снабжения лиц через хозуправление» и что «благодаря вмешательству партконтроля и обкома партии эти система и порядок значительно улучшены и резко изменены». Приговором суда фигуранты были осуждены к трём и шести месяцам исправительно-трудовых работ, некоторые оправданы. В действиях главного фигуранта – Леонида Осиповича Капуллера – областной суд не усмотрел корыстных мотивов и личной заинтересованности и объявил ему общественное порицание¹⁶⁷.

Капуллер, правда, решением свердловского партконтроля лишился партбилета, тем не менее, областными властями он был назначен заведующим Деловым клубом и одновременно директором ремонтного завода «Уралэнерго». В частных беседах Капуллер не скрывал, что ему покровительствуют первые лица области, что в театре музкомедии он встречался с «большим хозяином». Хвастался своей победой в противостоянии с партконтролем и пытался восстановиться в партии¹⁶⁸.

Приговор Свердловского областного суда Л.А. Папардэ счёл «...беспримерным в практике советского суда крючкотворством и издевательством над линией партии и советскими законами». Папардэ обращался к секретарю партколлегии цековской КПК М.Ф. Шкирятову и прокурору СССР И.А. Акулову с просьбой о пересмотре решения суда. Он обвинял свердловский суд в обмане, в подтасовках и отрицании «неоспоримо доказанных фактов», имеющих целью «выручить попавших в беду жуликов из хозупра»¹⁶⁹. Но всё оказалось тщетным. Эту битву он проиграл.

Деятельность аппарата уполномоченного КПК Л.А. Папардэ вызвала широкий резонанс во властных структурах области. Разумеется, зачастую это было раздражение, негодование в адрес сотрудников партконтроля и самого Папардэ, ведь расследования угрожали комфортной жизни уральской партноменклатуры. Но находились и те, кто поддерживал проверяющих и даже пытался внести свой вклад в борьбу с расхитителями социалистической собственности, выступал

за «чистоту партийных рядов». Движимые установками верховной власти о развитии критики и самокритики, проявлении политической бдительности, некоторые свидетели различных коррупционных преступлений по своей инициативе выходили на проверяющих и делились с ними информацией либо отправляли письменные заявления в партконтроль. «Бдительные коммунисты» при этом серьёзно рисковали карьерой и своим материальным благополучием.

К примеру, так произошло с Александрой Ивановной Вороновой – заведующей магазином партактива в Надеждинске. Воронову вызывали к председателю райисполкома и секретарю горкома для разъяснений, как и кому из местного начальства следует развозить продукты. Та же отказалась выполнять указания и прямо заявила начальству: «Вы только занимаетесь распределением продуктов, а когда же будем выполнять план лесозаготовок?» На что услышала: «Ты политически неграмотная, тебе что велят, то и делай». А вскоре сняли с работы завмага и вывели из состава кандидатов в члены президиума горсовета. Воронова не успокоилась и сообщала о самоснабжении местного начальства старшему судье Островскому, помощнику областного прокурора Свалову и районному прокурору Ершову. Свалов заявил Вороновой, что раз в её заявлении фигурируют руководящие работники Надеждинска, то он будет действовать через «областные организации», а заявительницу предупредил, чтобы об этом не распространялась. Не дождавшись ответа, Воронова попыталась рассказать о злоупотреблениях во время чистки партии. На что услышала от редактора газеты «Пролетарий» Альшер (которая также кормилась с рук местного начальства), что эти выступления «чуждые» и «нездоровые», а комиссия по чистке запретила Вороновой выступать в прениях. Однако и это не остановило упрямую «общественницу» (как она сама себя называла), которая решила добиваться правды у уполномоченного КПК Папардэ¹⁷⁰.

Пермский райвоенком Пётр Александрович Голофеев тоже не держал язык за зубами, когда видел пьянство и злоупотребления местного начальства. Прямо говорил об этом

в горкоме и горсовете. Выступил на заседании бюро горкома о злоупотреблениях, о растаскивании торгсиновских товаров, после чего к нему подошёл зампред горсовета Ежелев и заявил: «Кто тебе давал право выступать? Куда лезешь?» Героя Гражданской войны, кавалера ордена Красного Знамени, получившего семь ранений и побывавшего в плену, видимо, уволить не могли, но в пермских властных структурах он стал изгоем. Как только заходил в начальственные кабинеты, то все сразу замолкали. «Были такие случаи, перед тобой разговаривают, а как войдёшь, замолчат, — рассказывал он сотрудникам партконтроля. — Я вообще живу замкнуто, ни к кому не хожу, отщепенцем стал. У меня вообще на квартире ничего нет, кровати даже нет. Жена и ребёнок»¹⁷¹.

Поэтому неудивительно, что некоторые авторы заявлений не называли своих фамилий и должностей, предпочитая скрываться за псевдонимом. Два таких письма (не исключено — одного авторства) поступили в свердловский партконтроль на имя Л.А. Папардэ. Речь в них шла о привилегированной жизни руководящих работников областного НКВД и допускаемых ими злоупотреблениях. И хотя в настоящее время остаётся неизвестным, чем закончилась предпринятая партконтролем проверка, изложенное в этих письмах существенно дополняет общую картину повседневной жизни представителей уральских властных структур в те годы. Поэтому считаем возможным привести текст этих заявлений полностью, без купюр:

«Уполномоченному партийного контроля тов.
Папардэ

Вы хорошо расправились с жуликами и перерожденцами городской лечебной комиссии, но было бы ещё лучше, если бы Вы расправились с подобным же элементом из НКВД — быв[шего] ГПУ.

Если в горлечебной комиссии процветало самоснабжение, пьянки и растратирование государственных средств направо и налево, то в этом благородном учреждении эти элементы имеют место в сто крат больше.

В горлечевой комиссии была Чусовая, тут этим значным местом является Балтым.

Этот Балтым исстара среди “своих” именуется пьяным бором, и не удивительно: со дня его основания там идёт беспробудная пьянка, пьянка избранных – головки руководящего состава НКВД во главе самого Решетова и куда категорически воспрещён вход для рядового оперативного состава. Оперативный состав ютится летом в убогих комнатухах (в клоповниках) в Шарташе, платят баснословные цены за исключительно безобразные блюда, кушанья, а головка занимает в Балтыме дачи по три комнаты в английских коттеджах, прекрасно обставленных, плюс изысканный стол: два завтрака, обед, ужин, и всё это бесплатно. Сведущие люди говорят, что ко всему этому в былые времена (до лета этого года) выдавался и коньяк бесплатно и неограниченном количестве.

В этом Балтыме, начиная с июня месяца с.г., по сей день находятся на “подножном корму” всякие тётушки, дядюшки, племяннички и тёщи руководящего состава НКВД, люди, по существу, никакого отношения не имеющие к членам семьи этих работников.

Вот несколько примеров, только известных автору:

1) всё лето жили на даче и кормились за счёт богатого американского дядюшки семья нач[альника] ХОЗО Шепелюк: тёща и две свояченицы, весящие пудов по 8;

2) сестра с ребёнком жены н[ачальни]ка особотдела Чопяк;

3) сестра с ребёнком жены н[ачальни]ка ЭКО Счастливецва;

4) сестра, ребёнок, свекровка и прислуга жены зам. ПП Самойлова;

5) племянник, свояченица с ребёнком н[ачальни]ка финотдела Головки;

6) сестра с ребёнком и мужем н[ачальни]ка отдела кадров Абаймова, и так далее и тому подобное.

Непосредственных членов семьи, содержащихся так же бесплатно, я в счёт не беру.

Банкеты и пьянки на этом Балтыме устраиваются, как правило, перед каждым выходным днём по поводу и без поводов, организатор их – нач[альник] общего отдела Саммут.

Результаты этих банкетов и пьянок почти всегда оканчиваются руганью и скандалами между участниками, а на второй день писались рапорта об уходе с работы. Примеры: рапорта об уходе писали: Шепелюк поскандалил с Весновским, Абаимов с Саммут, Весновский с Решетовым, Фильченко с Саммут и т. д.

Одним из самых бурных банкетов Балтыма был банкет в честь переименования органов ОГПУ в НКВД, где кроме коньяку и других вин было распито около 50 бутылок шампанского и где, напившись до белого каления, особоуполномоченный Весновский бежал по даче без штанов, грозя Решетову в его грехах, а Абаимов, как бывш[ий] партизан, пытался расправиться с Саммут и комендантом Балтыма Гинько (быв[шим] петлюровцем).

Или банкет в честь назначения Самойлова – зам ПП, где Решетов под изрядными парами коньяка пожелал видеть русскую пляску в исполнении жены особоуполномоченного Весновского, беременной на 7-м месяце. Пляска эта, конечно, состоялась, но Весновская на второй день оказалась в больнице, а на третий день состоялись и вынужденные роды. Сама Весновская – член ВКП(б) и ответработник в радиосвязи здесь, в Свердловске.

Между прочим, в этом же Балтыме под предводительством этого петлюровца Гинько происходит жуткая эксплуатация обслуживающего персонала, и на попытки одной работницы по имени Дуся указать на советские законы о труде на неё так цыкнули, что она сразу же перестала искать эти законы, а потом, как вредную, сейчас же выбросили из Балтыма. О всех творящихся там безобразиях она писала особоуполномоченному Весновскому, не разумея того, что “рыбак рыбака видит издалека”.

Теперь невольно напрашивается вопрос: откуда же всё это берётся, где тот источник неископаемых [неисчерпаемых? – А.С.] денежных ресурсов, позволяющих так широко

и безотчётно расходовать деньги на банкеты, пьянки и содержание целой плеяды людей, не имеющих никакого отношения к членам семьи.

По мнению автора, источником этим являются в первую очередь сельхозкомбинат НКВД, возглавляемый тем же Шепелюком, и какие-то “особые” фонды, имеющиеся в финансовом отделе НКВД. Как всё “комбинируется” и “балансируется”, сказать это при всём желании автор не может. Это дело тщательной и глубокой проверки партийного контроля.

Автору, например, известно, что сельхозкомбинат и в частности его руководитель Шепелюк занимался нелегальной добычей золота. Дело это до весны этого года практиковалось широко, но потом, когда стали об этом говорить уже в парткоме НКВД, то тогда прекратили это дело. Понятно, кое-кто на этом деле руки себе нагрел. Добыча золота сельхозкомбинатом происходила, понятно, не без благословения самого же Решетова.

Характерным показателем отношения к рядовому оперативному составу со стороны Решетова является хотя бы такой факт: оперсостав в своём большинстве сильно изношен на работе, но путёвки на курорт получили не более 10 % этого состава, тогда как сам выезжал на курорт в своём вагоне, повёз с собой на курорт этих “болеющих” восьмипудовых жён Шепелюка, Весновского и др. Понятно, для них путёвки нашлись.

Покопайтесь в этом деле, найдёте ещё не меньше интересного.

19 сентября 1934 г.

«Свердловец»»

Второе письмо, поступившее в партконтроль, было посвящено исключительно начальнику хозяйственного отдела областного УНКВД Шепелюку:

«Тов. Папардэ.

Вскрывая злоупотребления в хозупре обл[асти], вам следует обратить внимание на безобразия нач[альника] ХОЗО НКВД. Шепелюк, пользуясь исключительной дружбой с

т. Решетовым и спекулируя этим, творит беззакония, воруя государственную собственность и самоснабжаясь бесконтрольно, не зная пределов. Партком управления НКВД несколько раз ставил вопрос об Шепелюке на бюро парткома, но под зажимом и давлением т. Решетова этот вопрос об Шепелюке снимался.

Факты:

1. У Шепелюка нечисто дело с золотом, которое добывается на территории с/х комбината. Это золото находится бесконтрольно в руках Шепелюк.

2. Жена Шепелюка широко использует возможность брать бесконтрольно продукты с/х комбината и расплачиваться ими со всякого рода портными и портнихами.

3. Из дорогостоящего меха кроликов шеншиля [правильно – шиншиллы. – А.С.] из крольчатников с/х комбината для многочисленной родни и жены Шепелюк бесплатно шьются меховые шубы, которые затем продаются в комиссионных магазинах по 1000 рублей.

4. Для квартиры Шепелюк делается дорогостоящая мебель, покупались рояль, ковры и проч[ее] за счёт ХОЗО.

5. Связь с чуждым элементом.

Материал, и обширный, имеется в парткоме и, наверное, у особоуполномоченного Весновского.

Шепелюк спекулирует на близких отношениях с Решетовым, Авербах и Беленьким (из комиссии партконтроля или советского контроля в Москве). Он говорит, что на всех плюёт и ничего не боится, причём широко употребляет способ задабривания путём посылки на квартиру Авербах и др. нужных ему людей, благо, что угощение ничего не стоит, т. к. идёт за счёт всех тех источников. Причём когда уезжала жена Авербах, то с ней пошли тюки дорогостоящих продуктов с/х комбината (в Москве годятся). И, несмотря на то, что Шепелюк уехал в отпуск, грузовая машина регулярно подвозит на квартиру Шепелюк продукты с/х комбината, а также дрова, напиленные и нарубленные рабочими с/х комбината, ибо Шепелюк не привык платить ни за что, даже за дрова для своей квартиры!

Вам не мешало бы, тов. Папардэ, поинтересоваться, сколько Шепелюк получил тысяч “пособия”, уезжая в отпуск вместе с тов. Решетовым?

Рабочие с/х комбината»

Свердловский партконтроль в сентябре 1934 года переслал эти два письма в Москву, в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), и в сопроводительном письме проинформировал о начале их проверки¹⁷².

Нужно ли говорить, что своими расследованиями Л.А. Папардэ нажил себе немало врагов в региональных властных структурах. Против Л.А. Папардэ было настроено главное партийное и исполкомовское областное начальство, в первую очередь всемогущий И.Д. Кабаков. Своего отношения к свердловскому партконтролю они не скрывали: в частности, при обсуждении «дела облисполкома» на заседаниях бюро обкома партии Кабаков и Головин, при поддержке почти всех членов бюро обкома, всячески стремились «прорабатывать» проводивших расследование сотрудников партконтроля, а не начальника хозупра Капуллера¹⁷³. К тому же весьма сомнительно, чтобы руководители областного УНКВД равнодушно и невозмутимо восприняли ревизию подведомственных им хозяйственных структур. Поэтому нет ничего Удивительного в том, что во главе областного партконтроля Папардэ надолго не задержался. Под нажимом ли или по своей воле, но весной 1935 года он покинул Свердловскую область¹⁷⁴.

На его место в Свердловск был назначен 47-летний Константин Иванович Бухарин, недавний руководитель группы коммунально-жилищного хозяйства КПК при ЦК ВКП(б). Это был хорошо знакомый Кабакову человек по совместной работе в Ярославле. Когда в начале 1920-х годов Кабаков занимал пост ответственного секретаря Ярославского губкома РКП(б), то Бухарин был его заместителем. Даже в личном деле Кабакова, хранившемся в Свердловском обкоме ВКП(б), имелась выписка из протокола заседания президиума Ярославского губкома, где говорилось о замещении Буха-

риным ответственного секретаря губкома Кабакова на период курортного лечения последнего¹⁷⁵.

Трудно сказать, имело ли место какое-либо вмешательство Кабакова в подбор кандидатуры на место Папардэ. Как неизвестно, получил ли новый уполномоченный КПК от кого бы то ни было установки о характере его дальнейшей работы, либо он вполне самостоятельно определял политику подчинённого ему аппарата. Единственное, что вполне определённо можно констатировать, – с прибытием К. И. Бухарина на Урал «громкие разоблачения» свердловского партконтроля закончились. По крайней мере, до 1937 года.

Успешное противодействие областных властей свердловскому партконтролю и к тому же отнюдь не триумфальный отъезд Папардэ из области способствовали тому, чтобы власть предрежащие и впредь не отказывались от коррупционных практик. Единственное, действовать они стали осторожнее, старались заимствовать «передовой опыт» по использованию государственных ресурсов в личных целях. К примеру, секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецов был недоволен тем, как руководитель Тагильского хозупра Шалунов и заведующий горфинотделом Гордеев проделывали махинации, и предлагал им «пройти курсы» у заведующего областным хозупром Капуллера¹⁷⁶. Областные структуры тоже, в свою очередь, старались не стоять на месте и совершенствовать применяемые практики.

Ярким тому примером служит решение о создании специального фонда председателя облисполкома и о введении системы выдачи дополнительных продуктовых наборов для руководящих работников. Соответствующее постановление было принято 10 октября 1934 года, то есть задолго до завершения расследования и суда по «делу облисполкома», что лишний раз подчёркивает решимость областных руководителей, невзирая ни на что, использовать государственные ресурсы для самообогащения.

Обращает на себя внимание и то, как было принято это решение. Оно не было оформлено так, как это делалось раньше – в виде постановлений президиума облисполкома или распо-

ряжений председателя облисполкома и секретаря облисполкома. Нет. Оно было оформлено протоколом заседания партгруппы президиума Свердловского облисполкома. Существование такого постановления даже без особых грифов секретности могло на длительное время, а то и навсегда остаться неизвестным. Дело в том, что протоколы заседаний первичных парторганизаций хранились на местах и в лучшем случае поступали на проверку в райком или горком партии (если вообще куда-то поступали, учитывая, что речь шла о такой организации, как облисполком). Обнаружить подобное постановление в огромном массиве партийного делопроизводства было не так-то просто. И этим они существенно отличались от тех же постановлений облисполкома, доступ к которым имел значительно более широкий круг партноменклатуры и технических сотрудников. В данном же случае речь идёт даже не о первичной парторганизации, в роли которой выступала парторганизация облисполкома, а об одном из её звеньев – партгруппе, да ещё и партгруппе президиума облисполкома. Постановление такой парторганизации легко было спрятать от посторонних глаз, лишь бы знающая о его существовании небольшая группа людей крепко держала язык за зубами. А в случае необходимости и вовсе можно было «потерять», тем более что рассматриваемый нами протокол не имел порядкового номера.

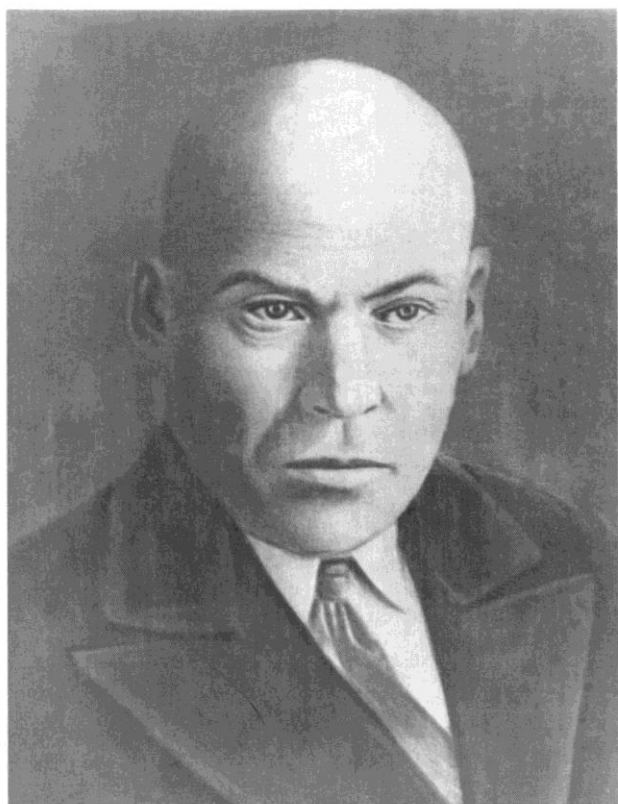
Если судить по оформленному протоколу, то в заседании партгруппы приняли участие всего лишь восемь человек, включая В.Ф. Головина, заведующего облфинотделом И.Л. Хороша и секретаря облисполкома В. Степанова. Протокол был подписан секретарём партгруппы, в роли которого выступал сам председатель облисполкома В.Ф. Головин. Первое постановление – «Об улучшении снабжения областного актива» – было сформулировано следующим образом: «Считать необходимым ввести систему выдачи активу из столовой при Доме Советов в дополнение к обедам сухого пайка на завтраки и ужины. Стоимость пайка для 1-й группы (50 чел.) определить до 200 рублей, для второй группы (20 чел.) до 100 руб. в месяц, со взиманием соответственно по 50 руб. и 25 руб. в месяц за этот паёк».

Второе постановление – «О специальном фонде председателя облисполкома» – гласило: «Для оказания помощи отдельным лицам областного и районного актива, а также прочих непредвиденных расходов выделить фонд в сумме 25 тысяч рублей»¹⁷⁷.

До апреля 1936 года в этот фонд из обл. финотдела поступило 50 тысяч рублей. Расходовались они на выдачу денежных пособий, как правило, руководящим работникам областного масштаба и руководству Свердловска. В списке получателей (71 пункт) значились также шофёр Головина и несколько руководящих работников районного уровня. Сам Головин получил, как следовало из отчёта о расходах, 1550 рублей, секретарь Свердловского горкома Кузнецов – 1300 рублей, председатель Свердловского горсовета Мизенко – 1600 рублей. А вот второму секретарю обкома Пшеницыну выдали только 641 рубль 56 копеек. В одном списке получивших денежные пособия значились и знаменитый Капуллер, и те, кто его судил – председатель Свердловского областного суда Чудновский и заместитель Чудновского – Сундуков¹⁷⁸.

Не только из специального фонда Головина, но и из других облисполкомовских источников в 1936 году областному начальству выплачивались большие денежные пособия. Самое крупное – 1000 рублей – получил всё тот же Головин¹⁷⁹.

Другим источником доходов являлась областная лечебная комиссия, в 1936 году преобразованная в спецуправление Свердловского облздравотдела, которое возглавил заместитель начальника облздравотдела Кожевников. Обороты денежных средств по спецуправлению резко выросли. Если ежегодно, начиная с 1933 года, выдаваемые денежные пособия в общей сложности не выходили за пределы 13 тысяч рублей, то за один только 1936 год расходы по этой статье составили почти 47 тысяч рублей. Среди систематически получавших денежные пособия были сам Кожевников, а также Головин, Хорош, секретарь Нижнетагильского горкома Окуджава и другие. Кожевников для осуществления операций открыл в банке личный счёт¹⁸⁰.

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature appears to be 'И.Д. Кабакова' (I.D. Kabakova).

Фото и автограф И.Д. Кабакова

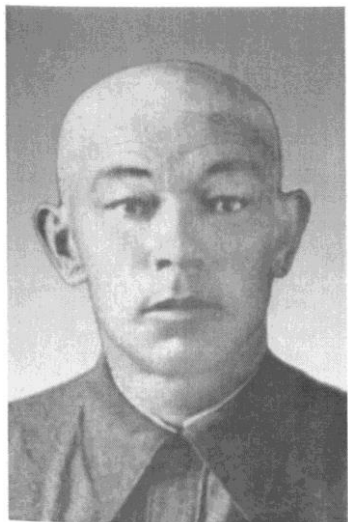

В.Ф. Головин, председатель
Свердловского облисполкома

М.В. Кузнецов, первый секретарь
Нижнетагильского горкома ВКП(б),
первый секретарь Свердловского
горкома ВКП(б)

М.Ф. Коссов, первый секретарь
Сталинского райкома ВКП(б)
г. Свердловска

Ф.И. Карклин, первый секретарь
Свердловского горкома ВКП(б)

И.А. Кормилов, заведующий отделом
Свердловского горкома ВКП(б)

Л.Н. Пальцев, первый секретарь
Нижнетагильского
горкома ВКП(б)

И.В. Сталин с делегатами от уральской областной парторганизации на XVI съезде ВКП(б). Москва. 1930 г.

И.В. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП(б) с делегатами от свердловской областной парторганизации на XVII съезде ВКП(б). И.Д. Кабаков в верхнем ряду крайний слева, В.Ф. Головин в нижнем ряду крайний справа. Москва. 1934 г.

И.Д. Кабаков (второй слева) среди делегатов
от свердловской областной
парторганизации на XVII съезде ВКП(б). Москва. 1934 г.

И.В. Сталин на трибуне XVII съезда ВКП(б).
Москва. 1934 г.

И.Д. Кабаков в президиуме XVII съезда ВКП(б)
(крайний справа) слушает
доклад И.В. Сталина. Москва. 1934 г.

И.Д. Кабаков на концерте самодеятельности в аэроклубе. Свердловск. 1935

Соратники товарища Кабакова.
Сидят слева направо: Г.Г. Ян, К.И. Ковалёв,
К.Ф. Пшеницын, Н.Н. Лапилов, Н.А. Узюков, Г.С. Богачёв.
1935-1937 гг.

Второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницын (слева)
и первый секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ К.И. Ковалёв (справа)
среди комсомольских работников. 1935-1937 гг.

Здание обкома ВКП(б) и облисполкома. Свердловск.
1932 г.

Здание обкома ВКП(б) и облисполкома. Свердловск. 1935 г.

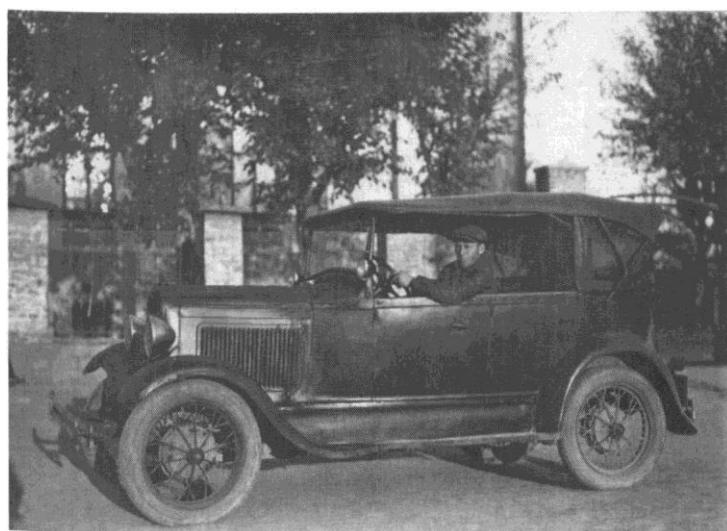

Второй дом советов. Свердловск, ул. 8 Марта, 2

Автомобиль на улице 8 Марта, поблизости от Второго дома советов

Служебные автомобили секретарей обкома
ВКП(б)

Колонна комсомольцев на Площади 1905 года у здания Свердловского
горкома ВКП(б). Свердловск. 1930-е гг.

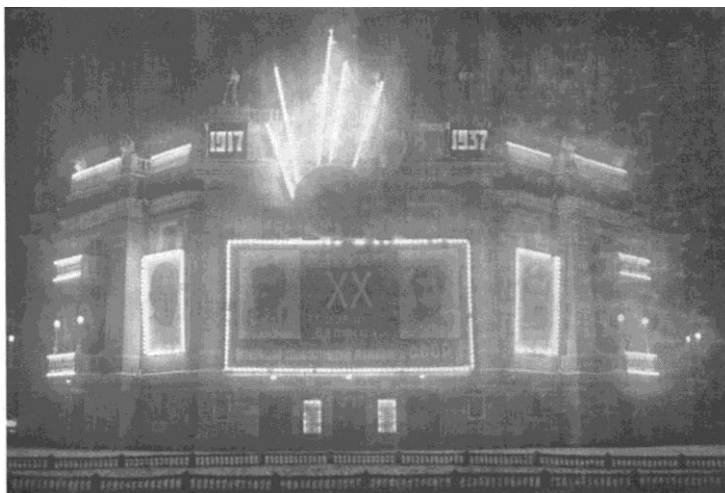
Бронеавтомобили и тракторы, задействованные в праздничных мероприятиях на Площади 1905 года.
Свердловск. 1930-е гг.

Театр оперы и балета им. Луначарского в Свердловске, где в 1934 г. проходила XII Уральская областная партконференция

Здание «Делового клуба» в Свердловске, где в 1930-е гг. проходили многие партийные заседания, включая собрание партийного актива в марте 1937 г.

Театр оперы и балета им. Луначарского в праздничном оформлении
в связи с празднованием XX годовщины
Октябрьской социалистической революции.
Свердловск. 1937 г.

Здание редакции газеты «Уральский рабочий» и памятник
Я.М. Свердлову.
Свердловск. 1935 г.

М.М. Каганович с трибуны на площади Первой Пятилетки объявляет о пуске Уралмашзавода. Свердловск. 15 июля 1933 г.

Г.К. Орджоникидзе
на Уралмашзаводе
возле автомобиля.
Свердловск.
7 августа 1933 г.

Г.К. Орджоникидзе
выступает на митинге
на Уралмашзаводе.
Свердловск.
7 августа 1933 г.

Проходная Верх-Исетского металлургического завода
им. И.Д. Кабакова.
Свердловск. 1933 г.

М.Ф. Григорьев, секретарь парткома
Верх-Исетского
металлургического завода

Н.П. Сорокин, первый сек-
ретарь
Кагановичского райкома
ВКП(б)
г. Свердловска

Ф.И. Могиленских, инженер,
секретарь парткома Верх-Исетского
металлургического завода

Сделать директивы тов. Папардэ — программой работы всех организаций Кабаковска

Собрание партактива Кабаковска

30 июля в малом зале Дома культуры состоялось партийное собрание актива Кабаковска. С большой речью, посвященной итогам расследования по статье в „Правду“ от 16-го июля «Вагин управляет делами» выступил уполномоченный Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по Свердловской области тов. ПАПАРДЭ.

Тов. ПАПАРДЭ в своем сообщении привел ряд фактов возмущительного отношения отдельных руководителей Кабаковского района к нуждам рабочих (грязь в столовых и общепитовых, обвешивание в магазинах), и интересам производства и к охране социалистической собственности.

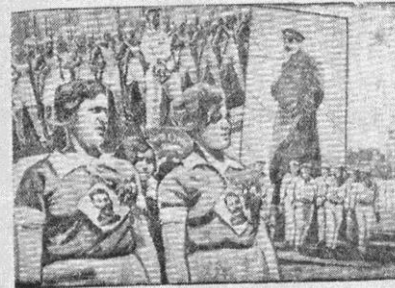
Тов. ПАПАРДЭ
уполномоченный Комиссии пар-

тов. Папардэ, — на данном этапе определяется сущность классовой борьбы, преданность делу социализма, определяется лицо классового врага».

В прениях выступило 16 чел. Собрание длилось с 9 часов вечера до 4 часов утра.

В заключении тов. Папардэ огласил список лиц организаторов и вдохновителей «хазупра» (Изданов, Спиров, Демченев), которые привлекаются к ответственности Комиссией партийного контроля. Кроме них ответственно-сти привлечены: АНТОНОВ, РЯЗАНЦЕВ (директор завода), ПОНДРОВСКИЙ (зам. секретаря Горкома партии), КОЗЫРЬКОВ (предгорсовета), — незаконно поль-

Праздник бодрости и силы

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ — участники большого парада, состоявшегося на днях в Москве — на Красной площади

4 августа провести день колхозника

Постановление бюро Кабаковского Горкома ВКП(б) от 1-го августа 1934 г. о проведении единого колхозного дня по проработке среди колхозников постановлений июльского пленума ЦК и пленума Свердловского

Статья в газете «Пролетарий» от 2 августа 1934 г. о выступлении Л.А. Папардэ на собрании партийного актива г. Кабаковска

ПРОТОКОЛ № 6

30 25

Заседания Бюро Октябрьского РК ВКП(б) г. Свердловска от 14/1-1937 года

Присутствовали: члены Бюро РК т. т. Прислонов, Емельховский, Хейфец, Дербуков, Молодых, Баров, Иванов.

§ 1. Слушали: О контрреволюционном - троцкистском выступлении на собрании Рабпартиativa Октябрьского р-на ч/партии КРАВЧУК

Постановили: 1. Кравчука Романа Давидовича, п/став с 1919 г. п/билет № 0945785, директор в-да Дефибрерных камней - за троцкистскую - контрреволюционную клевету, из членов ВКП(б) исключить.

2. Вопрос о партроне в-да Дефибрерных камней - Шматьева, не сообщавшего РК ВКП(б) о контрреволюционных разговорах Кравчука - обсудить на Бюро РК ВКП(б) 15/1-37 г.

3. Созвать 15/1-37 г. вне очередное закрытое п/собрание первичной п/организации в-да Дефибрерных камней, на которое командировать 2-го Секретаря Октябрьского РК ВКП(б) т. Емельховского для разъяснения решений Бюро РК ВКП(б) о Кравчук.

Секретарь Октябрьского
РК ВКП(б)

Прислонов

(К. Прислонов)

Постановление бюро Октябрьского райкома ВКП(б) г. Свердловска от 14 января 1937 г. о Р.Д. Кравчуке

XV Пшеницын Сидор, вб. 15 95
Я не враг народа
Был и оставался до последних
минут своей жизни
большевиком, Лениным -
Сталиным
На протяжении двадцати
лет я все силы и энергию
отдавал на борьбу тариха
за осуществление социализма
- коммунизма
В Ташкенте, в родном городе,
всегда в революционной
связи с Лениным

Первая страница предсмертной записки

К.Ф. Пшеницына.

23 мая 1937 г.

Нет меры в радости ^{1937 6}
Вне времени — неизменно
Смерть
Но что безумство смерти
Но что не душа?
—
Нельзя забыть смелой
тоскою Катаракт
вредности на Франс
Ужасу с мостом в мосты
и беззащитный преданность
нашему Великому радости
Смелому *Пшеницын*
23/5. 55

Последняя страница предсмертной записки
К.Ф. Пшеницына.
23 мая 1937 г.

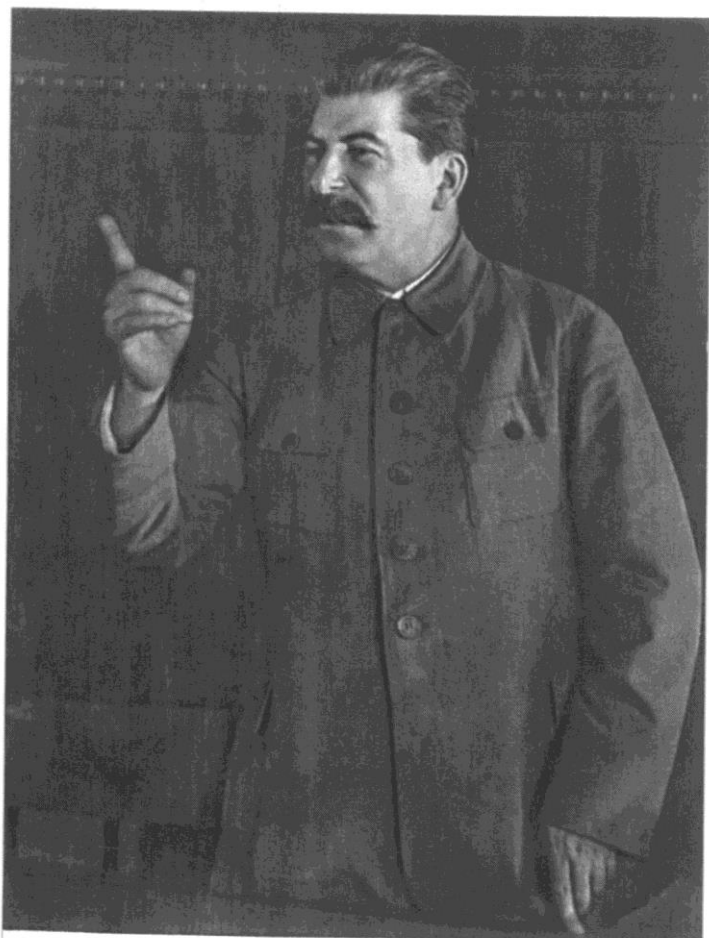

ФОТО Ф. КИРИЛОВА

И. В. С Т А Л И Н

Ф

Удовлетворение материально-бытовых запросов областного начальства осуществлялось в том числе за счёт партийного бюджета, в связи с чем резко выросли расходы на так называемые административно-организационные нужды. В 1935 году управление делами ЦК ВКП(б) указало Свердловскому обкому на перерасход по этим статьям в сумме 226 тысяч рублей (в это же самое время райкомы партии были недофинансированы в общей сложности на 84 тысячи рублей, первичные парторганизации – на 271 тысячу рублей!) и категорически запретило расходование средств сверх утверждённых ЦК ВКП(б). Но на цековские недовольства Кабаков не считал нужным реагировать. Конечно, он оставил собственный «императорский» автограф под постановлением бюро обкома, которым особому сектору обкома предписывалось «...в дальнейшем вести жёсткую борьбу за бюджетную дисциплину и строго руководствоваться бюджетом, утверждённым ЦК ВКП(б)»¹⁸¹. Отправил выписку из протокола на Старую площадь. И тем ограничился.

Аппарату обкома за счёт партийных средств выписывались газеты и журналы, приобреталась литература, оплачивалось постоянное бронирование мест в театрах, были закуплены радиоприёмники и бесплатно переданы в личное пользование «нуждающимся» партначальникам. В целях увеселения начальства в 1937 году в обкоме была смонтирована стационарная киноустановка (когда без таковых оставались 18 райцентров области!). Кабаков и Пшеницын самовольно, порой чуть не вдвое, повышали ставки для работников обкома, невзирая на то, что они были строго регламентированы ЦК партии. Кабаковским приближённым регулярно выплачивались немалые денежные пособия, оплачивался ремонт их квартир, покупалась мебель, оплачивались обеды, папиросы. «Машина нужна – машина к их услугам, ужин нужен – ужин к их услугам, и так далее, – говорила о руководстве Свердловского горкома ВКП(б) бывший работник горкомовского аппарата Александра Филипповна Селиванова, «сосланная» в парткабинет Горного института. – И то, что на папиросы, ужины, различные завтраки проедали – это понят-

но, членские взносы шли сюда, на аппарат». «Вот я делаю, например, замечание Кузнецову, что нельзя курить папиросы за счёт партийного бюджета, – рассказывала председатель ревизионной комиссии горкома Ольга Николаевна Раздьяконова. – Он говорит: “Это незаконно?” – “Да, – говорю, – незаконно”. – “Ну ладно, больше не буду”. А сейчас проверяю и обнаруживается, что он выкурил папирос на 600 рублей». В здании обкома была организована комната отдыха, где областная властная верхушка пиновала за государственный счёт¹⁸². «Не было ни одного почти совещания, заседания, когда после этого совещания или заседания Кабаковым не намечалась бы группа лиц, которая приглашалась к нему и там эта группа пьянствовала, – говорилось позже в докладе на областной партконференции. – Причём существовало у некоторых такое понятие, что до того момента он ещё не принят, он ещё не признан, пока его не пригласили на это заседание. Вот уже когда пригласили, значит, его признали»¹⁸³.

Московский ревизор, которому управляющий делами ЦК ВКП(б) поручил провести ревизию финансового хозяйства обкома за 1934-1937 годы, в докладе на областной партконференции резюмировал: «Как видите, финансово-бюджетная дисциплина Свердловским обкомом не соблюдалась, несмотря на неоднократные решения ЦК, предупреждающие партийные организации о необходимости бережного расходования партийных средств, соблюдения финансово-бюджетной дисциплины»¹⁸⁴.

По всей видимости, крупные хозяйственные организации всё так же обеспечивали материальными и финансовыми ресурсами областные властные структуры. Сделать такой вывод можно хотя бы на том основании, что подобная практика в городах и районах продолжала существовать и после расследований свердловского партконтроля под руководством Папардэ.

В 1936 году в свердловский партконтроль поступило заявление от бывшего начальника Тагильского хозупра Н.Е. Шалунова о коррупционных действиях отдельных руководящих работников Нижнего Тагила. Шалунова к тому време-

ни всё же исключили из партии, и его заявление, судя по всему, можно рассматривать как месть бывшим «хозяевам» за несправедливое, по его мнению, наказание. Шалунов в заявлении указывал на то, что практика самоснабжения отдельных работников продолжала существовать. Однако партконтроль, в отличие от времён Папартдэ, не стал проявлять особого рвения в проверке заявления. В записке на имя К.И. Бухарина сотрудник партконтроля В. Седов указал, что сообщаемые Шалуновым сведения относятся к 1933-1934 годам – к тому времени, когда существовал хозупр. Что «хозупровские безобразия» были расследованы аппаратом КПК, рассматривались на заседаниях бюро и пленума Тагильского горкома партии, и что вновь поднимать этот вопрос нет никакой необходимости. В ходе проверки, тем не менее, выявились некоторые незаконные действия работников горкома и горсовета, «граничащие с использованием своего служебного положения». Седов сообщил, что в октябре 1935 года секретарь президиума Нижнетагильского горсовета Румянцев на средства горсовета купил тканей на 671 рубль, из которых были сшиты четыре костюма для горсоветского руководства, включая председателя горсовета Грушина и самого Румянцева. Ни за материал, ни за пошив руководящие работники не расплатились. Седов сообщал, что, кроме того, председатель горсовета Грушин, его заместитель Ячменёв, работники горкома ВКП(б) Ушаков, Хрисанов и другие имели задолженность перед пошивочной мастерской и не считали нужным уплачивать за выполненные работы. «Рваческим отношением» Седов квалифицировал дотации на питание по 300 рублей каждая, полученные в апреле 1936 года секретарями горкома Окуджавой и Пальцевым, а также руководителями горсовета Грушиным и Ячменёвым. Ещё восемь человек горкомовских и горсоветских работников получили по 150 рублей таких же дотаций. А в Первомайские праздники 1936 года Грушин устроил у себя на квартире обед, где присутствовало городское начальство. Стол накрывала столовая № 4 Нарпита, потратившая на эти цели более полутысячи рублей. Расходы Грушин планировал покрыть из средств того же горсовета¹⁸⁰.

Иных фактов самоснабжения проверка не обнаружила. А о тех, что были выявлены, проверяющие поставили в известность первого секретаря горкома Окуджаву и председателя горсовета Грушина, которые «...обещали исправить допущенные ошибки и не допускать их в дальнейшем»¹⁸⁶.

Записка Седова была датирована 13 мая 1936 года. Можно представить, как восприняли первые лица Тагила информацию представителя партконтроля о праздничном обеде за горсоветские деньги, о задолженности начальства за стоимость ткани и за работу швейной мастерской и о «рваческих» дотациях на питание. С какими чувствами они «признавали» свои ошибки и обещали не допускать их в дальнейшем. Наверное, не без иронии. Ведь пройдёт лишь несколько месяцев, и на поверхность всплывут подлинные масштабы коррупции в Нижнем Тагиле.

«Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!»

Как выяснилось, в горкоме партии была создана так называемая «чёрная касса», деньги в которую перечислялись хозяйственными организациями. Отвечал за «кассу» заведующий промышленно-транспортным отделом горкома Иван Васильевич Хрисанов. Всего различными способами в 1936 году Хрисанов собрал 20 350 рублей, из которых 1524 рубля были выданы первому секретарю горкома Окуджаве, 2900 рублей – второму секретарю горкома Пальцеву, 1500 рублей – заведующему отделом пропаганды горкома Яковлеву, 1300 рублей – секретарю Сталинского райкома партии Романову, 800 рублей – заведующему отделом школ горкома Чернышёву и другим. Всего было роздано 10 тысяч рублей. Остальные 10 с лишним тысяч взял себе сам Хрисанов¹⁸⁷.

Хрисанов был весьма влиятельной фигурой в тагильском руководстве, был вхож во многие властные кабинеты, пользовался благами наряду с первыми лицами города. И это не случайно, ведь он являлся представителем могущественного «тульского клана»: в середине 1920-х годов он работал в

Тульском горкоме партии заместителем заведующего агитационным отделом¹⁸⁸. А в середине 1930-х бывший тульский партийный пропагандист стал отвечать за работу тагильской промышленности. И действительно, с хозяйственным и партийным руководством многочисленных предприятий он наладил весьма тесные взаимоотношения.

Если не главным, то одним из крупнейших поставщиков финансовых средств городскому начальству являлся Уралвагонстрой, возглавлял который Лазарь Миронович Марьясин. Правительство не жалело средств для строительства Уралвагонзавода – стратегически важного для страны предприятия. А Марьясин, в свою очередь, не жалел средств ни для себя, ни для своего окружения и просто нужных людей. Тем более что занимавшие высокие партийные посты в Тагиле – Окуджава, Хрисанов, Романов – ранее работали в парткоме Уралвагонстроя, а партийные начальники и секретарь комитета ВЛКСМ на строительстве получали от Марьясина в виде премий крупные денежные суммы (до 1,5 тысячи рублей), а также дефицитные, дорогостоящие товары, такие как велосипеды, радиоприёмники, отрезы тканей на костюмы и пальто и т. д. За 1934-1936 годы Марьясин выдал из спецфонда Уралвагонстроя различным руководящим работникам без малого 55 тысяч рублей. Не скупился раздавать государственные средства «своим» по самым разным поводам: «на литературу» членам парткома – 8322 рубля, на организацию праздников — 13 тысяч рублей, на питание работников парткома – 2000 рублей¹⁸⁹.

Городское начальство Марьясин обеспечивал крупными Денежными суммами, устраивал им пышные банкеты. К майским и ноябрьским праздникам ответственные партработники получали от Марьясина продуктовые посылки стоимостью от 150 до 700 рублей каждая. Посылка на 700 рублей весила около 80 килограммов и состояла из 10 килограммов мяса и колбасных изделий, 12 килограммов масла сливочного, голландского сыра и брынзы, 100 штук яиц, 5 килограммов сахара, 3 килограммов печенья, 10 банок консервов, 3,5 килограмма конфет и шоколада, 5 бутылок вина, 5 килограммов сушё-

ных фруктов, ящика яблок, ящика груш и т. д. На ноябрьские праздники 1935 года 700-рублёвых посылок по указанию Марьясина было отправлено 7 штук. Помимо них было собрано по 40 штук посылок на 260 рублей и на 150 рублей. Всего, таким образом, было собрано и отправлено партноменклатуре 87 посылок на общую сумму 21 400 рублей. Среди получателей значились не только секретари горкома Окуджава и Пальцев, но и директора: Промбанка – И.С. Каравайцев и Комбанка – К.Л. Шкарпет¹⁹⁰. В голодные времена это был поистине царский подарок. Но начальник управления строительством мог себе позволить такие подарки.

Деньги переводились в горком в том числе подразделениями Уралвагонстроя. Так, начальник коммунального отдела УВС Горкунов летом 1936 года путём мошеннических комбинаций при посредничестве магазина передал горкому, а именно Хрисанову – 2100 рублей¹⁹¹.

Даже после ареста Марьясина городское руководство продолжало по старой привычке использовать ресурсы Уралвагонстроя. Так, Хрисанов в начале 1937 года получил с автобазы Уралвагонстроя автомобиль и пользовался им. На попытку заведующего базой Лапина вернуть машину Хрисанов заявил: «Попы сдачи не дают». И Хрисанов был не единственным из горкома, кто взял на Уралвагонстрое «во временное пользование» автомобиль¹⁹².

Другие тагильские предприятия тоже уплачивали «дань». В том числе путём оплаты фиктивных счетов. Так, Хрисанов вызвал к себе в горком заведующего магазином Золотопродснаба Васина и «предложил» выписать счёт на 2000 рублей за якобы проданные Уралвагонзаводу 500 метров красного сатина и 300 штук электрических лампочек. Следом в горкоме были оформлены документы о якобы произведённой из горкомовских средств оплате этого счёта, после чего Хрисанов на основании всех документов и по доверенности горкома получил на руки с завода 2000 рублей. Работники завода, разумеется, прекрасно знали, что никаких лампочек и тканей не покупали. Подобные же счета Хрисанов брал в магазине Промторга на 2100 рублей, в клубе Уралвагонстроя – два счё-

та по тысяче рублей каждый, в столовой НКВД – на 1100 рублей и в других местах. Помимо Уралвагонзавода счета эти оплачивались заводом № 63 (снарядный завод) и металлургическим заводом имени Куйбышева¹⁹³.

Управляющий медным рудником имени III Интернационала Мартынов в 1935–1936 годах выдал Хрисанову из кассы рудника 3000 рублей и перечислил в горком 4362 рубля. Предлоги были разные: для украшения города к Первомайским праздникам, на проведение стахановской конференции и стахановского слёта¹⁹⁴.

Директор Высокогорского железного рудника Давыдов выдал горкому в общей сложности 3000 рублей и отремонтировал за счёт рудника на 20,5 тысячи рублей здание Ленинского райкома ВКП(б), взяв деньги из средств на ремонт и благоустройство жилья для рабочих (выделенные из области на ремонт и оборудование здания райкома 30 тысяч рублей ушли в «неизвестном направлении»). Заместитель директора Уралвагонзавода Степанов, помимо оплаты фиктивных счетов, тоже перечислил горкому 3000 рублей. Управляющий золотоплатиновых приисков Долгих перечислил горкому тысячу рублей¹⁹⁵. Следует отметить, что это лишь те суммы, о которых так или иначе стало известно партконтролю, и вполне возможно, что они не в достаточной степени отражали действительную картину злоупотреблений.

Бурную активность Хрисанов развил, чтобы раздобыть кожаное пальто для первого секретаря горкома Шалвы Степановича Окуджавы. Для этих целей Хрисанов неоднократно вызывал в горком того же заведующего магазином Золотопродснаба Васина, но тот сослался на необходимость письменного разрешения начальника базы. Тогда Хрисанов вышел на начальника базы Сорокина, сказал ему, что пальто нужно срочно в связи с предстоящей поездкой Окуджавы в Москву. Кожаное пальто было доставлено в горком Хрисанову, за которое он уплатил 624 рубля из собранных с заводов средств и преподнёс пальто Окуджаве¹⁹⁶.

Второй секретарь горкома Леонид Николаевич Пальцев брал деньги где только можно, не ограничиваясь «чёрной

кассой». В горздраве ему выдали 3600 рублей, в горсовете – 1500 рублей, из кассы горкома 1600 рублей. Брал и товарами. Тот же завмаг Золотопродснаба Васин принёс для дочери Пальцева ботинки и несколько часов терпеливо ожидал в приёмной второго секретаря горкома, чтобы вручить их партийному начальнику. А весной 1936 года Пальцев прознал, что у заведующей магазином партактива Хлопотовой имеется чёрный крепдешин и потребовал его для своей жены на платье. Хлопотова ответила, что крепдешина в магазине нет. Пальцев на это сказал, чтобы та немедленно нашла и доставила ему ткань. Узнав о невыполнении этого «партийного поручения», Пальцев позвонил Хлопотовой по телефону и пригрозил: «А у тебя партбилет в кармане?» После чего завмаг достала свой личный крепдешин, подаренный ей родственниками на день рождения, и отнесла его Пальцеву.

«Я с вас шкуру сдеру с живых! Чтобы завтра же утром книги были!» – кричал Пальцев у себя в горкоме на заведующего книжным магазином Кутмана. Завмаг, не имея у себя в магазине нужных Пальцеву книг, обежал своих знакомых, искал на книжных складах и даже съездил в Свердловск. В итоге сумел раздобыть требуемое. После этого Пальцев, раздавая лишние учебники работникам горкома, похвалялся перед ними результатами своей «работы»: «Вот как нужно доставать!»¹⁹⁷.

Секретарь Нижнетагильского горкома ВЛКСМ Козлов, которого позже перевели в Свердловск вторым секретарём обкома комсомола, в январе 1936 года получил в личное распоряжение от Тагилстроя 500 рублей. Кроме того, получая от организаций на различные цели крупные суммы, Козлов оставлял себе достаточно внушительный «процент». Так, в марте 1936 года он получил от Тагилстроя 5 тысяч рублей на приобретение парашютов для аэроклуба и из них оставил у себя 800 рублей. От гороно получил 3 тысячи на проведение комсомольской конференции, из которых присвоил 200 рублей¹⁹⁸.

В мае 1936 года сотрудник партконтроля Седов упрекнул Окуджаву и Грушина устроенным «обедом» в перво-

майские праздники. На самом же деле тагильское начальство в 1935–1936 годах организовало не один десяток подобных застолий. Проводились они главным образом на квартирах у Окуджавы, Грушина или Марьясина. Ряд празднований организовали у себя дома начальник Тагилстроя Царевский, директор рудника имени III Интернационала Мартынов и директор Высокогорского железного рудника Давыдов. В начале 1937 года один банкет по случаю окончания городской партконференции был устроен на квартире начальника городского отдела НКВД Плахова. Постоянными участниками празднеств были Окуджава, Пальцев, Грушин, Хрисанов, Романов, Плахов и секретарь парткома Уралвагонзавода Глаголев. Посещали банкеты и вечера Марьясин и секретарь парткома Уралвагонстроя Денисов, директор Уралвагонзавода Павлоцкий и член парткома этого же завода Чевардин, директор рудника Мартынов, секретарь парткома металлургического завода Варов, секретарь Кировского райкома Яновский, секретарь горкома ВЛКСМ Козлов. На одном из банкетов, проходивших у председателя горсовета Грушина, присутствовал сам В.Ф. Головин. Столы накрывались богато, их украшали различные закуски, вина разных сортов, пиво. Богатые банкеты у себя дома устраивал Мартынов: на столах стояли дорогие вина, мускаты, ликёры, коньяки и до 40 различных закусок. Ну а когда в Тагил прибыл сам Пятаков, Мартынов накрыл для высокого московского гостя стол из 70 различных закусок. Директор другого рудника, Давыдов, тоже не скупился на стол. На одно из застолий, организованных у него дома, было израсходовано 6368 рублей. На банкетах много пили, поднимали тосты сначала за партию и Сталина, затем за Окуджаву и Пальцева, а потом друг за друга, за присутствующих женщин и т. д.¹⁹⁹ Оплачивались банкеты как за счёт хозяйственных организаций, так и из средств горкома ВКП(б). Потраченные на застолья горкомовские средства списывались на административно-хозяйственные расходы, в связи с чем перерасход по этой статье за 1936 год вылился в 14 300 Рублей²⁰⁰.

Начальство устраивало себе праздники также на принадлежавших Тагилстрою дачах «Ключики» и на даче Высокогорского железного рудника на Евстюнихе. Содержание только в 1936 году дачи в Евстюнихе обошлось руднику в 20 тысяч рублей. Но это было ничто по сравнению с тем, какие суммы тратились в дачном городке «Ключики», где отдыхало городское начальство, включая Окуджаву, Пальцева, Грушина, Ячменёва, Плахова и других. Одна только постройка этих дач обошлась Тагилстрою в 580 тысяч рублей, а на их содержание в 1935 году из разных источников было потрачено не менее 285 тысяч рублей государственных средств (точную сумму установить не удалось ввиду запутанности финансовой документации)²⁰¹.

Хозяйственники устраивали банкеты на своих предприятиях, затрачивая на это сотни тысяч рублей. Затраты списывались на дотации столовым, за обеды стахановцам и ИТР и т. д. По одной только столовой Уралвагонзавода в 1935–1936 годах было израсходовано на застолья 184 тысячи рублей. Банкеты и вечера, устраиваемые Марьясиным, обходились в среднем от 5 до 16 тысяч рублей каждый. Помимо управления строительством каждый цех и участок устраивали свои вечера отдельно. На банкет по случаю 1 Мая, проходивший на медном руднике имени III Интернационала, было затрачено более 8,5 тысячи рублей. На вечер ушло 236 литров вина и водки²⁰².

Даже начавшиеся в Тагиле аресты партийного и хозяйственного начальства, обвинявшегося в том числе в разбазаривании государственных средств, не сумели прервать устоявшиеся «банкетные традиции». Так, в апреле 1937 года дирекция и партком металлургического завода имени Куйбышева закатали очередной банкет за государственный счёт. Известно также, что в начале 1937 года на квартиры горкомовских начальников Окуджавы, Пальцева и Хрисанова доставлялись продукты из столовой. Затраченная на это почти тысяча рублей была списана на горком²⁰³.

Большие суммы тратились по линии горсовета и подведомственных ему структур. Председатель горсовета Василий

Степанович Грушин изъяс из местного бюджета (по согласованию с Хорошем) 19 050 рублей и раздал их городскому начальству: Окуджаве и Пальцеву – по 1500 рублей, Яковлеву и начальнику отдела НКВД Плахову – по 1150 рублей, Хрисанову и Романову – по 1050 рублей и т. д. Себя, конечно, не обделил: взял себе наравне с Окуджавой и Пальцевым. Кроме того, заведующий горфо Гордеев выдал почти 9000 рублей Грушину, и они тоже были розданы среди «своих». Городские начальники Окуджава, Пальцев и другие не платили за квартиру и за электроэнергию. В городской бане был устроен «правительственный номер», которым пользовались исключительно члены бюро горкома и президиума горсовета, разумеется, бесплатно. Из средств на ремонт жилфонда было отпущено 2000 рублей для ремонта дачи горсовета (на ремонт всего жилфонда города было израсходовано в том же 1936 году 1600 рублей). По распоряжению Грушина гороно и горздравотдел скидывались по тысяче рублей на подарки для детей членов бюро горкома ВКП(б) и президиума горсовета²⁰⁴.

Здесь же кратко следует отметить, на каком фоне протекала барская жизнь тагильской номенклатуры. В Тагиле несколько лет «строились» важные городские объекты – баня, водопровод, гостиница «Северный Урал», Дом учителей, дезостанция и поликлиника (диспансер), на что, по разным данным, было израсходовано от 2,7 до 3,4 миллиона рублей. Однако ни один объект так и не был введен в эксплуатацию, их строительство было заморожено. Некоторые недостроенные объекты со временем начали разрушаться²⁰⁵.

Объекты Уралвагонзавода были пущены в эксплуатацию с массой недоделок, с нарушениями всяческих норм, в том числе норм пожарной безопасности. В связи с этим бесконечной чередой шли аварии и поломки оборудования. Отсутствие необходимого оборудования, включая системы вентиляции, несоблюдение, а порой – невозможность соблюдения техники безопасности на заводе приводили к заболеваемости, отравлениям, массовому травматизму и даже гибели рабочих. Во всех цехах завода либо находились в неудовлет-

ворительном состоянии, либо отсутствовали вообще канализация, туалеты, душевые помещения, раздевалки. К примеру, в цехе колёс на ряде участков были сделаны пожароопасные деревянные перекрытия, действовало ненадёжное и небезопасное временное электроосвещение, вентиляция и канализация отсутствовали, система отопления была неэффективна, и спустя всего лишь несколько лет эксплуатации зданию потребовались капитальный ремонт и реконструкция. В таком же капитальном ремонте и реконструкции стали нуждаться многие другие заводские объекты. А также объекты социального назначения – школы, детские сады, медицинские учреждения, возведённые Уралвагонстроем под руководством Марьясина²⁰⁶.

Пуск Новотагильского металлургического завода должен был состояться в 1934–1935 годах, однако в эксплуатацию к середине 1937 года были сданы лишь несколько вспомогательных производств, включая шамотный цех. Да и шамотный цех потребовал серьёзной реконструкции, ввиду того что все перекрытия, где стояли печи, были сделаны в соответствии с проектом деревянными, что рано или поздно привело бы к пожару, а отсутствие нормально функционирующей вентиляционной системы вызывало массовые отравления рабочих²⁰⁷. Остальные объекты находились в различной степени готовности (строительство доменного цеха и коксохимического производства пребывало лишь на начальном этапе), качество строительства было признано «исключительно низким». Притом что к началу 1937 года на строительство уже было затрачено более 300 миллионов рублей, или 35 % от стоимости всего завода²⁰⁸.

Руководство строительства во главе с Царевским сделало ставку на возведение временного жилья, потратив на эти цели 38 миллионов рублей. Однако уже к 1937 году это жильё в большинстве своём пришло в негодность. А начавшееся строительство постоянного жилья, на которое было затрачено около 9 миллионов, в 1936 году было законсервировано. На этом фоне, пожалуй, наиболее удачными объектами Тагилстроя стали дома для Нижнетагильского горсовета стой-

мостью 800 тысяч рублей и дом отдыха (дачи) на Ключиках стоимостью более полумиллиона рублей. Что Царевский пускает столь огромные суммы на внетитульные объекты, тагильское руководство, разумеется, не смущало, ведь они сами жили в этих домах и отдыхали на этих дачах²⁰⁹.

Об отношении же тагильского начальства к простым трудящимся можно судить по краткой заметке, удостоившейся публикации на страницах главной советской газеты «Правда» в мае 1934 года. Вот её содержание: «На предприятиях Тагила задерживают выдачу заработной платы. Общая задолженность по Тагилстрою достигает уже 300 000 рублей, по всему району – 800 000 руб. На многих предприятиях заработная плата расходуется не по назначению. Но всё это мало беспокоит местных работников прокуратуры и суда. Финансовый отдел Уралвагонстроя (начальник Сидякин) израсходовал на административно-хозяйственные нужды 400 000 рублей, полученные из горбанка для выдачи заработной платы. Но дело Сидякина до сих пор лежит в папке прокурора новостроек Поздникова. Зарплата задерживается и в Союзводстрое, и в сельских местностях, где работники просвещения полтора-два месяца сидят без заработной платы»²¹⁰.

Взгляды тагильского начальства на жизнь, их отношение к действующему законодательству можно описать несколькими словами, которые принадлежат секретарю Сталинского райкома ВКП(б) Михаилу Аркадьевичу Романову. На замечание, что он незаконно получил более полутысячи рублей и необоснованно выпиывает себе суточные, Романов сказал: «Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!»²¹¹

Тагил не был исключением: подобная картина, когда местное партийное и советское начальство в той или иной мере пользовалось материальными ресурсами предприятий в личных целях, продолжала оставаться достаточно типичной на просторах области.

В городе Асбесте местный горком В КП (б) под руководством Ивана Алексеевича Кормилова приказывал руководству Ураласбокомбината перечислять деньги на «партийные нужды». В первой половине 1935 года горком получил от ком-

бината 10 707 рублей. Асбестовский горсовет, в свою очередь, выносил решения и давал устные распоряжения (не без ведома горкома) о перечислении денег ему: на планировку города – 20 тысяч рублей, на проведение призыва – 4400, на строительство лагеря Осоавиахима – 11,5 тысячи, 12 тысяч – на строительство и оборудование Дома отдыха партактива и т. д. Всего комбинат был вынужден раскошелиться более чем на 60 тысяч рублей. Кормилов продолжал практику, проводившуюся предыдущим секретарём горкома Зайцевым. По указаниям Зайцева комбинат в 1934 году отдал свыше 70 тысяч рублей, из них 20 тысяч пошли на содержание горкома. Об этих поборах с комбината сообщила в августе 1935 года газета «За индустриализацию» в статье под говорящим заголовком: «Нахлебники на асбесте». Кормилов публикацию воспринял болезненно, назвав её следствием «отсталых мелкобуржуазных настроений»²¹².

Кормилов прекрасно знал о существующих в «империи товарища Кабакова» порядках и действовал исключительно в их рамках. Ведь в 1933 году он сам являлся заведующим шахтой имени Калинина треста «Кизелуголь», с 1934 года работал секретарём парткома Средуралмедьстроя и только в марте 1935 года возглавил Асбестовский горком ВКП(б). Но на «сигнал» союзной газеты Свердловскому обкому нужно было как-то реагировать. Обком наказал Кормилова, вынес ему строгий выговор и... вместе со всеми взысканиями в декабре 1935 года перевёл из Асбеста на ответственную работу в областной центр – заведующим отделом партийной пропаганды, агитации и печати Свердловского горкома ВКП(б)²¹³. А вот управляющего Ураласбокомбината И.И. Максимушкина, который протестовал против этих поборов, за различные грехи решениями Асбестовского горкома и Свердловского обкома партии исключили из ВКП(б) и поставили вопрос перед трестом «Союзасбест» о снятии его с работы, что и было выполнено²¹⁴.

В Первоуральске, наоборот, директор Динасового завода В.Е. Росман, секретарь парткома завода С.И. Михалёв и секретарь Первоуральского райкома ВКП(б) П.Н. Чернецов

жили между собой дружно и помогали друг другу. В 1935–1936 годах Росман из директорского фонда выдавал Чернецову и Михалёву крупные денежные суммы на лечение, командировки и другие нужды, за счёт средств завода закупил обстановку для их квартир. Директор бесплатно предоставил Михалёву, когда тот строил себе дом в Ревде, пять машин лесоматериалов (были списаны на жилищно-коммунальный отдел завода), передал из заводского сельхозкомбината ему в личное хозяйство коров. При поездках Чернецова в Москву Росман предоставлял ему для проживания свою московскую квартиру. Все трое нередко собирались за одним столом и выпивали. Чернецов вместе с председателем горсовета были прикреплены к заводскому ОРСу, откуда получали бесплатно продукты²¹⁵.

Михалёв в долгу не оставался и, когда заводские коммунисты начинали критиковать директора, вызывал их к себе в партком, называл дураками, шляпами и угрожал исключением из партии. Секретарь парткома закрывал глаза на некоторые действия дирекции. К примеру, на приписки в годовом отчёте завода по строительству заводских объектов (порой не существующих). Или на некоторые излишества, которые позволял себе за счёт завода директор: покупку более чем за 20 тысяч мебели для кабинета из кожи и красного дерева, приобретение на свердловской фабрике «Самоцветы» дамских брошей стоимостью в 1350 рублей, персидского ковра за 1200 рублей и т. д. За счёт завода содержал свою квартиру (почти 700 рублей в месяц) и оплачивал услуги домработницы. В то время, когда рабочим задерживали зарплату. А средства, которые должны были идти на жилищное строительство (более 180 тысяч рублей), тратились на другие нужды, хотя жилищные условия рядовых работников были плохими (что признавал сам директор)²¹⁶.

В январе 1935 года завод перечислил райкому 4000 рублей на постройку Дома отдыха Первоуральского райкома. В ходе проверки партконтроля выяснилось, что всего на райкомовском счёте в банке в том году числилось 36 тысяч рублей, собранных с хозяйственных организаций. 17 с лишним тысяч

из них были перечислены целевым назначением на этот дом, а вот на что были израсходованы остальные более 18 тысяч, в райкоме ответить затруднились²¹⁷.

Что касается Динасового завода, то его пуск в эксплуатацию должен был состояться в четвёртом квартале 1936 года. 29 сентября 1936 года вследствие бесхозяйственности сгорел печной цех, хотя об угрозе пожара – что вытяжные трубы, из которых выходил раскалённый воздух, соприкасались с деревянной крышей и фермами печного цеха, – работники предупреждали начальника теплостроительного завода И.А. Фридлендера, но безрезультатно (Фридлендер получил выговор и, несмотря на то, что находился под подпиской о невыезде, однажды ночью скрылся в неизвестном направлении). А когда осенью 1937 года комиссия главка Наркомата тяжёлой промышленности приехала принимать завод, то она вынуждена была констатировать, что завод к пуску совершенно не готов: многие построенные объекты из-за низкого качества строительства уже пришли в негодность, а некоторые – просто-напросто отсутствовали. Ревизия, проведённая главком, выявила на заводе грубейшие нарушения финансовой дисциплины и хищения государственных средств²¹⁸.

Ранее уже говорилось о том, что Пермский горком ВКП(б) в 1933–1934 годах получил с порохового завода — Комбината «К» – 11000 рублей. Прямых данных о том, что подобная практика имела место и после «дела Пермской лечкомиссии», в настоящее время нет. Однако состояние, в котором пребывало строительство важного военного завода, а также масштабы расходов на собственные нужды заводской дирекции заставляют усомниться в отсутствии какой-либо материальной заинтересованности городских и областных властных инстанций.

Строительство Комбината «К», или завода № 98, велось в Перми с 1929 года. К началу 1937 года на завод было израсходовано более 108 миллионов рублей. Проведённая проверка показала, что непосредственно на строительство было затрачено более 72 миллионов, получено убытков 13 миллионов, часть средств пошла на материалы, оборудование и другие за-

траты, а израсходованные до 1933 года 15,7 миллиона рублей ушли в неизвестном направлении²¹⁹.

Директор завода А.Г. Малышев не экономил деньги, когда речь шла об удовлетворении материальных потребностей начальства. Не случайно по директорскому фонду 1936 года, ограниченному 100 тысячами рублей, реальные расходы составили более полумиллиона рублей (567 тысяч). Ещё 300 с лишним тысяч рублей составил перерасход средств, выделяемых на административные расходы. Выписывались немалые премии начальству и их приближённым, к примеру, директорским шофёру и личному секретарю, начальнику ОРСа, заместителю директора по административно-хозяйственной части и т. д. На ремонт 14 начальственных дач было израсходовано 85 тысяч, из которых 10,5 тысячи пошли на дачу Малышева, 30 с лишним тысяч – на дачу заместителя директора Михалёнка. Израсходованные якобы на совещания и заседания 2324 рубля в действительности были потрачены на коньяк и различные вина для Малышева и других. Без малого пять тысяч рублей получила жена Малышева якобы на организацию ёлки для детей. Невероятно огромная сумма – более 308 тысяч – была выделена на содержание клубов, парткома, завкома и библиотеки, что на 154 тысячи (то есть в два раза) превышало установленный лимит. 72 тысячи ушли в 1936 году на оплату командировочных расходов Для 20 человек, в том числе 11 тысяч – Малышеву. Как правило, проживали в Москве в дорогих номерах по 75 рублей в сутки, вместо полагающихся 17 рублей. В командировках выплачивали частным лицам немалые суммы якобы за выполнение проектно-сметных работ, тратили на обеды, вина, папиросы²²⁰.

А что же сам завод? В 1937 году состояние строительства проверялось как свердловским партконтролем, так и специальной комиссией Наркомата оборонной промышленности СССР. Выводы были примерно одинаковыми: большинство объектов оставались недостроенными и начали разрушаться, а пущенные в эксплуатацию объекты пребывали в незаконченном виде, с большими недоделками; весьма низкое каче-

ство строительных работ; тяжёлые бытовые условия для рабочих, нехватка жилья, что привело к большой текучести рабочей силы. Притом что денежными средствами строительство было обеспечено полностью, а строительных материалов было получено даже больше, чем требовалось по плану. Но часть материалов просто расхищалась: только в 1936 году была выявлена их недостача на полмиллиона рублей²²¹.

Несмотря на специфику производства взрывчатых веществ, на заводе не проводились противопожарные мероприятия. На стройплощадке и рядом со складами готовой продукции валялись массы хвороста, лесоматериалы, опил, мусор, жидкое горючее и т. д. Пожарные подъезды отсутствовали. Только в 1936 году было зафиксировано девять случаев возгорания: загорались два цеха, сгорела литейная мастерская, несколько раз загорался деревянный паропровод²²².

Партконтроль оценил бытовые условия рабочих как отвратительные, нетерпимые и недопустимые. Рабочие жили в бараках, каркасных домах и землянках. Бараки были старые, неоштукатуренные, крыши протекали, обрушающиеся потолки были подпёрты стойками. В них проживали почти шесть тысяч человек, в среднем на человека приходилось 3,25 квадратных метра. 661 человек проживал в 194 землянках: ветхих, низких, тёмных и сырых. Воду брали из водоразборной будки, находившейся на расстоянии 400-700 метров от жилья, и та поступала неочищенная и загрязнённая с Камы. Но в зимнее время водопровод часто замерзал, и воду приходилось носить с Камы за километр. Канализация отсутствовала, выгребные ямы вовремя не очищались, и нечистоты растекались по земле. Однако многие не имели даже такого жилья: 95 семей рабочих и 16 семей ИТР вовсе не были обеспечены жильём. Разумеется, на заводе была огромная текучесть кадров²²³.

Все эти проблемы не могли остаться незамеченными местными и областными властными инстанциями. Однако Малышев не забывал платить за молчание. Секретарю парткома Колмогорцеву в 1936 году была выплачена премия в 3,5 тысячи рублей, он бесплатно обедал в столовой, жил на

обустроенной даче. Вместе с директором часто устраивали застоля, ездили на охоту. Работники парткома тоже не оставались без внимания директора, даже техническим сотрудникам парткома были выданы 2,4 тысячи рублей. 1400 рублей ежемесячно Малышев выплачивал редакции местной газеты, из которых 500 рублей шли редактору. Уполномоченный НКВД на заводе Радыгин знал и о растратах государственных средств, и о недостатках строительства. Но в середине 1936 года из кассы заводоуправления он получил 500 рублей на собственные нужды²²⁴.

Из Москвы на завод приезжали проверяющие из порохового треста, Главхимпрома, Наркомтяжпрома. Однако если даже обнаруживали недостатки, то никаких мер не принимали. Малышев, разумеется, сложа руки не сидел, в том же 1936 году перечислил из директорского фонда в главк на постройку санатория 18 тысяч рублей²²⁵.

Малышева всегда отличало умение налаживать контакт с начальством. Как уже говорилось, только в первом полугодии 1934 года аппарат уполномоченного Наркомтяжпрома перечислил хозяйству Свердловского облисполкома 20 тысяч рублей. Должность уполномоченного и начальника инспекции Наркомтяжпрома по Свердловской области в 1932-1935 годах занимал как раз А.Г. Малышев. А в марте 1935 года Малышев тепло встречал в Свердловске замнаркома Г.Л. Пятакова: израсходовал почти 2,5 тысячи рублей из спецфонда на организацию его питания, преподнёс Пятакову в подарок мраморный портрет. Не случайно в сентябре того же года Малышев получил назначение директором строящегося порохового завода № 98²²⁶.

В 1937 году Наркомат оборонной промышленности был вынужден выделить очередную сумму, теперь уже на исправление дефектов в строительстве. Началось исправление стен, заливка новых фундаментов, замена перекрытий в ряде зданий основного производства и в котельной. Для улучшения жилищно-бытовых условий было решено в краткие сроки построить 15 стандартных домов повышенного качества, были выделены средства на капитальный ремонт всего наличного

жилищного фонда. Все эти работы проводились уже при новом руководстве завода²²⁷.

Строительство группы заводов «Уралэлектротяжмашина» (другие названия – Электромашина, Уралэлектромаш) началось в Свердловске в 1931 году, и к 1937 году на него было затрачено около 26 миллионов рублей. За эти годы строящееся предприятие не раз подверглось реорганизациям и переименованиям, в июне 1937 года для руководства строительством и эксплуатацией Уральского турбинного завода и Уралэлектромашины был организован Уралтурбоэлектромашстрой. Проверивший работу предприятия свердловский партконтроль констатировал, что ни один объект промышленного и жилищно-коммунального строительства к тому времени полностью закончен не был. Несмотря на это завод работал, хотя с худых крыш прямо на рабочих и оборудование лилась вода, а отопительная система в цехах не функционировала (температура зимой опускалась до нуля градусов)²²⁸.

Основной продукцией завода была высоковольтная аппаратура и электропечи. Согласно отчётам, производственная программа по валовой продукции заводом выполнялась. Государство, тем не менее, от такого «выполнения» терпело одни убытки. Некоторых изделий завод не сумел выпустить ни одной штуки, других – выпустил единичные экземпляры, да и те часто оказывались негодными для эксплуатации. А выполнение по валу получалось главным образом за счёт сверхпланового выпуска более лёгкой в изготовлении продукции – некоторых типов разъединителей, а также электропечей. Однако выпущенные и высланные заказчикам разъединители не удовлетворяли эксплуатационным требованиям. То же самое касалось изготовленных электропечей: заказчикам приходилось доводить их до ума, что обошлось им дополнительно почти в 80 тысяч рублей²²⁹.

Вообще парадность и очковитительство были излюбленными методами руководства строительством и завода во главе с Иваном Михайловичем Пронем. Во время состоявшегося в конце 1936 года VIII чрезвычайного съезда советов М.И. Калинину была вручена модель масляного выключателя типа

ВМГ–22 под видом освоенной заводом продукции. Однако даже полгода спустя завод так и не сумел наладить выпуск этих выключателей. Тогда же, в декабре 1936 года, Пронь отрапортовал в областные властные инстанции о том, что «Уралэлектромашина добилась освоения производства впервые в СССР трубных электропечей, от производства которых отказались все мировые фирмы». На самом же деле эти электропечи не были освоены даже в июле 1937 года. Отчитывался Пронь и о выполнении планов по жилищному строительству, тогда как эти дома ещё долгое время оставались недостроенными²³⁰.

Жилищные условия рабочих свердловский партконтроль в 1937 году назвал «совершенно нетерпимыми»: грязь, теснота, крыши протекали, печи дымили, зимой промерзали стены. Ввиду отсутствия воды многие умывались водой из луж и канав прямо на строительстве либо вообще не умывались. Баня находилась в полуразрушенном состоянии и способна была пропустить максимум 8–10 человек в час. Потому рабочие вынуждены были отправляться в бани, расположенные в других районах города. Как следствие — огромная кадровая текучесть и рабочей силы, и инженерно-технических работников²³¹.

Куда же смотрело местное и московское руководство? Всё дело в том, что директор Уралтурбоэлемашстроя И.М. Пронь не забывал одаривать начальство. За счёт завода рассылались продуктовые посылки первому секретарю Сталинского райкома Коссову, заместителю председателя горсовета Корневу, председателю райсовета Власову, прокурору Сталинского района Шурову и другим. Различные подарки преподносились секретарю горкома Кузнецову и секретарю райкома Коссову. Такой директор завода был угоден «областным вождям», и не случайно Пронь на партийных собраниях заявлял, что ему в работе «крепко помогал» И.Д. Кабаков²³².

«Выполнение» плановых показателей позволяло заводскому руководству тратить на своё материальное благополучие огромные суммы. Под предлогом снижения себестоимости и перевыполнения производственной программы на пре-

мии было израсходовано почти 200 тысяч рублей. Директор Пронь получил 11 775 рублей, его заместитель Аввакумов – почти 9 тысяч, технический директор Гельцер – 21 720 рублей, коммерческий директор Верещагин – 11 520 рублей и т. д. В 1936 году был создан директорский фонд в объёме более полумиллиона рублей, средства из которого в основном шли на обслуживание узкого круга людей – директора и его приближённых. Из этого фонда расходовались деньги на путёвки в санатории и дома отдыха (37 тысяч рублей), на денежные пособия под видом оплаты за дополнительную медпомощь и лечение (69 тысяч рублей), на постоянные места в театры (40 тысяч), на премии (13 тысяч). Самым «больным» из заводского руководства предсказуемо оказался директор Пронь, который получил «на лечение» 2800 рублей. Большие суммы, от тысячи до двух, на те же цели получили его заместители и начальники отделов. Про вышестоящих Пронь не забывал: 10 тысяч рублей были перечислены в Москву, в Главэнергопром²³³.

Из директорского фонда на покрытие потерь по общественному питанию было выделено 218 тысяч рублей, из которых 171 тысяча – на удешевление стоимости питания. Как показала проверка, под этой благородной вывеской со складов списывались огромные «потери» продуктов питания и различного имущества. Так, по одному только акту у кладовщика Акулова было списано более тонны муки, более полутонны мяса, почти 1,8 тонны сахара, 300 килограммов лапши, более 100 килограммов риса, 17 поросят и т. д. У кладовщика Виноградова были списаны 41 скатерть, 50 стульев, более двухсот столовых ножей, столько же вилок и т. д. В 1937 году было списано продуктов и имущества почти на 25 тысяч рублей. Всё расходилось по «своим людям». За труды кладовщик Акулов получил 300 рублей в виде денежного пособия «на лечение», его непосредственный начальник – заведующий складским хозяйством Бородулин получил 1300 рублей²³⁴.

Но и это ещё не всё. Для собственного премирования заводское начальство использовало спецфонд, из которо-

го в том же 1936 году Пронь получил 2753 рубля, Гельцер – 1500 рублей, начальник административно-хозяйственного отдела Молев – 1750 рублей, начальник железнодорожного транспортного цеха Медведев – 1100 рублей и т. д. Всего на премии из этого фонда было потрачено 43 тысячи рублей. В первую половину следующего 1937 года из спецфонда было израсходовано без малого 15 тысяч рублей, из которых секретарь парткома Петров получил 1500 рублей, заместитель директора Корнев – 1700 рублей и т. д. Из этого же фонда оплачивались некие «спецрасходы», отчётность по которым не предоставлялась. В частности, на «спецрасходы» деньги получала буфетчица Игонина²³⁵.

Учитывая размеры всевозможных премий и пособий заводского начальства, напрашивается вывод, что лояльность со стороны властных структур была обусловлена не только получением от И.М. Проня продуктовых посылок.

Обращает на себя внимание то, как директор пояснял ситуацию со строительством. В июле 1937 года на вопрос ответственного контролёра свердловского партконтроля Левковича «Чем объяснить, что у вас ни один объект строительством не закончен?» директор Пронь с цифрами в руках убеждал, что причиной тому – недостаточное финансирование: «Основная причина неразвёртывания строительных работ состоит в том, что не получали своевременно ассигнования. Вот посмотрите, товарищ Левкович, свистопляску, которая шла по линии ассигнования строительства, обратите внимание, что делалось по линии капиталовложений»²³⁶. А получаемые заводским начальством высокие премии, в частности, выплаченные 21 тысячу рублей Гельцеру, Пронь объяснил следующим образом: «Это за два года. Коммерческий директор Уралмашзавода получил премии за 36-й год 26 тысяч рублей»²³⁷.

С серьёзным сопротивлением со стороны «областных вождей» столкнулся свердловский партконтроль, когда в 1936 году начал проверку работы свердловского треста «Медсанстрой». Ведь начальник треста Василий Георгиевич Верёвкин пользовался у них большим авторитетом. Председатель

облисполкома Головин на совещании строителей и на заседаниях президиума облисполкома ставил Верёвкина в пример как лучшего строителя, который выполнял план и снижал себестоимость строительства. Кабаков тоже считал его лучшим руководителем строительства в области. По указанию Кабакова «Уральский рабочий» вынужден был опровергнуть свою же собственную заметку от 8 сентября 1936 года «Фигаро из Санстроя», где Верёвкин был показан не в лучшем свете: что получал сразу несколько окладов, ремонтировал себе за счёт строительства квартиру, а построенные объекты принимались с недоделками. Начальник треста призывал первого секретаря обкома вмешаться и приостановить проверку партконтроля. Но уполномоченный КПК К.И. Бухарин ближе к 1937 году стал проводить более независимую от обкома политику. В январе и в феврале 1937 года Кабаков был проинформирован партконтролем о махинациях в тресте, но на его отношении к Верёвкину это никак не отразилось. В марте на пленуме Свердловского обкома ВКП(б) Бухарин выступил с информацией о тресте, назвал Верёвкина жуликом и поставил вопрос о снятии его с работы и предании суду. Кабаков же прерывал Бухарина недовольными репликами, говорил, что 15 комиссий обследовали работу Медсанстроя и не нашли ничего преступного²³⁸.

В то же время итоги работы треста «Медсанстрой» были вполне очевидны. В 1936 году трест должен был закончить строительство ряда медицинских учреждений – областной клинической больницы, акушерско-гинекологического института, фельдшерской школы, кухни-столовой, клуба, яслей медгородка, а также произвести капитальный ремонт туберкулёзного санатория на общую сумму 10,2 миллиона рублей. Однако фактически выполнение плана строительства в том году в среднем составило всего лишь 60 %. Как установила проверка, убытки на строительстве исчислялись 1,5 миллионами рублей, перерасход по зарплате составил более миллиона, по административно-хозяйственным расходам – 270 тысяч рублей. Руководство трестом во главе с Верёвкиным составляло фиктивные акты с указанием завышенного процен-

та выполнения строительных работ с целью получения дополнительных средств из Комбанка. Комбанк, не проверяя эти документы, переплатил тресту более двух миллионов рублей²³⁹.

Верёвкин завышал стоимость строительства и, вместе с тем, заменял стройматериалы, против сметы, на худшие и более дешёвые. Сданные объекты не только имели массу недоделок, создавали множество проблем при эксплуатации и требовали больших капиталовложений на устранение дефектов: надёжность конструкций тоже вызывала большие сомнения. Это, в частности, следует из заявления бывшего начальника строительства областной клинической больницы (в будущем – городская больница скорой медицинской помощи в Свердловске) инженера Мастакова. Заявление было датировано сентябрём 1936 года – то есть тем временем, когда Верёвкин был в силе и пользовался непререкаемым авторитетом у «областных вождей». Согласно этому документу, начальник треста Верёвкин заявил Мастакову, отказавшемуся производить монтаж арматуры для перекрытий больницы из бракованного металла: «Делай как-нибудь. Что ты боишься употреблять железо–недокат, что, тебе жить в этом здании самому, что ли? Лишь бы сдать, а там наплевать». Мастаков ответил Верёвкину, что такие установки несовместимы со званием советского специалиста, за которого тот себя выдаёт. После этого инцидента Верёвкин перестал с ним разговаривать, а вскоре убрал Мастакова с должности начальника строительства. В заявлении строптивый инженер назвал эти указания Верёвкина установками врага²⁴¹.

Зато местную власть такой начальник треста вполне Устраивал. Верёвкин за счёт треста отремонтировал здание Ленинского райкома ВКП(б) города Свердловска и отдал Райкому отопительный котёл (котёл предназначался для детских яслей в Ирбите, в связи с чем открытие яслей было отложено), а секретарю этого райкома Носыреву подарил дорогое никелированное кресло. Дефицитный линолеум, предназначенный для областной больницы, был израсходован на квартиру председателя облисполкома Головина во Втором

доме советов, на кабинет заведующего облфинотделом Хороша и на квартиру его заместителя Быкова, на квартиру управляющего Свердловским отделением Комбанка Матюшина, а также на рабочие кабинеты Матюшина и его заместителя, на кабинеты председателя Свердловского горсовета Мизенко и его заместителя Федоренко, на квартиру самого Верёвкина и т. д. (после того как линолеум закончился, Верёвкин поставил вопрос о его отсутствии на строительстве). В начале 1936 года Верёвкин отправил наркому здравоохранения РСФСР Каминскому, его заместителям Гуревичу и Конгенорину, начальнику капитального строительства наркомата Гольденбергу и инспектору Малиновскому комплекты именных кресел и тумбочек. Такие же были изготовлены и подарены И.Д. Кабакову и В.Ф. Головину, а заведующему Свердловским облздравотделом К.А. Коновалову достались кресло, тумбочка, вешалки и дорожный ящик²⁴¹.

Но, наверное, не за кресла и тумбочки областное и наркоматовское начальство закрывало глаза на то, что у Верёвкина на строительстве в неизвестном направлении уходили многие сотни тысяч рублей, а другие сотни тысяч тратились на личные нужды трестовского руководства, в огромном количестве исчезали различные строительные материалы, объекты стояли в недостроенном виде, а построенные и сданные в эксплуатацию медучреждения вскоре приходилось закрывать на капитальный ремонт. Что Верёвкин по-барски обеспечивал нужных ему людей, а тех, кто его в чём-то обвинял или критиковал, под разными предлогами увольнял²⁴².

Верёвкин не раз бравировал своими контактами с Кабаковым. В частности, затягивая строительство детских яслей, он неоднократно заявлял, что если ему не увеличат финансирование относительно сметы на 100 тысяч рублей, то он уберёт со строительства рабочих. При этом Верёвкин не скрывал, что такую установку получил лично от Кабакова²⁴³.

Чувствуя за собой поддержку, Верёвкин вёл себя весьма самоуверенно. Даже ревизионной комиссии Наркомата здравоохранения заявил: ничего я вам не скажу и справок не дам, идите и ищите сами, что вам нужно²⁴⁴.

Достаточно частые контакты Верёвкина с Кабаковым, указания Кабакова о завышении стоимости строительных работ, защита Верёвкина Кабаковым от посягательств партконтроля и от критиков при очевидных неудовлетворительных итогах работы треста – всё это в совокупности указывает на материальную заинтересованность «вождя уральских большевиков» в деятельности Медсанстроя под руководством Верёвкина.

Как потом выяснилось, хвалёный Кабаковым и Головиным начальник треста Верёвкин был закоренелым мошенником, в прошлом по этим причинам исключался из партии и имел судимость, что тщательно скрывал. Несколько лет, до 1927 года, он работал управляющим Уральским районом Акционерного общества «Транспорт», после чего был осуждён за бесхозяйственность и растраты к девяти месяцам лишения свободы и исключён из партии. Позже в партии восстановился. В 1934 году, работая в стройсекторе Челябинского облзу, сорвал план строительства МТС и растратил средства, но сумел сбежать в Свердловск и таким способом уйти от наказания²⁴⁵.

В Медсанстрое Верёвкин опирался на «своих людей», ставленных на ключевых постах в тресте и в стройсекторе облздравотдела. На место секретаря парткома ему удалось протолкнуть своего старого друга Трубакова, специально для которого учредил должность коммерческого директора с большим окладом. Вся эта дружная команда под водительством Верёвкина занималась разворовыванием государственных средств²⁴⁶.

«Ведь лучше, когда друг-приятель сидит в плановом отделе, друг-приятель – в бухгалтерии, друг-приятель – в отделе снабжения, и попробуй любой отдел критиковать, конечно, Директор Киселёв никак не позволит, – говорилось на городской партконференции об одном из кабаковских ставленников – директоре Свердловской мебельной фабрики, бывшем начальнике с Химстроя, откуда в своё время поступали гигантские суммы в городскую лечкомиссию. – Попробуй критиковать любого инженера и техника, которого директор лю-

бит, конечно, он не позволит. Поэтому директор Киселёв не только не давал критиковать, а если кто попробует критиковать из профсоюзных или партийных руководителей, то он сейчас же поставит вопрос о снятии. В результате этого в течение двух лет в профорганизации сменилось 18-20 человек, а в парторганизации – восемь человек руководителей». Кто же мог Киселёва «тронуть», если он чаще бывал в обкоме и горкоме, нежели на своём рабочем месте. И бросал все силы рабочих не на выполнение производственной программы, а на изготовление уникальных стульев и кресел для Кабакова и Кузнецова. «Выходит, что подхалим Киселёв брал индивидуальные заказы, а мебели, необходимой для населения, мы дать не могли», – заявлял фабричный столяр и парторг в одном лице, отчаянный борец с местными расхитителями Суворов. Зато Киселёв любил повторять: «Я поставлен Кабаковым», и эти слова были самой надёжной охранной грамотой от любой критики, любой ревизии²⁴⁷.

Многочисленное партийное, советское и хозяйственное начальство при всём желании не могло скрыть свой достаток и образ жизни. Проживали они в уютных, отремонтированных, обставленных мебелью квартирах. Даже в голодные времена их столы не пустовали. Часто устраивали банкеты и вечера, где они могли общаться с такими же избранными, как они. Пьянствовали, веселились и хулиганили. Ходили в дорогих и модных кожаных куртках, носили великолепную, пошитую на заказ из дорогих материалов одежду и обувь. Их жёны облачались в красивые наряды, красовались в кожаных туфлях. Семьями отдыхали на дачах и на южных курортах, в средствах не стеснялись.

Свидетелями их повседневной жизни становились простые обыватели. Соседи видели, как ночами на квартиру большим начальникам доставляли продукты питания. Слышали и видели, как начальство устраивает шумные застолья, где вино лилось рекой. Картины барской жизни протекали на глазах у горкомовских буфетчиц, шофёров, многочисленного обслуживающего персонала. Не все скрывали увиденное и услышанное, не все крепко держали язык за зубами. Были

и такие, кто «по секрету» делился с коллегами, приятелями и соседями. А потому пикантные подробности привилегированной жизни начальства и их приближённых становились достоянием весьма широкой общественности²⁴⁸.

Что говорить о жизни местного начальства, когда огласке подвергались даже некоторые подробности визитов на Урал первых лиц государства, которые, казалось бы, должны были храниться в строжайшем секрете. Так, во время посещения Перми председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым ему на пароход загрузили около 100 бутылок различных вин и около 40 вёдер пива. Визит наркома Г.К. Орджоникидзе обошёлся Пермскому горсовету без малого в 1400 рублей. Помимо мяса, сливочного масла, сыра, различных овощей, хлеба, муки, круп и макаронных изделий, молока и творога, различных приправ, чая и кофе, печенья, мармелада и т. д., на обслуживание поездки были выделены килограммы осетрины и балыка, 6 банок икры паюсной, рыбные консервы – 20 банок шпрот и 3 банки сардин. Без алкогольной продукции не обошлось: 40 бутылок пива, 10 бутылок фруктовых вин, 6 бутылок «Абрау–Дюрсо», по 2 бутылки водки, спотыкача, черносмородиновой и хереса, по 5 бутылок коньяка, померанцевой и портвейна, 4 бутылки перцовой, по бутылке клюквенной и ещё какого-то вина, абрикосовый ликёр. 7 сентября 1934 года трест «Камводнарпит» предъявил Пермскому горсовету счёт, благодаря которому стало широко известно о «продовольственном обеспечении» поездки Орджоникидзе. Особенно обывателей впечатлили объёмы алкогольной продукции. «Приезжал Орджоникидзе, и Камбуфтрест представил счёт: взято такое-то количество вина, водки, ликёру, портвейну, - рассказывал сотрудникам партконтроля пермский райвоенком Голофев. — Всё вина, вина и вина. Счета подписывают беспартийные. Этот счёт был у Нечаева. То же самое было и с Молотовым, и с Лобовым, как будто бы всё время пьянствовали. Ну, об этом и разговаривают»²⁴⁹.

Не исключено, что пермское начальство лишь воспользовалось визитами кремлёвских вождей, чтобы списать на них

продукты и алкоголь. Однако как бы то ни было, власть несла серьёзные репутационные потери.

Следует ещё раз отметить, что барская, роскошная жизнь всевозможного начальства протекала на фоне трудного, часто - невыносимо тяжёлого материально-бытового положения рядовых работников. Бараки для рабочих разваливались, жили в них в страшной тесноте и грязи. Средства на строительство, ремонт и благоустройство жилья для рабочих были предусмотрены и выделялись из Центра, но по воле руководителей заводов и трестов они расходовались на иные цели. Нередким явлением, если судить по документам, были обчёты рабочих при начислении им заработной платы, задержки с выплатами, перебои в снабжении продуктами и промтоварами. Промышленные объекты вводились в строй с недоделками, с отступлением от норм и правил, что в последующем препятствовало выполнению производственной программы и даже нормальному функционированию предприятий, а также создавало тяжёлые условия труда для рабочих, приводило к заболеваемости, массовому травматизму и гибели. Из-за невыносимых условий труда и бедственного материального положения работники уходили с предприятий. Текучесть кадров крайне негативно сказывалась на реализации планов индустриализации на Урале.

Отношение к рабочим, царившее на некоторых предприятиях, можно проиллюстрировать на примере Полевского криолитового завода, который с начала 1936 года возглавлял бывший председатель Пермского горсовета Тимофей Иванович Гайдук. К тому времени он успел получить ещё одно взыскание: его личное дело «украсил» строгий выговор за неудовлетворительное коммунально-бытовое обслуживание на строительстве Дегтярского рудника²⁵⁰. На завод, вплоть до заводоуправления, Гайдук перетащил своих старых знакомых, в том числе на место главбуха, финансиста. Управляющим делами поставил своего родственника. А кадровых ИТР, включая начальников цехов и отделов, начал с завода увольнять, чем настроил против себя заводских специалистов, включая технического директора. За грубость и прене-

брежение к работникам Гайдука прозвали самодуром. Одним из ставленников Гайдука был заводделом снабжения завода Е.К. Шмигельский. В конце 1936 года Шмигельский не позаботился об обеспечении вредных цехов марлей и ватой, из которых изготавливались ватно-марлевые повязки для защиты органов дыхания у рабочих. Десять дней рабочие трудились без защиты. Когда заведующий техникой безопасности Горбунов явился к Шмигельскому требовать вату и марлю, предупреждая, что иначе рабочие не могут работать ни дня, то в ответ услышал: «Это рабочий – такая скотина, который всё перетерпит». Тогда же к Шмигельскому пришёл заведующий бондарной мастерской Савинцев, который на отказ предоставить нужные материалы заявил Шмигельскому: «Если обруч лопнет и убьёт кого из рабочих, то отвечаешь ты». На что Шмигельский с улыбкой произнёс: «Одному–двум головы оторвёт, мы от этого не пострадаем». Благодаря Шмигельскому рабочие завода ходили словно клоуны: их спецодежда была сшита из разноцветных материалов (одна штанина отличалась цветом от другой, аналогичный вид имели рубашки) и к тому же малых размеров, словно была рассчитана на 14–15-летних подростков. Таким же образом главный снабженец предлагал пошить верхнюю часть костюмов. На заводе имелись перебои в обеспечении специальными резиновыми костюмами, а из-за нехватки противогазов были зафиксированы 25 случаев острого отравления с последующей почти двухнедельной нетрудоспособностью пострадавших. Но Шмигельский вполне устраивал директора Гайдука, и потому в конфликте между начальником снабжения и заведующим техникой безопасности встал на сторону первого, а бузотёра Горбунова снял с должности и отправил работать в цех. Кроме того, об отношении заводской администрации к рабочим можно было судить и по состоянию заводского жилфонда: бюро Полевского райкома партии отмечало, что рабочие живут в антисанитарных бытовых условиях²⁵¹.

Вместе с тем Гайдука как администратора высоко ценило главное областное начальство. Ничто не указывает на какие-либо претензии со стороны обкома или облисполкома в адрес

обладателя двух строгих выговоров, чтобы по инициативе областных властных структур под «хозяином» криолитового завода зашаталось бы начальственное кресло. Почва из-под ног Гайдука и его окружения стала уходить лишь в 1937 году.

Местная партноменклатура своими действиями не только срывала планы индустриализации. Учитывая тяжёлые материально-бытовые условия, в которых проживали рабочие, хамско-пренебрежительное к ним отношение местных администраций и протекавшую у всех на виду барскую жизнь партийного, советского, заводского начальства и их приближённых, неудивительны различные проявления недовольства уральского населения в адрес действующей системы власти, её местных представителей и высшего руководства СССР во главе со Сталиным²⁵².

Можно ли говорить о высокой степени коррумпированности властных структур как некоем «уральском феномене» – явлении, присущем только Уралу? Нет. Даже судя по публикациям в «Правде» середины 1930-х годов, подобная картина наблюдалась во многих регионах Советского Союза.

**«Всякий, кто покушается на народное добро,
в особенности коммунист, это враг советской власти»**

Так, в апреле 1934 года «Правда» в статье «Преступники с партийным билетом в кармане» сообщала о раскрытых преступлениях в киевских областном и городском хозяйственных отделах, «...где орудовала группа жуликов, спекулянтов и взяточников, систематически расхищавших общественную социалистическую собственность». Замешанными в преступлениях оказались многие партийные и хозяйственные начальники, вплоть до руководителей Киевского горкома КП(б) Украины в лице Э.Д. Аронского. Видимо, именно по этой причине расследование началось лишь после вмешательства Сталина. На специально созванном расширенном пленуме горкома с докладом выступил уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Р.Г. Рубенов,

пленумом были утверждены новый секретарь горкома и его заместитель. Позже в «Правде» освещался судебный процесс по «делу Киевского облхозо»²⁵³.

В июле того же года в «Правде» появилась заметка «Гнездо взяточников и растратчиков» о хищениях государственных средств, незаконном использовании кредитов, разбазаривании товаров и продуктов в хозяйственном отделе Западносибирского крайисполкома. В махинациях хозотдела были замешаны заместитель председателя и ответственный секретарь крайисполкома, которые были названы «буржуазными перерожденцами». Помимо банального «самоснабжения» партноменклатуры того времени, в статье говорилось о том, что для жён ответственных работников были пошиты боброво–собольи шубы стоимостью по полторы тысячи рублей. В сентябре того же года в «Правде» было опубликовано постановление бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по «делу хозо Западносибирского крайисполкома», согласно которому руководители хозо были исключены из партии и привлечены к судебной ответственности, оргвыводы последовали и в отношении причастных руководителей крайисполкома²⁵⁴.

В июле же «Правда» сообщала, что в хищениях в астраханском Торгсине принимала участие целая группа жён местных руководящих работников, среди которых были жёны секретаря райкома партии, заведующего горкомхозом, заведующего горздравотделом, директора электростанции и другие. На наворованные деньги астраханское начальство устраивало бурные застолья. А поступавшие сигналы о преступлениях тонули в недрах прокуратуры²⁵⁵.

В середине августа в «Правде» было опубликовано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Пензенской организации», принятое месяцем ранее. В постановлении среди прочего указывалось на нарушение Пензенским горкомом ВКП(б) финансовой дисциплины, говорилось о незаконных поборах денежных средств с государственных и кооперативных организаций и расходовании части этих средств на устройство банкетов, на подарки руководящим работникам, выпла-

ту незаконных пособий. Несколько городских начальников и директор бисквитной фабрики были исключены из партии за незаконные поборы и личные злоупотребления, а членам бюро горкома во главе с секретарём горкома М.А. Ильиным Политбюро объявило строгий выговор с предупреждением и на два года запретило какую бы то ни было руководящую работу. В последующем некоторые руководители за растраты и прочие нарушения законности были привлечены к судебной ответственности²⁵⁶.

Были и другие публикации в «Правде», где речь шла о пьянстве, «разложении» и нарушениях государственной дисциплины со стороны руководителей партийных органов власти, о хищениях в государственных учреждениях, на предприятиях, в ОРСах и т. д.²⁵⁷

О различных нарушениях законности в региональных властных структурах говорилось в большой статье члена ЦК КПК при ЦК ВКП(б) Емельяна Ярославского «За коммунистическую нравственность». Ярославский призывал вынести уроки из публикаций в «Правде» о нарушениях законности в Пензе, Киеве и Кабаковске, отнестись ко всем изложенным фактам и явлениям со всей серьёзностью. Автор предупреждал, что со взяточничеством, с хищениями социалистической собственности, с нечестностью отдельных работников будет вестись беспощадная борьба. «Мы знаем только одну нравственность – нравственность, целиком и полностью подчинённую задачам борьбы за полную победу коммунизма, – отмечалось в статье Ярославского. – А эта победа требует, чтобы каждый член партии проявлял величайшую личную скромность, борясь против заносчивости, зазнайства, комчванства, карьеризма. Она требует безусловной честности и искренности по отношению к партии, к советской власти, к порученному делу, а значит - борьбы с нарушителями дисциплины партии и государства, с обманщиками, очковтирателями. Она требует добросовестности и внимательности к нуждам рабочих, крестьян, колхозников, служащих, всех трудящихся, товарищеского отношения к участникам общего нашего дела. Она требует бережливости по отношению к

социалистической собственности, беспощадной борьбы с её расхитителями, борьбы с рвачеством, самоснабжением, излишествами в расходовании и использовании этой собственности. Она требует борьбы со шкурничеством, с лодырями, готовности пожертвовать своими личными удобствами, если надо - своей жизнью. В этом — коммунистическая нравственность, коммунистическая этика»²⁵⁸.

В передовой «Правды» «Отличительная черта большевика — бдительность и скромность», где шла речь о злоупотреблениях во властных структурах Кабаковска, Сталинграда, Астрахани и Пензы, прямо говорилось, как следует рассматривать и квалифицировать подобные злоупотребления. «Всякий, кто покушается на народное добро, в особенности коммунист, это враг советской власти, — указывалось в передовой «Правды». — Так и только так надо рассматривать эту категорию людей. И на этом ответственном участке — охраны социалистической собственности — малейшее проявление примиренчества к вора и их пособникам — шаг антигосударственный, антипартийный»²⁵⁹.

Эта передовая, а также вышеупомянутая статья Ярославского были опубликованы в «Правде» в августе–сентябре 1934 года. Как свидетельствуют документы, на уральское начальство публикации в главной советской газете — органе ЦК ВКП(б) — впечатления не производили. Они не были готовы жертвовать своими личными удобствами, перестраивать свою жизнь в соответствии с принципами «коммунистической нравственности», «коммунистической этики». Партийно-идеологические установки Кремля не находили отклика в уральской провинции, невзирая ни на какие увещевания и предупреждения.

Глава V

«...Большевика не смогли защитить на конференции!» Выборы парторганов – новые угрозы партийным кланам

Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему И.Д. Кабаков решительно сражался с другим важным сталинским нововведением – с новой системой выборов руководящих парторганов, предполагавшей возможность обсуждения и отвода любой из выдвинутых кандидатур и тайное голосование по каждой кандидатуре. С внедрением этой системы стало невозможным гарантировать сохранение номенклатурных постов за нужными ему людьми. А в ходе кадровых перестановок теперь необходимо было учитывать мнение рядовых членов парторганизации.

Восстановить «демократический централизм» во внутрипартийной жизни И.В. Сталин потребовал на февральско–мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Преследуемые цели он обозначил следующим образом: «Тайные выборы, право отвода кандидатов без исключения и право критики – вот вам второе средство проверки снизу». «Стало быть, у нас есть два пути для проверки работников: путь, идущий сверху, от шефа подчинённого, и другой путь – путь, идущий снизу, контроль снизу, – наставлял Сталин. – Причём контроль снизу имеет две формы: контроль через активы с отчётностью со стороны руководителей и контроль через восстановление демократической выборности в нашей партии, когда члены партии имеют право отводить любого кандидата, критиковать сколько влезет и заставить руководителя отчитаться перед партийной массой»¹.

Первые лица Свердловской области были вынуждены принять сталинские нововведения, однако сразу же столкнулись с их «негативными» последствиями. После февральско-мартовского пленума ЦК то там, то здесь вспыхивали очаги «внутрипартийной демократии», обком превратился в дружную, сплочённую «пожарную команду». Внутренние распри пришлось отложить в сторону.

В феврале 1937 года, накануне введения новой системы выборов, в областном руководстве созрела идея сменить первого секретаря Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска, выдвинув на этот пост бывшего егоршинского секретаря Николая Васильевича Федченко. Избрание Федченко сначала на районной партконференции в состав пленума райкома, а на пленуме – первым секретарём прошло без каких-либо затруднений. С тех пор минуло лишь три месяца, и в середине мая очередная конференция стала формировать новый состав райкома в соответствии с последними сталинскими нововведениями.

Серьёзные проблемы с Федченко возникли на стадии обсуждения выдвинутых кандидатур. Делегатам конференции стало известно, что в бытность секретарём райкома в Егоршино он «зажимал самокритику», игнорировал мнение рядовых членов партии, протаскивал «сомнительных личностей» во власть. Секретаря засыпали вопросами о его прошлой работе. В ходе «допроса» Николай Васильевич признался, что на Урале он оказался благодаря своему старому знакомому по комсомольской работе, первому секретарю Пермского горкома ВКП(б) И.Н. Корсунову, погоревшему затем на «деле Пермской лечкомиссии». Корсунов пристроил давнего приятеля в горком на заведование орготделом, т. е. фактически сделал своим замом. Вопросов у делегатов возникало всё больше, и почуявший неладное секретарь Свердловского горкома партии М.В. Кузнецов, присутствовавший на конференции, вышел на трибуну защищать обкомовского протеже. «Материал, который подан сейчас, ни преданность [партии] товарища Федченко, ни [его] деловых качеств не опорачивает», - заявил делегатам Кузне-

цов. Но сталинская демократия сделала возможным то, что ещё недавно было немыслимым. «Товарищ Кузнецов, нельзя же конференцию ставить перед таким фактом: вы голосуйте, а это не принимайте во внимание», – заявил под одобрительные возгласы из зала один из участников конференции. Один за другим делегаты стали выражать недовольство позицией Кузнецова. Всё явственней становилась перспектива отвода Федченко из списков, что ставило крест на планах областного и городского начальства. Вечером на подмогу Кузнецову приехал К.Ф. Пшеницын и тоже принялся продавливать нужную кандидатуру. Наконец, общими усилиями членам бюро обкома удалось это сделать. Даже потом, в ходе тайного голосования, Федченко получил лишь 33 голоса «против» и 271 – «за»: авторитет областных секретарей оставался высоким вплоть до их «разоблачения»².

Другой «горячей точкой» стал вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. На общем партсобрании вагонзавода в ходе выборов заводского парткома и делегатов городской партконференции коммунисты «прокатили» директора завода Г.З. Павлоцкого. Узнав о произошедшем, Кабаков по телефону связался с тагильским секретарём Г.С. Богачёвым и потребовал от него «придаться к чему-нибудь», чтобы аннулировать результаты голосования, после чего организовать повторные выборы и «избрать» директора. Богачёв по каким-то причинам не выполнил эти указания, а вот в Красноуральске, по заверениям тагильского секретаря, подобное распоряжение «хозяина области» реализовали³.

Кабаков не считал нужным перестраивать свою работу в соответствии с «февральско-мартовскими установками» Сталина, продолжал вести ту же политику, что и до сталинских преобразований. Наибольшее рвение он проявлял тогда, когда речь заходила о его тульских выдвиженцах. Правда, и он, всемогущий «хозяин области», иногда оказывался не в состоянии продвинуть нужную кандидатуру. Даже при старой системе выборов.

Так, к примеру, случилось на выборах членов горкома в ходе III Свердловской городской партконференции в январе

1936 года. Как тогда практиковалось, представитель горкома (в тот раз эту роль исполнял секретарь парткома Уральского индустриального института М.Н. Маргевич) вышел на трибуну и зачитал делегатам конференции заранее заготовленный список кандидатур в состав членов горкома, за который предстояло голосовать открытым голосованием. В списке среди прочих значился заместитель председателя Свердловского горсовета А.С. Корнев – не чужой для Кабакова человек. В горсовете Корнев отвечал за жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство и, разумеется, подвергался острой критике за состояние подвластной ему сферы городского хозяйства. По распределению обязанностей Корнев курировал свердловские Горстрой и промкомбинат. На руководство Свердловским промкомбинатом зампред горсовета поставил своего брата — В.С. Корнева. Последний распоряжался продукцией промкомбината как собственной, причинив государству убыток за период своего руководства на сумму свыше 1 миллиона рублей, присвоил себе почти на 15 тысяч рублей продукции и денег промкомбината. Помимо брата на этот комбинат зампред горсовета пристроил свою жену, и также не на рядовую должность – директором игрушечной мастерской. Мастерская работала плохо, но её директор позволяла себе по несколько недель безо всяких причин не появляться на работе.

Кабаков и Кузнецов не случайно посадили «своих людей» на эти кресла: как позже выяснилось, промкомбинат являлся одним из каналов поступления средств в их карманы. К примеру, Свердловский городской финотдел перечислил 20 тысяч рублей на текущий счёт магазина промкомбината, откуда они расходовались на нужды горкома.

Когда областная прокуратура всё же заинтересовалась положением дел в промкомбинате, в надзорном ведомстве раздался телефонный звонок. «На каком основании Вы ведёте следствие по делу промкомбината, тогда как нет постановления горсовета об отдаче под суд Корнева», – напустился на следователя Герасимовича председатель горсовета Николай Никитович Мизенко⁴.

Не жалея средств на собственные нужды, городское руководство стремилось сэкономить на общегородских мероприятиях. В частности, А.С. Корнев был назначен ответственным за проведение в Свердловске Дня авиации, на празднование которого, по предварительным расчётам, должны были прибыть не менее 130 тысяч жителей города. Встал вопрос об обеспечении питьевой водой столь масштабного мероприятия, приходившегося на середину августа. Близ аэродрома отсутствовали колодцы с водой, пригодной для питья, начальник свердловской торговли Розенгауз заявил, что в состоянии обеспечить лишь пол-литра воды на человека, недостающие объёмы предложил восполнить из имеющихся на месте, т. е. непригодных для питья, источников. Но на бюро горкома этому предложению резко воспротивился представлявший свердловский горздравотдел А.А. Терентьев, который предложил организовать подвоз воды из Свердловска, что, естественно, требовало дополнительных затрат. Кузнецов, который вёл заседание бюро, грубо обрубил: «Знаем, какой ты врач!» — и велел тому замолчать. Предложение Розенгауза, которого Кузнецов привёз с собой из Тагила, было принято⁵.

Невзирая на коррупцию, процветающую в подведомственных горсовету учреждениях, Кабаков двинул зампреда горсовета в члены пленума горкома. Сделать это было нелегко: на недавней Ленинской районной партконференции Корнева провалили на выборах членов райкома. Кабакова это не смутило, и он заявил членам президиума городской партконференции, что если Корнева не проведут в члены горкома, то он будет рассматривать это как политическое поражение горкома ВКП(б). Поэтому председательствующий на заседании городской конференции секретарь горкома Кузнецов попытался схитрить: «Примем список за основу? Других списков нет? Если отводов не будет, может быть, можно считать принятым?»

Но неожиданно воспротивился первый секретарь Орджоникидзевского райкома Л.Л. Авербах: «Давайте по всем правилам голосовать персонально каждого».

Ситуацию с ходу попытался спасти Маргевич, правда, в результате получилась глупость. «Я предлагаю голосовать, не подсчитывая голосов», – предложил секретарь парткома института. «Ну, давайте голосовать персонально», – нехотя согласился Кузнецов, оставив предложение Маргевича без внимания.

Как и следовало ожидать, на кандидатуре Корнева вышла заминка: слово взял один из участников конференции. Не влезая в подробности, он заявил о нарушениях законности и семейственности в подведомственном А.С. Корневу промкомбинате, что в Горстрое дела также обстоят не лучшим образом: построенные в Свердловске школы имели массу недоделок на общую сумму в 1 миллион рублей. Делегат не скрывал, что обсуждение Корнева на Ленинской конференции – это его рук дело, и недвусмысленно резюмировал: «Я считаю, что товарищ Корнев в составе пленума городского комитета не может быть».

Кто же осмелился открыто и столь решительно выступить против креатуры И.Д. Кабакова? Ведь ни для кого в Свердловске не было секретом, какая фигура стоит за братьями Корневыми.

Этим делегатом был Александр Иванович Догадов – старый большевик, член партии с 1905 года. Одно перечисление некоторых должностей из послужного списка Догадова отвечает на вопрос: как осмелился? В 1920-е – начале 30-х Догадов входил в состав Оргбюро ЦК ВКП(б), занимал другие высокие руководящие посты, включая кресла первого секретаря ВЦСПС и заместителя председателя ВСНХ СССР, на последнем XVII съезде партии он был избран членом Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, а следом назначен уполномоченным этой же комиссии по Свердловской области. А.И. Догадов был одним из немногих в Свердловске, кто мог позволить себе без особых опасений за собственную судьбу высказать точку зрения, отличную от мнения «областного вождя»⁶.

На защиту Корнева бросился другой «туляк», первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) Максим Фёдорович

Коссов. Но вышло у него не очень. Районный секретарь сначала неумело попытался снять с Корнева вину за кадровые «ошибки», заявив, что «кадры подбираются и другими организациями». Следом попытался отвергнуть утверждения Догадова о недостатках школьного строительства: «...Он [Горстрой] неплохо построил школы в городе Свердловске — это факт». В зале поднялся шум: делегаты были возмущены столь явным искажением действительности.

Больше в защиту Корнева никто не выступил. Открытым (!) голосованием делегаты отвели кандидатуру заместителя председателя горсовета из состава членов горкома.

Следом Кабакову пришлось убирать Корнева из горсовета. Правда, без работы своего тульского приятеля Кабаков и Кузнецов не оставили и тихо пристроили здесь же, в Свердловске, на «тёплое место» — заместителем начальника строительства турбинного завода⁷.

А вот неудачная попытка провести в состав членов горкома непосредственного начальника Корнева — председателя Свердловского горсовета Николая Никитовича Мизенко — в следующем, 1937 году получила уже всесоюзный резонанс. Дело в том, что события развивались на фоне февральско-мартовского пленума ЦК.

Мизенко был весьма удобной фигурой для областного и городского руководства. Несмотря на то, что город, по существу, не имел нормально функционирующих канализации и водопровода и канализационные стоки сбрасывались в городские водоёмы, порождая антисанитарию, выделяемые правительством средства на коммунальное строительство не осваивались либо тратились не по назначению. Из выделенных Москвой 3 миллионов рублей на строительство канализационного коллектора Свердловска в 1936 году были освоены только 800 тысяч, вместо запланированных 6 километров были построены только около полутора сотен метров. В 1937 году на строительство того же коллектора были выделены приблизительно 5-6 миллионов рублей, но по указанию Кабакова эти деньги были переброшены на другие цели, включая постройку фонтана, а строительство коллектора

было заморожено. Что представлял собой в те годы областной центр, понятно из эмоционального выступления члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреева на пленуме обкома в мае 1937 года: «Посмотрите, ведь это же позор, что делается! Достаточно посмотреть, чтобы представить, как обстоит [дело] и в строительстве: организация водопровода, канализации и так далее. Всё разрыто, ничего не закончено, всё стоит голым остовом, незаконченным. По улицам ходить нельзя. Ничего особенно нового, серьёзного за эти годы не построено. Я был в 1933 году в Свердловске и посмотрел вчера внимательно, поездил. Ничего почти нового не построили, ничего особенного не делалось, кроме того, что город стал ещё грязнее, в более беспорядочном состоянии»⁸.

В 1937 году город «украшали» 159 недостроенных зданий, было омертвлено почти тридцать миллионов рублей. Предложения закончить замороженное строительство у городского начальства поддержки не получали, и капиталовложения отпускались на новое строительство⁹.

Но до таких ли «мелочей», как водопровод, коллектор и другие объекты коммунально-бытового строительства было руководителям горсовета? Они были заняты отделкой своих кабинетов и приёмных, потратив на это, по самым приблизительным подсчётам, более 90 тысяч рублей.

Большое внимание председатель горсовета уделял работе гостиницы «Большой Урал». В конце 1936 года на должность директора гостиницы и ресторана он пригласил из Москвы некоего Чернышёва, установил ему немалый оклад в полторы тысячи рублей, предоставил квартиру с освобождением от коммунальных услуг и выдал ему подъёмные в Двойном размере как лицу, едущему в отдалённую местность Советского Союза. Мизенко дал Чернышёву задание подобрать в Москве (и только в Москве!) для «Большого Урала» Директора ресторана и двух опытных метрдотелей, с предоставлением им в Свердловске бесплатных квартир и питания, а также дежурного администратора и трёх горничных. Планировал Мизенко пригласить для работы в ресторане хор цыган и джаз-оркестр. Но планам этим сбыться было не

суждено: Чернышёв не замедлил проявить свою коммерческую жилку. Получив в горсовете 13 тысяч рублей на приобретение оборудования для парикмахерской, Чернышёв закупил на толкучке в Одессе разные товары без каких-либо счетов общей стоимостью около 3 тысяч рублей (на словах он оценил покупку в 6400 рублей), а с остальными 9700 рублями скрылся. По какой-то причине Мизенко отказался подавать документы на Чернышёва в суд, а распорядился взыскать (непонятно лишь, каким образом) с беглого дельца недостающую сумму¹⁰.

Статус члена горкома ВКП(б) был неотъемлемой частью властных атрибутов председателя горсовета. Предполагалось, что Мизенко будет делегирован на Свердловскую городскую партконференцию от Ленинской районной парторганизации г. Свердловска. Однако выборы делегатов на Ленинской райпартконференции пошли вразрез с заранее написанным сценарием. Несмотря на усилия представителей горкома, включая секретаря горкома Кузнецова, кандидатура Мизенко была отвергнута ещё на стадии формирования списка для голосования.

Тогда Кузнецов приказывает в срочном порядке «перебросить» председателя горсовета на другую районную партконференцию – Кагановичскую. Райком на этот раз приготовился к сражению за Мизенко более основательно и предпринял индивидуальную работу делегатов. Делегацию от парторганизаций железной дороги собирали дважды, уговаривали проголосовать как надо, не скрывали, что это пожелание вышестоящих инстанций. Из всех сил старался член бюро горкома, заведующий отделом партийных кадров И.А. Кормилов. Но все усилия вновь пошли прахом.

После очередного провала Кузнецов дал указание первому секретарю Сталинского райкома М.Ф. Коссову во что бы то ни стало делегировать Мизенко на своей партконференции. Кузнецов и Кормилов вдвоём приехали на конференцию в Сталинский район. Но удача и на этот раз отвернулась от председателя горсовета и его покровителей: конференция проголосовала против.

Делегаты спросили у Кузнецова, который лез из кожи вон, чтобы проташить Мизенко, – почему горком упорно выдвигает кандидатуру, которую завалили на других партконференциях? «Мы хотели узнать мнение о нём на всех конференциях», – нашёлся что ответить секретарь горкома. А председатель горсовета счёл предпринятые усилия недостаточными. «Руководители горкома партии большевика не смогли защитить на конференции», – не скрывал он своей досады. В другой раз применительно к своей ситуации вспомнил о библейском сюжете, как апостол Пётр отрёкся от Иисуса Христа¹¹.

Скандалная история, связанная с «протаскиванием» Мизенко в члены горкома, получила широкую известность после публикации в «Правде» от 3 марта статьи «Свердловский горком “извлекает уроки”». Хотя описываемые в статье события имели место накануне введения новой системы выборов партийных комитетов, тем не менее, их обнародование в «Правде» было призвано проиллюстрировать имеющиеся на местах нарушения принципов «внутрипартийного демократизма», выборности партийных комитетов¹².

Позиции Мизенко пошатнулись. О необходимости его отставки заговорил уполномоченный КПК К.И. Бухарин. Тем не менее, невзирая на громкие скандалы, Кабаков с Кузнецовым не спешили расставаться с Мизенко под предлогом, что его нечем заменить. В ответ Бухарин, в руках которого к тому времени сконцентрировались обличающие Мизенко материалы, нашёл способ выбить из-под председателя горсовета зашатавшееся кресло. Он опубликовал в «Уральском рабочем», в номере от 14 апреля, разгромную статью «Дела горсоветские», приурочив её выход к открытию пленума горсовета. В статье речь шла о коррумпированности руководителей горсовета, прежде всего – Мизенко, говорилось о его политических ошибках (правда, недостаточно внятно, без прочной доказательной базы). Закончил статью Бухарин нападками на горком (а первым секретарём горкома по совместительству, напомним, являлся сам Кабаков!), предъявил горкому претензии за ошибки в руководстве горсовете-

том и его первичной парторганизацией, что поручили Мизенко сделать доклад на собрании советского актива о решениях февральско-мартовского пленума ЦК. Заключительная фраза звучала вовсе вызывающе: «Что это, как не политическая близорукость руководителей Свердловского горкома ВКП(б)?»¹³

Реакция этих руководителей не заставила себя долго ждать. Кабаков сразу после выхода газеты велел немедленно созвать бюро обкома и разобрать статью Бухарина. На заседании на уполномоченного КПК набросились почти все члены и кандидаты в члены бюро обкома, за исключением пытавшихся соблюсти видимость «внутрипартийной демократии» и при этом не разругаться с Кабаковым начальника дороги Шахгильдяна, редактора газеты Жуховицкого и заведомо обкома Боровских. «Попустительство жуликам» со стороны Мизенко было слишком очевидным, дабы его опротестовать. А вот свою «политическую близорукость» Кабаков с Кузнецовым признавать не желали категорически. К тому же, с её доказательной базой, в отличие от царившей в горсовете коррупции, у Бухарина действительно были явные проблемы. Формулировки принятого постановления стали тому подтверждением: «Бюро обкома не видит ошибки и тем более политической близорукости в поручении доклада тов. Мизенко на советском активе по итогам пленума ЦК. Принять к сведению заявление т. Бухарина, что им проверяются дополнительные материалы, связанные с вопросом систематического покровительства врагам со стороны тов. Мизенко, и будут внесены на рассмотрение бюро обкома».

Тем не менее Кабаков осознал, что полностью замять скандал не удастся и фигурой Мизенко придётся пожертвовать. На его место Кабаков с Кузнецовым решили выдвинуть проверенного годами человека, зама Мизенко, тридцатипятилетнего Фому Никитича Федоренко, кстати, тоже фигуранта статьи Бухарина. На пленум горсовета пошёл сам Кабаков, а потому смена председателя горсовета прошла гладко, словно не было никакой статьи в «Уральском рабочем». В составе бюро горкома ВКП(б) Мизенко оставили, отправи-

ли отдыхать на курорт и... принялись готовить для него кресло директора Верх-Исетского завода имени Кабакова¹⁴.

Кабаков не считал нужным скрывать свои планы относительно тех местных партийных начальников — его, разумеется, ставленников, кто будет забаллотирован в ходе тайного голосования. Инструктору Центральной избирательной комиссии, прибывшему в Свердловск, он признался, что планирует укомплектовать ими аппарат облисполкома¹⁵. Следовательно, заваленные на выборах районные и городские руководители, по замыслу Кабакова, должны были с высоко поднятой головой покинуть провинциальные властные структуры и перебраться в областной центр, где их ждали высокие властные кабинеты, благоустроенные квартиры, дополнительные денежные пособия и прочие номенклатурные радости. Вот так незамысловато предпринимаемые Сталиным усилия по очищению партийно-государственного аппарата от наиболее зарвавшихся чиновников Кабаков планировал свести на нет.

Патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области, являлись основой материального благополучия партноменклатуры, её привилегированного положения в обществе. Эти связи придавали прочность и могущество «уральской империи» И.Д. Кабакова, которого после ареста образно называли «отцом уральских спрутов»¹⁶. Отсюда стремление «уральского вождя» любой ценой, во что бы то ни стало, сохранить лично преданных ему людей на ключевых позициях в партийно-государственных структурах.

Глава VI

Критика и самокритика в свердловской парторганизации, или «Сначала умеете себя критиковать, а потом критикуйте обком!»

Региональным секретарям было не впервой волынить с реализацией указаний Сталина. Так, глава государства десяток лет подряд, начиная с XV съезда ВКП(б) в 1927 году, настойчиво призывал их к развёртыванию на местах критики и самокритики, рассматривая этот политический инструментарий как способ повышения эффективности деятельности управленческого аппарата и в том числе как мощное и действенное средство против коррупции. «Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недочёты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, – то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочёты? – внушал он делегатам XV съезда, а заодно – всем, большим и малым партийным начальникам страны. – Разве не ясно, что мы перестанем быть пролетарскими революционерами, и мы наверняка погибнем, ежели не вытравим из своей среды эту обывательщину, эту семейственность в решении важнейших вопросов нашего строительства? Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперёд, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела?» Сталин предупреждал, что отсутствие самокритики повлечёт за собой самые негативные

последствия для действующей системы власти, будет губительным для государства: «...Если мы ради спокойствия тех или иных товарищей откажемся от самокритики, то разве не ясно, что ничего, кроме гибели нашего великого дела, не может из этого получиться?»¹

Сталинская директива регулярно озвучивалась на крупнейших партийных форумах, широко тиражировалась в принимаемых постановлениях и газетных публикациях. На февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Сталин в очередной раз потребовал развивать критику снизу, «воспитывать кадры на их собственных ошибках», «иметь мужество честно признать свои ошибки», «критиковать, сколько влезет». Необходимость развития критики и самокритики была прописана в резолюции пленума, которую прорабатывали во всех парторганизациях Советского Союза. О том же самом весьма подробно говорилось в опубликованных следом передовых статьях «Правды»².

Как реагировали региональные секретари? На съездах и пленумах первые секретари обкомов и крайкомов встречали указания Сталина аплодисментами, кричали из зала: «Правильно!», с высоких трибун вещали о его гениальности и прозорливости. А когда возвращались в свои «вотчины», то действовали по принципу: «До бога высоко, до царя далеко». И продолжали гнуть свою линию. Кабаков, к примеру, не без удовольствия прилюдно «полоскал» некоторых подчинённых (часто – не за дело, а для вида, чтобышний раз продемонстрировать, «кто в доме хозяин», да и критика сверху была налицо) и в то же время резко пресекал малейшие попытки критики угодных ему областных начальников и своих приближённых. «Были случаи, когда нас вызывали секретари на бюро обкома, и все нас, от мала до велика, нечестно критиковали, в насмешку, и, что называется, высмеивали и превращали в навозную лепёшку», – жаловался после низвержения Кабакова секретарь Краснополянского райкома партии Павел Степанович Залупенков. И добавлял: «Критиковать не только нельзя было бюро обкома или отдельных членов бюро обкома, но нельзя было ничего сказать даже про

инструкторов обкома. У меня был такой случай. Кажется, в 1933 году в обкоме работал инструктором Зайцев – проходимец, жулик, пьяница, который приезжал в район и колбасил там. Я пытался на одном совещании рассказать про этого инструктора, и что вы думаете? По этому поводу я имел крупную беседу с Кабаковым. Кабаков заявил: кто тебе дал право дискредитировать инструктора обкома, который подбирается обкомом и утверждается ЦК?» Секретарь признался, что после такого наставления он «поджал хвост» и помалкивал³.

И.Д. Кабаков: «Таким критикам мы ответим: будьте в стороне...»

Бывало, под «горячую руку» областного хозяина попадали и начальники рангом значительно выше, нежели районный секретарь. Прямо на Уральской областной партконференции в 1934 году И.Д. Кабаков в присутствии без малого восьми с половиной сотен делегатов «разделал под орех» директора Уралмашзавода Л.С. Владимирова. Чем же провинился директор гиганта отечественного машиностроения в глазах «главного инженера-строителя социалистического Урала»?

Леонид Семёнович Владимиров (он же — Островский Иосиф Самойлович) только-только, в декабре 1933 года, приступил к исполнению обязанностей директора Уралмашзавода, после того как застрелился предыдущий директор Иосиф Самойлович Беленький. Приехал он из Харькова, где три года возглавлял одно из крупнейших машиностроительных предприятий страны – Харьковский паровозостроительный завод⁴. А потому не ведал о нравах, царивших в областном руководстве, и счёл областную партконференцию подходящим местом для делового обсуждения производственных проблем.

И это тогда, когда организаторы партийного форума с самого его открытия массу времени убили на принятие многословных приветственных телеграмм «вождю коммунистиче-

ской партии, международного пролетариата, любимому учителю товарищу Сталину», «лучшему соратнику товарища Сталина - Лазарю Моисеевичу Кагановичу», «лучшему соратнику, руководителю органов диктатуры пролетариата товарищу Молотову», «вождю Рабочей крестьянской Красной армии товарищу Ворошилову», отдельно ЦК ВКП(б), исполкому Коминтерна, газете «Правда» и участникам Московской областной партконференции. А вслед за докладчиком к трибуне с приветствиями один за другим потянулись многочисленные «представители» рабочих и инженеров, военных и чекистов, колхозников и научных работников, пионеров и учителей, работников общественного питания и писателей, жён-домохозяек и бывших беспризорных, которые, заливаясь соловьём, рассказывали о своих успехах и как они выполняли задачи, поставленные «любимейшим товарищем Кабаковым». Прорывавшиеся между ними к трибуне местные партийные секретари, в порядке прений по отчётному докладу, принялись соревноваться между собой в самых изысканных эпитетах в адрес «областного вождя», порой ни словом не упоминая о проблемах подвластных им городов и районов. И всё это с овациями, бесконечными вставаниями, громом военного оркестра, барабанным боем и звуками пионерских горнов и струнного оркестра⁵.

Среди нескончаемого потока приветствий прозвучало выступление так называемого представителя рабочих и инженеров Уралмашзавода Лабутникова. «Выполняя указания вождя партии и мирового пролетариата товарища Сталина о создании сердцевины машиностроения второй угольнометаллургической базы на Востоке, в непримиримой борьбе за генеральную линию ленинского ЦК, пролетарии и инженерно-технические работники Уралмашзавода под по вседневным руководством обкома и главного инженера, нашего строителя социалистического Урала Ивана Дмитриевича Кабакова, мы построили и пустили в эксплуатацию Уралмашзавод, – под аплодисменты зала торжественно провоз гласил Лабутников. – Наш завод поистине является борцом техники, построенный под руководством и [при] неограни-

ченной практической помощи товарища Кабакова. Нами уже освоено доменное оборудование, машины, прокат, пушки Брозюса и другое. Эти машины ранее ввозились из-за границы. Выполняя указания вождя нашей партии товарища Сталина, боремся за овладение техники. Вчерашние колхозники и колхозницы успешно осваивают сложные станки и импортное оборудование и агрегаты»⁶.

И вот в эту торжественно-праздничную идиллию бесцеремонно вторгся директор машиностроительного гиганта Л.С. Владимиров. Начал он своё выступление на партконференции с «правильных», полностью соответствующих месту и времени слов, что Уралмашзавод «...построен силами уральской парторганизации, и построен благодаря исключительному вниманию, которое было уделено Уральским областным комитетом партии и, по заверению всех старожилов Уральского машиностроительного завода, благодаря лучшему руководству работой со стороны товарища Кабакова».

Но вот далее Леонид Семёнович стал говорить о том, что освоение Уралмашзавода приняло «затяжной характер», и стал перечислять тому причины. Главные среди них – отсутствие разработанного технологического процесса и чёткой организации работы завода, острая нехватка приспособлений и инструмента, отсутствие квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Владимиров был прямолинеен: «Некоторые товарищи говорят, что завод освоил несколько десятков машин. Я должен, товарищи, сказать категорически, что это неверно. Ни одной машины завод не освоил и поныне, несмотря на то, что имеются машины разной стадии готовности, которые считаются якобы освоенными». Во главу угла директор поставил нерешённость кадровой проблемы, что «приезжие кадры» на заводе не задерживаются и разбегаются, привёл впечатляющие цифры, что только в течение 1933 года с Уралмаша уволились около двух тысяч инженерно-технических работников. Чётко обозначил и причину бегства кадров: «...Мы недостаточно уделяли внимание бытовым вопросам и вопросам культуры в широком смысле этого слова». Оперируя яркими примерами, Леонид Семёно-

вич поведал о грязи на заводе и в городке, гостиничных номерах с тараканами, дефиците товаров первой необходимости. Претензии инженеров к заводской администрации были разнообразны: один инженер жаловался, что не имеет мыла, чтобы помыть руки, другой – что его десятилетняя дочь, вернувшись из школы, стала изъясняться матом. И, пожалуй, все – на разгул бандитизма, примером чему служили многочисленные жертвы хулиганских нападений. С трибуны конференции, где только что возвещали об успехах социалистического строительства на Урале, теперь звучали страшные криминальные сводки: только за ноябрь-декабрь 1933 года на Уралмаше были зафиксированы 78 случаев бандитских выходов, в результате которых пострадавшие вынуждены были обратиться за медицинской помощью, в 13 случаях потребовалось хирургическое вмешательство. «Не так давно, несколько дней тому назад, изрезали председателя райпрофсовета, не так давно убили повара, – говорил Владимиров, каждым своим словом нанося сокрушительный удар по царившему на конференции праздничному настроению. – Как вы думаете, наличие такого хулиганства отражается на вопросах закрепления кадров, на вопросах освоения завода? По моему мнению, отражается, и отражается катастрофически. Молва, слухи, разговоры выходят за пределы площадки Уралмашзавода, доходят до наших промышленных центров, и в Москве говорят, что без револьвера на площадку Уралмашзавода нельзя появляться. <...> Хулиганы сейчас орудуют, и орудуют, по сути дела, безнаказанно. Очень многие инженеры и семьи их собираются по этой именно причине уезжать с Уралмашзавода».

Отсутствие слаженного, технически грамотного заводского коллектива, в свою очередь, становилось непреодолимым препятствием на пути освоения производства. «Игнорирование вопросов культуры означает, по сути дела, игнорирование вопросов освоения сложных и точных машин, – говорил директор Уралмаша. – Не знаю, многие ли были за последнее время на Уралмашзаводе, но не нужно быть особенно опытным человеком, чтобы убедиться по внешнему осмо-

тру завода, что оборудование, чрезвычайно ценное, дорогое, импортное, уже сейчас находится в таком состоянии, которое в недалёком будущем может привести к значительным разрушениям»⁷.

Под конец выступления Владимирова и вовсе бросил упрёк в адрес городской парторганизации (правда, без персонификации) в том, что когда шло строительство, то они «почти не вылезали с Уралмашзавода», а потом, после его пуска, про него забыли: «Мне кажется, что товарищи решили, что задача решена, Уралмашзавод закончен, и нужно браться за другие задачи. И поэтому помощь Уралмашзаводу сейчас отсутствует. И напрасно! Помогать ещё нужно, потому что Уралмашзавод на ноги ещё не встал». Л.С. Владимирова попросил помощи в строительстве новых школ и укомплектовании действующих школ хорошими преподавателями, в строительстве бань, прачечных, улучшении снабжения уралмашевцев через торговую сеть, помощи в ликвидации хулиганства. И выразил надежду, что обком партии поставит эти вопросы перед Москвой⁸.

Несмотря на столь хитроумный ход Л.С. Владимирова – упоминание Уральского обкома ВКП(б) и персонально И.Д. Кабакова в начале выступления, когда вёл речь о достижениях, и безликой свердловской городской парторганизации в конце, когда заговорил о недостаточном внимании к заводу, – тем не менее, пусть не прямо, но директор Уралмаша бросал упрёки в адрес «вождей уральских большевиков». Кроме того, со слов Владимирова получалось, что, ладно «представитель» Лабутников в приветственном слове, но сам Кабаков, по сути, дезинформировал делегатов конференции, когда в отчётном докладе заявил, что на Уралмаше «...делают пушки Брозюса, лебёдки Оттиса, завод имеет колоссальные успехи по освоению нового машиностроения»⁹.

Вместе с тем выглядело бы вполне логичным, если б Кабаков даже поощрил Владимирова за выступление. Ведь сам первый секретарь обкома буквально пару дней назад, открывая областной партийный форум, чётко и недвусмысленно произнёс: «Наша задача провести конференцию под зна-

ком развёрнутой большевистской самокритики, вскрыть все недостатки и мобилизовать все силы партийной организации на завоевание дальнейших побед в строительстве УКК». А чуть позже, выступая с отчётным докладом, обрушился на директора свердловского завода имени Воеводина за очковтирательство и некритичное отношение к результатам работы предприятия: «На днях проходила конференция в первом районе. Приходит завод имени Воеводина рапортовать о победах, “гром победы раздавайся!”. Стали проверять. Оказалось, завод план не выполнил. Как это могло получиться, что руководитель, командуя производством, не видит хода производственного процесса? Вместо того, чтобы огнём самокритики вскрыть отставания, показать, где слабые места, вместо этого помогает составлять рапорт о несуществующих победах»¹⁰.

С этой точки зрения выступление Владимирово вполне соответствовало установкам «уральского вождя», которые, в свою очередь, основывались на указаниях И.В. Сталина.

Но не тут-то было! Кабаков, вновь поднявшись на трибуну с заключительным словом, решил воздать Владимирову «по заслугам»: «Иногда приходят люди и говорят: “Не работает завод”. В том-то и секрет, что завод ещё как нужно не работает. А надо заставить его работать. Как заставить?» И профессиональный пропагандист преподавал директору Уралмашзавода урок, как ему следует работать: «Надо, засучив рукава, организовать дело и изо дня в день группу за группой, бригаду за бригадой поднимать, учить, повышать квалификацию, помогать организовывать производственный процесс, устанавливать дисциплину, которая должна быть присуща Данному предприятию. Рассчитывать на то, что можно сразу где-то взять готовеньких, знающих рабочих, пересадить на УЗТМ и дело пойдёт, неверно это. Никаких других людей у нас нет, кроме тех, которые работают в Уральской области, с этими людьми мы освоили Березники, завод ферросплавов, с ними осваиваем Магнитку, Златоуст и другие предприятия. С ними же мы будем осваивать и те предприятия, которые пускаем сегодня».

Из стенограммы конференции видно, что ни гибель в пожарах оборудования, ни поломки дорогих машин не вызвали столь бурной реакции со стороны Кабакова, как «дерзость» уралмашевского директора. По ходу выступления «вождь уральских большевиков» всё более распалялся и, в конце концов, принялся делать угрожающие намёки в адрес Владимирова: «Пусть находятся люди, которые становятся в стороне в позе критиков и заявляют: этот народ плохой, у них дело идёт плохо, всё не годно. Таким критикам мы ответим: будьте в стороне, а мы, засучив рукава, будем вытягивать эти участки! Этим я хочу сказать, что парторганизация отвечает за всё: и за хорошее, и за плохое. Тем людям, которые хотят разделить и которые заявляют: плохое вы возьмите, а хорошее – наше, мы ответим: не выйдет это дело!»¹¹

Иначе говоря, на призыв Л.С. Владимирова к областным начальникам предпринять конкретные меры по улучшению социально-бытовой сферы в районе, по благоустройству посёлка и по снижению криминогенности Кабаков ответил пустопорожней болтовнёй, свидетельствовавшей, что всё останется как есть. Заодно гневной отповедью Кабаков чётко дал понять Владимирову (да и остальные хозяйственники чтоб слышали), что если тот впредь позволит себе предъявлять какие-либо требования к партийным структурам, критиковать их, то на этой должности не задержится. Возможно, так бы оно и случилось, причём в самое ближайшее время. Ведь главный областной начальник, кроме прочего, был взбешён требованиями Владимирова убрать кабаковского ставленника, туляка, первого секретаря Сталинского райкома ВКП(б) Максима Фёдоровича Коссова (завод тогда входил в этот район). Но за спиной у Владимирова стояли весьма высокие покровители, и Кабакову он оказался не по зубам. «Из Владимирова, ЦК партии считает, директор вышел», – заявил в 1937-м кабаковский преемник А.Я. Столяр¹².

Осознавал ли И.Д. Кабаков, что, на словах провозглашая приверженность установкам Сталина, своими действиями «зажимает критику»? – Вполне осознавал. Чем ещё объяснить тот факт, что в изданный типографским способом стено-

графический отчёт XII Уральской областной партконференции, высланный для информации в Москву и, по всей вероятности, расславшийся на места для ознакомления, заключительное слово Кабакова включено не было? Хотя его заключительная речь была отредактирована и тем самым подготовлена для публикации.

Необходимо отметить, что в последующем отношения между Кабаковым и Владимировым «нормализовались». Директор Уралмашзавода наладил «конструктивное» взаимодействие с Орджоникидзевским райкомом ВКП(б), первому секретарю райкома Л.Л. Авербаху оплачивал частые поездки в Москву, а Кабаков, в свою очередь, выводил Владимирова из-под критики со стороны парторганов¹³. Бюро Свердловского обкома в марте 1935 года обратилось к наркому Г.К. Орджоникидзе с просьбой представить Владимирова и Авербаха вместе с другими уралмашевскими начальниками и несколькими рядовыми рабочими к награждению государственными наградами. «За исключительно выдающуюся работу», — говорилось в решении бюро обкома. Подготовленная по этому случаю характеристика оценивала деятельность директора УЗТМ исключительно в лестных выражениях. «Тов. Владимиров воспитывает хозяйственный коллектив завода в духе поставленных партией и правительством задач, сумел организовать крепкий хозяйственный и инженерно-технический коллектив завода и обеспечил крупные успехи в освоении производства завода, проявив себя как инициативный и крупный организатор»¹⁴.

Владимиров решил не выделяться из когорты областных начальников. Не самые нуждающиеся работники Уралмашзавода — дирекция, начальники отделов и цехов, их замы и помы — пользовались бесплатными квартирами и коммунальными услугами. Начальство на себя государственных средств не жалело. Ремонт 18 квартир был произведён «с допущением излишеств»: жильё заводской аристократии было украшено лепниной и отделано карельской берёзой. Рабочих ремонтно-строительного цеха освободили от выполнения работ по заводу и бросили на изготовление трёх десятков

бильярдных столов. 10 бильярдов были установлены в квартирах особо избранных. Им же предоставлялись бесплатные билеты в театр, щедро раздавались так называемые пособия для лечения (некоторые получали таковые по 2-3 раза в год), было налажено обеспечение папиросами. Начальник управления капстроительства Казиницкий преподнёс Владимирову стильную мебель, изготовленную на Украине, вытянувшую на огромнейшую по тем временам сумму – 247 тысяч рублей (правда, Владимиров, от греха подальше, эту мебель распределил среди своего окружения). Все расходы списывались на нужды завода. Папиросы проводились как административно-хозяйственные расходы, отделка квартир производилась за счёт капитального строительства¹⁵.

А на заводе тем временем шли массовые отравления рабочих генераторным газом. Наибольшее число пострадавших было в сталелитейном цехе, где «виновником» выступал неправильно установленный вентилятор. В 1935 году на заводе были зафиксированы 65 инцидентов, в 1936 году – уже 181, десятки рабочих ежегодно по этой причине становились инвалидами. В курсе проблем находились главный металлург завода, его заместитель, начальник цеха. Знал и директор. Дирекция назначила «стрелочниками» старшего мастера и сменного техника и на том успокоилась, а отравления продолжались¹⁶.

Всё так же Уралмаш не выполнял производственную программу. В продукции одного из крупнейших участков в мае 1937-го исправимый и неисправимый брак составил 92 %, ввиду чего на другом участке пришлось прекратить сборку прокатного оборудования, а рабочих перебросить на другие работы. Обращения заводчан в обком, к заведующему промышленно-транспортным отделом Г.Г. Яну результатов не возымели: брак продолжал неуклонно преследовать завод-гигант¹⁷. Ну а критиков, таких, как, к примеру, старший инженер ОТК при центральной заводской лаборатории С.М. Филин, который самоотверженно сражался не только за выявление брака, но и искоренение самих условий для выпуска бракованной продукции, с завода стремились удалить.

После безуспешных попыток дирекции создать Филину такие условия, чтобы он уволился по собственному желанию, его должность упразднили. Ведь бурная деятельность этого инженера негативно отражалась на основных показателях работы УЗТМ¹⁸. А в этом не были заинтересованы ни Л.С. Владимиров, ни И.Д. Кабаков.

Ближайшее кабаковское окружение тщательно копировало поведение своего начальника. Судя по имеющимся документам, здесь особо выделялся второй секретарь обкома К.Ф. Пшеницын. Упоминавшийся выше секретарь Краснополянского райкома ВКП(б) П.С. Залупенков рассказал случай, как он на пленуме обкома в 1936 году высказался о плохом состоянии дорог, вольно или невольно «бросив камень в огород» облисполкома. И сразу последовал вызов «на ковёр» к Пшеницыну. «Ты кем работаешь?» – задал риторический вопрос второй секретарь обкома. – «Секретарём райкома». — «Почему превращаешься в дорожного инженера, занимайся своим делом, а дорогами заниматься предоставь облисполкому». Другого секретаря райкома, Сергинского, посмеявшегося высказать недовольство действиями областных властных структур, Пшеницын прямо на радиоперекличке, чтоб остальным в назидание, грубо осадил: «Сначала умейте себя критиковать, а потом критикуйте обком!» «Ты что, думаешь новые законы нам устанавливать?» – напустился Пшеницын в своём кабинете на председателя завкома ВИЗа Леонида Яковлевича Харитонова, схлестнувшегося с директором завода Ф.Т. Колгушкиным из-за условий труда рабочих, и при грозил ему увольнением¹⁹.

Бывали исключительные случаи, когда «низовые» партработники не выдерживали начальственного хамства и начинали отвечать «местным богам» в той же тональности. Широкий резонанс получили события, связанные с перепалкой между секретарём парткома Верх-Исетского металлургического завода имени И.Д. Кабакова Максимом Фёдоровичем Григорьевым и областным начальством, случившейся на одном из пленумов Свердловского горкома. Учитывая, что этот скандал получил достаточно широкий резонанс в обла-

сти и даже был упомянут в «Правде», стоит остановиться на нём поподробнее.

«Дело визовского бунтаря» Максима Григорьева

Тридцатипятилетний секретарь парткома Максим Фёдорович Григорьев был известен во властных кругах Свердловска как человек «зубастый», ершистый, что, в отличие от других секретарей, частенько огрызался в ответ на резкие высказывания начальства, не держал, как другие, «руки по швам». «Нетерпимый, невозможный секретарь, нельзя ли кого попокладистее посадить?» – недовольно ворчали во властных кабинетах. Серьёзным отягчающим обстоятельством был и тот факт, что у М.Ф. Григорьева не ладились взаимоотношения с директором ВИЗа Филументом Тимофеевичем Колгушкиным – человеком непростым, в конце 1920-х годов работавшим на руководящих постах в Ленинграде и даже имевшим высокий статус кандидата в члены ЦК ВКП(б), разом лишившимся не только всех должностей, но и партбилета. Григорьев не ходил по заводу в роли колгушкинского подчинённого и умел отстаивать свою точку зрения, не боялся высказывать критические замечания в адрес дирекции. Колгушкин же пользовался доверием у Кабакова, был восстановлен им в партии и введён в состав кандидатов в члены обкома ВКП(б) и очень не любил, когда его критикуют, о чём даже сам открыто признавался на заводских партсобраниях²⁰.

В начале ноября 1936 года в Свердловске был созван пленум горкома, посвящённый политической агитации в свердловской парторганизации. Когда с одним из докладов на трибуну пленума поднялся М.Ф. Григорьев, сидевший позади него в президиуме секретарь обкома К.Ф. Пшеницын занялся своим любимым делом – перебивать выступавшего едкими и грубоватыми замечаниями (поэтому секретари предпочитали выступать в отсутствие второго секретаря обкома). Однако на этот раз на пленуме горкома произошёл редчайший случай: коса нашла-таки свой камень.

Когда Григорьев заговорил о переизбытке митингов, о злоупотреблении ими в ущерб индивидуальной беседе и другим формам политагитации, Пшеницын ехидно попросил выступающего поделиться опытом проведения митингов. «В данном случае я ничего не имею такого, чем бы я мог поделиться», – отмахнулся Григорьев и продолжил доклад. Но уже вскоре, когда он заговорил о стенных газетах, Пшеницын вновь его перебил. Имея на руках информацию, что в мартеновском цехе ВИЗа длительное время не выпускалась стенгазета, Пшеницын потребовал рассказать о стенгазете именно в мартеновском цехе. Григорьев «не заметил» шпильку и продолжил говорить о стенной агитации, но вскоре из президиума раздался грозный окрик Пшеницына:

— У пленума может создаться ложное впечатление о вашей работе со стенгазетой. Мартеновский цех является решающим цехом, а в нём полгода не выпускалась стенная газета.

— Я не говорю, что у нас всё хорошо со стенгазетами, – не стал отмалчиваться Григорьев, – я только привёл в пример три стенные газеты и коснулся, что в мартеновском цехе газета не выпускается, и этих недостатков я скрывать не хочу.

На том Пшеницын не успокоился и во время рассказа Григорьева о положительном опыте политагитации в складском хозяйстве вновь перебил его:

– А как по стали?

– Производственная программа выполнена на 75 процентов.

– Ты привёл складское хозяйство и не говоришь о стали.

– Ничего нет плохого, если есть на складском хозяйстве положительные результаты.

Непреклонность низового секретаря только распалила Пшеницына. «Основное и решающее – это сталь, – со знанием дела принялся поучать партийный чиновник, ни дня своей жизни не проработавший на металлургическом производстве, зато профессионально занимавшийся вопросами пропаганды и агитации. – В мартеновском цехе газеты не выходят, с политической агитацией плохо. Это не ново ни для пленума, ни для меня. Товарищ Григорьев безответственно от-

вечает. Мы требуем от каждого колхозника, от каждого хозяйственника партийности в работе, а выступление товарища Григорьева, ответы его не создают такого впечатления. Как можно пройти мимо? Для чего нужна организация политагитации, как не для того, чтобы добиться стали. Товарищ Григорьев отходит от этого, говорит о дровах, о вывозке угля. Это после того, как было решение обкома партии, резкое предупреждение. Как же это мимо этого вопроса проходить, тогда для чего же созывается пленум горкома?»

Слова высокомерного партийного чиновника лишний раз демонстрируют уровень компетентности областной власти в вопросах промышленного производства. Пшеницыну, профессиональному пропагандисту и партийному канцеляристу, было невдомёк, что надёжные тылы – рудная и топливная база, а не наличие стенгазеты в мартеновском цехе, обеспечивают ритмичную работу всего производства и выпуск конечной продукции – стали. Что стенгазета, к примеру, не могла заменить собой второй разливочный ковш, которого остро не хватало в мартеновском цехе: один ковш обслуживал сразу две большие мартеновские печи, и порой приходилось ожидать, когда он освободится²¹. Купаясь в собственном величии, удовлетворяя собственные властные амбиции, кабаковы и пшеницыны готовы были раздавить любого, кто сказал бы им, что не в митингах и стенгазетах крылась причина лихорадочной работы предприятий системы Востокостали, причина консервации строительства Новотагильского металлургического и других заводов. И последующий диалог между секретарём парткома и вторым секретарём обкома есть яркое тому подтверждение.

– Я не понимаю, что мне нужно в данном случае говорить? Я делаю доклад о политической агитации и хочу сказать, где и что у меня хорошо, – не сдавался Григорьев.

– Какую ведёте вы работу по политагитации в отношении выполнения плана по стали! – наставлял Пшеницын упрямого секретаря парткома. – О чём же больше говорить на ВИЗе, как не о политической агитации вокруг борьбы за сталь?! А потом вы можете рассказать, как отдельные подсобные хо-

зайства, лесная база и прочие работают и как вы строите свою работу там.

– Я говорю о топливном складе как об одном из подсобных цехов завода, этот цех имеет очень большое значение для завода, – безуспешно пытался донести Григорьев логику своего выступления и, поддавшись давлению Пшеницына, заговорил о недостатках политагитации в мартеновском цехе.

Но Пшеницын уже «завёлся» и продолжал перебивать Григорьева, упрекать его в невыполнении постановлений ЦК партии в вопросах пропаганды и агитации. Тридцатипятилетний секретарь парткома достойно держал удар, отвергал, что парторганизация ВИЗа в этих вопросах пребывала среди самых отстающих, почти на равных разговаривал с Пшеницыным, и это только ещё больше раздражало последнего.

Вероятно, Григорьев так бы и сошёл с трибуны без серьёзных эксцессов, если бы в этот диалог не встрял заведующий отделом партийной пропаганды и агитации обкома, член бюро обкома Николай Анисимович Узюков, решивший поддержать, казалось, выдохшегося Пшеницына: «Ты ни слова не сказал, что вы делаете в области агитации».

Прибавление сил на противоборствующей стороне Григорьев встретил агрессивно:

– Можно пойти и посмотреть, что мы делаем.

– Мы пришли в мартеновский цех и там не нашли, – вновь про стенгазету заговорил приободрившийся Пшеницын.

– Это безответственный ответ, – на ходу каламбурил Узюков, ни разу не бывавший на ВИЗе.

– В чём моя безответственность? Вы говорите: что мы делаем? Я могу сказать, что занимаемся агитацией, поскольку мы умеем, поскольку хватает сил. Если плохо занимаемся, будьте добры, помогите! – отметал претензии Григорьев.

– Всё-таки надо было сказать, как получилось, что мартеновский цех сталь выполняет на 70 процентов, [а] в стенгазете вопросы не освещаются, – не унимался Пшеницын, у которого в голове на тот момент весь широчайший спектр проблем, испытываемых свердловской металлургией, сузился до размеров стенной газеты.

— Что я могу сказать? В этом наша грубейшая ошибка, – отвечал Григорьев. – Что я могу сказать на вопрос: что вы делаете в печати?

— Большевик обязан сказать, в чём дело, – не выдержал упрямства секретаря парткома присутствовавший на пленуме «вождь уральских большевиков» и принялся поучать его, как нужно было построить своё выступление на пленуме. - <...> У нас 500 предприятий, и если все секретари парткомов скажут: приди и посмотри, что мы делаем, то я должен пойти на 500 предприятий и посмотреть.

— Я добросовестно стараюсь рассказать, что мы сделали, и вопрос товарища Узюкова я понял как иронический вопрос, что мы бездельники, – покидая трибуну, ответил Григорьев.

— Плохо вы воспитываете своих людей, товарищ секретарь, – бросил упрёк Кабаков в адрес свердловского секретаря Кузнецова, когда Григорьев сошёл с трибуны²².

То был сигнал к действию. К «воспитанию» строптивного визовского секретаря приступили безотлагательно. Ещё бы, ведь Григорьев создал весьма опасный прецедент, отвечая резкостью на резкость и дерзостью на дерзость областных начальников. Привилегию на хамство и солдафонство имели только они, а низовые работники (как поучал Кузнецов своих подчинённых горкомовских аппаратчиков) должны стоять и держать руки по швам²³. Чтобы впредь никому не было повадно подражать Григорьеву и посягать на высочайшие привилегии, в отношении провинившегося решили применить ни больше, ни меньше, а сразу высшую меру партийного наказания – выгнать из партии. Во время перерыва они успели наметить план действий, распределили роли.

Большое значение имело то, кто задаст необходимую тональность выступлений. После перерыва председательствующий на пленуме секретарь горкома Кузнецов первому слово предоставил тёзке Григорьева – Максиму Фёдоровичу Коссову – бывшему туляку и нынешнему кабаковскому приближённому, первому секретарю Сталинского райкома ВКП(б). Коссов старался изо всех сил: «Та реплика, которая была дана товарищу Григорьеву со стороны Ивана Дмитриевича Каба-

кова, она совершенно правильная, большевистская реплика, как руководителя нашей свердловской организации. Товарищ Кабаков правильно поставил вопрос: нельзя себя так держать руководителю на пленуме горкома. Как же мы, если здесь так отвечаем, разговариваем, то как рассуждаем с рядовыми членами партии, беспартийными рабочими. Реплики, которые давал секретарь обкома партии товарищ Пшеницын, они были совершенно правильные реплики, которые давали направление, учат каждого секретаря парткома и секретаря райкома. Товарищ Узюков ничего плохого не сделал, когда дал реплику. Я считаю, что поведение товарища Григорьева не только не заслуживает звания секретаря парткома, но и члена партии. Нельзя так непартийно держать себя на ответственных заседаниях и вообще нельзя так отвечать. Стало быть, и на заводе имени товарища Кабакова, по всей вероятности, товарищ Григорьев держит себя ещё похлеще с рядовыми членами партии и рабочими». И заключил, санкционируя «публичную порку» визовского секретаря: «Нельзя обойти молчанием такого докладчика на пленуме горкома».

Коссов, таким образом, поставил вопрос не только о снятии Григорьева с должности, но и об исключении из партии.

Члены бюро обкома терпеливо ожидали горячего одобрения «высочайшего мнения». Но... поднимавшиеся на трибуну участники пленума обходили инициативу Коссова молчанием. Лишь секретарь парткома фабрики «Обувь» К.В. Склюева назвала выступление Григорьева «недостаточным» ни как для секретаря парткома ВИЗа, ни как для большевика. Сказала о возмущении со стороны членов пленума «задорным тоном» визовского секретаря и предложила Кузнецову поставить вопрос о поведении Григорьева (по всей видимости, на бюро горкома). Решительный настрой Склюевой был вполне объясним: она была обязана Кабакову за восстановление в партии её отца, исключённого в Перми при проверке партдокументов, снятого с работы и оставшегося без средств к существованию²⁴.

Остальные «возмущённые» члены пленума сидели, словно набрав в рот воды. Многих сидевших в зале секретарей

обкомовское начальство не раз поносило на чём свет стоит, а потому даже редкая возможность выслужиться, растерзав одного из своих, на этот раз никого не прельстила. Молчание «маленьких» секретарей было весьма тревожным симптомом для секретарей «больших».

«Большие» не унывали, будучи уверенными в своей правоте, и кинулись перекраивать заранее заготовленный проект постановления пленума горкома. В новом варианте они старательно «вывели» провинившегося: «Секретарь парткома ВИЗа т. Григорьев самоустранился от руководства агитколлективом, подбором агитаторов не занимался, агитаторы во многих случаях не соответствуют предъявленным к ним требованиям...». Не позабыли вставить «ключевое» обвинение: «...в течение шести месяцев в мартеновском цехе не выходила стенгазета»²⁵.

Прекрасно осознавая, что словесными угрозами партийные начальники не ограничатся, при всяком удобном случае начнут вставлять палки в колёса и не дадут спокойно работать, М.Ф. Григорьев 9 ноября направился в горком на приём к Кузнецову и попросил освободить его от секретарства на ВИЗе: я поддержки со стороны горкома и со стороны товарища Пшеницына не имею и работать не могу. Кузнецов ничего конкретного не обещал и лишь бросил: подумаем. Было ясно, что первому секретарю горкома необходима санкция областных партийных начальников – Кабакова и Пшеницына. И, как оказалось, не зря многоопытный партаппаратчик Кузнецов ушёл от прямого ответа: «тихая» отставка секретаря парткома ВИЗа не могла удовлетворить хозяев главных обкомовских кабинетов. Спустя некоторое время посредством первого секретаря Кагановичского райкома Н.П. Сорокина Григорьеву было дано указание незамедлительно, в тот же день организовать общее партийное собрание ВИЗа. Причём не простое, а отчётное, чтобы Григорьев отчитался на нём о проделанной работе. Расчёт начальства был незамысловат: Григорьев физически не сможет за несколько часов подготовить полноценный, тщательно выверенный отчёт парткома, впопыхах выпустит какие-либо детали и допустит ошибки,

и его легко можно будет распнуть. А главное, распнуть прилюдно и очень больно, на глазах руководимой им парторганизации.

Григорьев прекрасно понимал, куда клонит высшее руководство, и предпринял ряд контршагов. В первую очередь он категорически отказался от экстренной организации такого партсобрания. «Ломать» Григорьева не стали, дали 2-3 дня, рассчитывая, что они и без того добьются желаемого.

Следующим действием Григорьева стало требование, выдвинутое им на ближайшем заседании бюро Свердловского горкома 15 ноября (М.Ф. Григорьев входил в состав бюро горкома на правах кандидата), – рассмотреть его заявление об отставке. Цель данного шага визовского секретаря вполне обоснована: уйти по собственному желанию, по личной инициативе. Председательствующий на заседании завотделом партийных кадров горкома Г.П. Есиков (Кузнецов вместе с Кабаковым уехал в Москву на VIII Чрезвычайный съезд Советов) вынужден был поставить вопрос на повестку дня. Решение проголосовали. Правда, документально оформлять принятое решение Есиков не стал, оно так и осталось лишь на словах²⁶. Да и замыслы руководителей обкома после добровольной отставки Григорьева не изменились: они не желали менять заранее составленный сценарий и предвкушали скорую показательную расправу над строптивым секретарём.

На собрание, созванное спустя полторы недели после пленума горкома, командировали М.Н. Маргевича, недавно повышенного до заведующего промышленно-транспортным отделом горкома, с заданием: собрание должно поставить парткому неудовлетворительную оценку, а Григорьева с работы снять. «Но если пойти на визовскую парторганизацию и сказать, что мы снимаем Григорьева потому, что он непокорный, разве это можно? — раскрывал в марте 1937-го «внутрипартийную кухню» преемник Г.П. Есикова, заведующий отделом партийных кадров горкома Иван Алексеевич Кормилов. — Мы же дипломаты, старые матёрые партработники, мы говорим: поставить отчёт на общем собрании, а при от-

чёте сделать так, чтобы работу признали неудовлетворительной»²⁷.

Сопротивление воле главных партийных начальников со стороны секретаря низовой парторганизации было изначально обречено на провал. Единственное, на что мог рассчитывать М.Ф. Григорьев, это максимально смягчить неминуемый удар. Выступая перед собранием с отчётом, он попытался перехватить инициативу, для чего отбросил «большевистскую» и всякую иную принципиальность и занялся самобичеванием. «Товарищ Пшеницын на пленуме горкома совершенно правильно критиковал наши недостатки в агитационной работе на главных и отстающих участках нашего завода, и особенно в мартене, – каялся визовский секретарь в отчётном докладе. – Я должен сказать, что на пленуме горкома я допустил грубейшую ошибку, неправильно реагируя на справедливую критику товарища Пшеницына, который требовал ответа: как мы боремся за лозунг партии давать 60 тысяч тонн стали и 45 тысяч тонн проката в сутки. Я реагировал на эту критику не по-большевистски и тем самым допустил грубую ошибку».

М.Ф. Григорьев недвусмысленно указал визовцам, за какие именно проступки его следует «бить». Тем более, вряд ли в зале находились те, кто не догадывался, по какому поводу в экстренном порядке понадобилось созывать общее партсобрание, да ещё и с отчётом.

Но заводские коммунисты словно ничего не поняли и, поднимаясь на трибуну, не считали нужным говорить об инциденте, произошедшем на последнем пленуме горкома. Мало того, многие ораторы принялись оценивать работу своего парткома и его секретаря положительно, будто нарочно испытывая терпение горкомовского представителя Маргевича²⁸.

Сломить воцарившееся на собрании настроение поспешил первый секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) г. Свердловска Николай Павлович Сорокин. Со слов поднявшегося на трибуну тридцатидвухлетнего районного начальника выходило, что не было в районе парторганизации хуже визовской: идейный уровень парторганизации низок, пар-

тийная дисциплина не на должной высоте, членские взносы уплачиваются плохо, порядок снятия с партийного учёта нарушается, «с сочувствующими – плохо», требования обкома и горкома о постановке политической агитации не выполняются, со стахановским движением – неблагополучно. Не забыл Сорокин о «ключевом» обвинении: «Я должен указать на непартийное поведение товарища Григорьева на пленуме горкома. Об этом сам он говорил в своём докладе. Тем не менее, осадок у членов пленума горкома остался непартийный [в стенограмме исправлено на «неприятный». – А.С.] Обком и горком много занимается ВИЗом и уважает визовскую организацию. Но товарищ Григорьев на пленуме горкома вёл себя непартийно по отношению к членам бюро областного комитета партии. Не случайно Иван Дмитриевич Кабаков задал вопрос товарищу Кузнецову: как вы воспитываете секретарей? Такое поведение культивирует мелкобуржуазную расхлябанность, а не укрепляет партийную дисциплину». Сорокин предупредил визовцев, что и кто должны стать объектами критики на данном собрании. «Неправы выступающие товарищи, которые говорят, что тормозом в работе завода являются вопросы хозяйственной, а не партийно-массовой работы, – уверенно заявлял с трибуны ещё один «крупный знаток» чёрной металлургии. – Партийно-массовую работу мы Должны строить вокруг определённых лозунгов. 60 тысяч тонн стали и 45 тысяч тонн проката – вот лозунг, вокруг которого должна строиться вся партийно-массовая работа. Вокруг каждого вопроса аварий и поломок валков должна строиться партийно-массовая работа».

Дабы закрепить достигнутый районным секретарём результат, к трибуне направился заведующий промышленным отделом горкома М.Н. Маргевич. Своего раздражения происходящим Михаил Николаевич не скрывал. «Когда слушаешь прения по отчёту парткома, то странно звучат выступления, что в работе парторганизации есть сдвиги, – начал он с места в карьер. – Это говорили Щепина и другие. Это не совсем правильно. В этом заключается большой смысл, и отрицательный смысл, что мешает парторганизации стать на

крепкие ноги. Отчёт парткома вы слушали не для того, чтобы петь ему дифирамбы, а для того, чтобы вскрыть недостатки и устранить их. Горком дал специальное указание парткому отчитаться о работе, потому что плохо ещё работали, и нотки о достижениях демобилизуют парторганизацию».

Заведующий промышленным отделом горкома обвинил партком ни больше, ни меньше – в невыполнении заводом производственной программы, в поломке 400 прокатных валков стоимостью два миллиона рублей, в прогулах рабочих («...не разъяснили рабочим, что гулять нельзя»). И всё же, невзирая на эти «перлы», на трибуне Маргевич «работал» не столь топорно, как секретарь райкома Сорокин. «Критикуя работу парткома, мы ни в коей степени не снимаем ответственности с хозяйственного и технического руководства, – уверял он собравшихся. – И с них тоже будет спрошено. Я это говорю к тому, чтобы меня не поняли, что во всём виновата парторганизация. Но так как мы сегодня слушаем отчёт парткома, то поэтому и говорим о недостатках партработы». В качестве главного обвинения Маргевич выдвинул уже не отсутствие стенгазеты в мартеновском цехе (хотя об этом тоже не забыл упомянуть), а невыполнение парторганизацией принятого 3 сентября 1936 года решения бюро Свердловского обкома ВКП(б) о работе ВИЗа²⁹.

Здесь следует пояснить, что имел в виду заведующий отделом горкома партии. Бюро обкома в упомянутом Маргевичем решении уделило парткому и его секретарю даже больше внимания, нежели директору завода:

«2. Предложить секретарю парткома т. Григорьеву и председателю завкома металлургов т. Харитонову на основе развёртывания большевистской самокритики мобилизовать партийную, профсоюзную организации завода на борьбу с расхлябанностью, нарушениями трудовой дисциплины и оказать в этом деле полную и всемерную поддержку директору завода и начальникам цехов в деле укрепления единоначалия. Решительно искоренить в ряде цехов формальное отношение к соцсоревнованию, направить растущую активность стахановцев, ударников и рабочих масс, прежде всего,

на борьбу с авариями, прогулами, с нарушителями трудовой дисциплины, на разоблачение аварийщиков и разгильдяев.

3. Особое внимание парткома и завкома должно быть обращено на постановку работы со специалистами и повышение их руководящей роли в организации стахановской работы на заводе. Обеспечить активное участие ИТР в разрешении организационно-технических и технологических задач. Необходимо для развёртывания стахановского движения добиться того, чтобы инженеры и техники стали действительными организаторами стахановского движения, сами были образцами трудовой дисциплины и укрепления единоначалия».

Обком, выдав Григорьеву и Харитонову столько задания, словно кто-то из них был директором завода, а второй – его замом, последним пунктом связал обоих по рукам и ногам, поставив в полную зависимость от директора настоящего, в отличие от секретаря парткома и председателя завкома, сосредоточившего в своих руках административный ресурс: «Предупредить тт. Колгушкина, Григорьева и Харитонova, что если они не обеспечат на деле дружной совместной работы, не устранят крупнейших недостатков на порученных им участках работы, они будут привлечены к строжайшей партийной ответственности за срыв плана, имеющего важнейшее государственное значение»³⁰.

Следует здесь заметить, что требование обкома к секретарю парткома и директору завода обеспечить «дружную совместную работу» шло вразрез с указаниями верховной власти о развитии критики и самокритики и ликвидации так называемой семейственности в управленческой практике. Но в Свердловской области на указания верховной власти традиционно не обращали особого внимания.

Формально невыполнение обкомовского решения было весьма серьёзным обвинением и грозило оргвыводами и наложением партийных взысканий. Правда, при этом неизбежно возникали другие вопросы: была ли в принципе у парткома возможность за прошедшие пару месяцев с момента принятия обкомовского постановления кардинально повли-

ять на показатели работы завода и выполнить все обкомовские указания? И, если наказывать секретаря парткома Григорьева снятием с должности, то какая мера наказания будет выбрана для главного виновного в невыполнении производственной программы – директора завода Ф.Т. Колгушкина, подвергшегося резкой критике со стороны визовских коммунистов? Ведь первый пункт упомянутого выше постановления бюро обкома был сформулирован следующим образом: «Отметить, что т. Колгушкин вместо принятия мер по укреплению руководства работой на заводе самоуспокоился на достигнутых успехах прошлого года и руководство заводом в этом году отдал во власть самотёка. Обязать т. Колгушкина навести большевистский порядок на заводе. Предупредить т. Колгушкина, что если он не обеспечит выполнения производственного плана и не искоренит нарушения трудового законодательства на заводе, то будет привлечён к суровой партийной ответственности»³¹.

Партийные начальники голову над этим не ломали, искренне полагая, что лишь исключительно нахрапом и искусным жонглированием фактами им удастся добиться желаемого. А потому сразу после выступления М.Н. Маргевича прения были свёрнуты, дабы начальственные указания не позабылись и не затерялись среди высказанных мнений. И потому же, когда на собрании был зачитан проект постановления по отчётному докладу парткома, М.Н. Маргевич поспешил объявить своё «высочайшее мнение» относительно его основных положений: «В проекте записано, что в работе парторганизации есть некоторые достижения. Я считаю это неправильным и предлагаю заменить это такой формулировкой, что партком не обеспечил выполнения решения горкома и обкома, и ни о каких сдвигах говорить не следует».

Маргевич ожидал от визовцев беспрекословного подчинения волеизъявлению высокого партийного начальства, рупором которого он здесь выступал, однако должного впечатления ни на кого его слова не произвели. Из зала тут же посыпались возражения, и открытым голосованием постановление было принято.

В итоге Маргевич задание обкома провалил: невзирая на основательный нажим на визовских коммунистов, собрание признало работу парткома удовлетворительной. Первые же строки принятого постановления свидетельствовали о тяжёлом поражении городского и районного начальства: «Заслушав и обсудив отчётный доклад секретаря парткома тов. Григорьева о работе парткома, общезаводское партийное собрание отмечает, что за период работы данного состава парткома в работе и состоянии партийной организации имеется значительное улучшение»³².

Соответственно, не стало и повода, чтобы убрать с завода секретаря парткома. «А убрать-то надо!» – позже откровенничал перед участниками городского партактива Кормилов. Маргевич и Сорокин кинулись к телефону за указаниями. Есиков, сидевший в горкоме за секретаря, категорически запретил обосновывать отставку Григорьева решением бюро горкома ВКП(б). В дальновидности партфункционеру отказать сложно: снятие Григорьева решением бюро горкома партии за спиной общего партсобрания ВИЗа могло вызвать в вазовской парторганизации взрыв недовольства городскими властями, тем более в данной ситуации, когда заводские коммунисты поддерживали своего секретаря и наотрез отказались признавать работу парткома неудовлетворительной. За очередной конфликт в городской парторганизации Кабаков и Кузнецов по голове Есикова бы не погладили.

И тогда в начальственные головы пришла мысль, каким образом можно обойти мнение парторганизации и при этом не разглашать «партийные тайны». Григорьева решили объявить больным. Об этом Есиков с Маргевичем и Сорокиным договорились в ходе очередных телефонных переговоров, и последние двое донесли мнение начальства до визовского секретаря: выступи сам и скажи, что ты по болезни должен уйти. Григорьев стал категорически возражать. «...Я не вижу ничего плохого в том, что если будет объявлено решение бюро горкома, скрывать его от парторганизации нельзя. Я сказал, что с таким заявлением я не выступлю», – вспоминал он полгода спустя на общем собрании на ВИЗе. Марге-

вич с Сорокиным вновь отправились звонить в горком, но Есиков настаивал на своём. Григорьев на этот раз под начальственным натиском не устоял и вынужден был сдать позиции: «Я подумал: если я не выступлю, останусь секретарём парткома, какие будут перспективы? Поддержки я не чувствую, вопросы сам решать не могу»³³.

Заявление он сделал сам на том же партсобрании, пояснив, что обратился с просьбой к районному и городскому комитетам ВКП(б) освободить его от занимаемой должности «в связи со сложившимися обстоятельствами и плохим состоянием здоровья». «С разрешения горкома и райкома я ставлю этот вопрос и перед партийным собранием. Прошу мою просьбу удовлетворить. О решении горкома и райкома товарищи Сорокин и Маргевич тут, очевидно, скажут», - заключил Максим Фёдорович.

— Наше мнение, товарища Григорьева нужно освободить, так как у него действительно дело со здоровьем обстоит плохо, а работа на заводе требует большего напряжения сил, — не моргнув глазом, подтвердил заявление Григорьева первый секретарь райкома Сорокин.

— Не связано ли предложение об освобождении товарища Григорьева ещё с какими-либо причинами? — последовал вопрос из зала.

— Никаких других причин, кроме сказанных товарищем Григорьевым и мною, нет, — заверил собравшихся главный районный начальник.

Члены партсобрания послушно проголосовали. Здесь же исполнение обязанностей секретаря возложили на заместителя секретаря Щепину, которая тщетно просила не вешать на неё, даже временно, руководство парткомом, т. к. действительно была слаба здоровьем и в тот момент с трудом передвигалась из-за высокой температуры³⁴.

В течение полутора месяцев Максим Фёдорович Григорьев оставался безработным. После, уже в январе, чтобы не вызывать подозрений (парторганизация ВИЗа долго «гудела», недовольная отзывом своего секретаря), его временно трудоустроили инструктором в отдел парткадров горко-

ма (под начало Кормилова), а сами тем временем принялись оформлять перевод «больного» на службу в Красную Армию. Сделать это было несложно: секретарь горкома Кузнецов был дружен с начальником политуправления Уральского военного округа Г.А. Зиновьевым. А потому последний поставил в обкоме вопрос об отзыве Григорьева. Пшеницын «отвратительно охарактеризовал» Максима Фёдоровича и «препятствовать» не стал: «Вот хотите, так берите»³⁵.

И забрали бы. Да к тому времени у Кабакова и его сподвижников появилась возможность подвести Григорьева под политическую статью, т. е. не просто исключить «бунтаря» из партии, но и надолго упрятать за решётку, а не исключено – подвести под расстрел. Тем более актуальным это стало после того, как визовцы, недовольные своим новым партийным секретарём С.И. Рябчиковым – ставленником Кабакова и Кузнецова, вознамерились его свергнуть и вернуть себе прежнего секретаря.

«Спусковым крючком» для столь бурного развития событий на ВИЗе невольно послужило упоминавшееся выше выступление И.А. Кормилова в марте 1937-го, когда по итогам февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в Свердловске был созван городской партийный актив. Кормилов с санкции М.В. Кузнецова решил «раскрыть карты» в ответ на задаваемые визовцами вопросы об истинных причинах отставки Григорьева. Вопросы эти прозвучали как в ходе мартовского общего партсобрания ВИЗа, где Кормилов представлял городские власти, так и в самом начале городского партактива – в выступлении начальника лаборатории мартеновского Цеха, председателя бюро инженерно-технических специалистов Фёдора Ивановича Могиленских.

Выступал Кормилов на партактиве как заправский артист. На его живописания свердловского партийного закулисья зал реагировал заинтересованно – смехом и рукоплесканиями. Встречая столь оживлённую и восторженную реакцию публики, И.А. Кормилов выбрасывал в зал всё новые подробности, не забывая об искусной подаче материала. И меж тем не заметил, как перешёл грань дозволенного,

за что впоследствии «получил» от главных свердловских начальников³⁶.

И не только от них: артистизм Кормилова по достоинству оценила главная советская газета. «В Свердловском горкоме процветали непартийные нравы. Без тени смущения, даже с некоторым бахвальством заведующий отделом кадров горкома тов. Кормилов рассказал о том, как снимали с работы Григорьева, секретаря парткома Верх-Исетского завода, — отмечалось в статье правдинского корреспондента, опубликованной в номере от 28 марта 1937 года. — Григорьев был непокорный секретарь парткома, критиковал. В горкоме сочли необходимым убрать его. Долго искали повода для этого. Наконец, решили поставить его отчёт на партийном собрании и затем снять с работы, как человека исправившегося. Однако не вышло! Собрание, отметив недостатки в работе Григорьева, признало его работу удовлетворительной. Выход в горкоме всё же нашли: Григорьева освободили “по болезни”»³⁷.

Раскрытие «партийных тайн» не замедлило сказаться на настроениях визовских коммунистов. Внешне это проявилось в ходе созванного в апреле общего партийного собрания, где визовцы выплеснули недовольство новым секретарём парткома Сергеем Ивановичем Рябчиковым. На фоне негативного отношения к Рябчикову многие заводчане с теплотой начали отзываться о предыдущем секретаре Григорьеве, с негодованием вспоминая обстоятельства его отставки. Особенно досталось заведующему отделом горкома М.Н. Маргевичу, который, как с обидой высказался один из заводских работников, держал визовских коммунистов чуть ли не за дураков. «Обманули парторганизацию, когда сняли Григорьева, самым похабным образом обманули», — возмущался другой оратор, молодой коммунист, комсорг мартена Муратов. И неожиданно предложил: «Я вношу предложение и думаю, что это предложение дойдёт до райкома, горкома и обкома, чтобы Григорьев был на собрании, чтобы он имел право избирать и быть избранным». Зал поддержал мысль Муратова аплодисментами³⁸.

Время шло, один оратор сменял другого, собрание продолжилось на следующий день, а Григорьев в зале всё не появлялся. Оказалось, что президиум партсобрания, куда входил районный секретарь Н.П. Сорокин, даже не пошевелился, чтобы исполнить волю визовских коммунистов. Её просто не восприняли всерьёз. Кто-то из зала отправил в президиум записку: «Почему нет Григорьева?» Огласив её, председательствующий ответил, что Григорьев, как инструктор горкома, находится в других организациях.

Районное и парткомовское руководство полагало, что этого будет вполне достаточно, чтобы все успокоились и забыли о своей просьбе. Но визовцев такой ответ не удовлетворил. «Почему он здесь не присутствует, потому что его не приглашали?» – стали допытываться из зала. – «Товарищ Григорьев о собрании не извещён, так как он состоит на учёте в другой организации», – невозмутимо отнёл претензии председательствующий³⁹.

Партийное начальство недвусмысленно дало понять, что не желает видеть на собрании М.Ф. Григорьева. А на ВИЗе не было секретом, что идти против воли начальства было чревато последствиями. Примеров тому было немало. Правдолюбков объявляли дезорганизаторами производства, аварийщиками, и с завода изгоняли либо отказывали им в материальной помощи, без которой выжить было трудно, объявляли взыскания. «...Как же я могу критиковать Колгушкина, Гурвича? А начну строить дом, крышу не дострою, критикну, и на крышу железа не хватит», – под смех присутствующих разъяснял заводские реалии директор курсов мастеров социалистического труда, член секретариата собрания Георгий Георгиевич Колобаев. На конкретных примерах Колобаев показывал, что возражать заводскому руководству материально не выгодно, и напротив, какие финансовые поощрения получают лояльные начальству визовские работники.

Но политическая атмосфера в стране стремительно менялась, и заткнуть рот недовольным стало не столь же легко, как это было совсем недавно. «Вчера было требование, чтобы он [М.Ф. Григорьев. – А.С.] присутствовал. Бюро долж-

но было его известить», – раздался решительный голос из зала. «Есть мнение всего собрания пригласить товарища Григорьева к нам. Может быть, горком это учтёт и его к нам пошлёт?» – поддержал другой. Продолжать пререкаться с залом означало для членов президиума лишь нагнетать обстановку. «Есть предложение просить горком, чтобы у нас на собрании присутствовал товарищ Григорьев», – сдал свои позиции председательствующий и поставил вопрос на голосование. Собрание подняло руки в знак согласия⁴¹.

Переломить настроения, снизить накал страстей на партсобрании и заодно снять с себя обвинения в устранении Григорьева с ВИЗа попытался секретарь райкома Сорокин. Стоя на трибуне, районный секретарь уверял, что Григорьев действительно сам почти сразу вслед за памятным ноябрьским пленумом горкома подал заявление об уходе. На вопрос прибывшего с курорта Сорокина о причинах Григорьев якобы «помялся-помялся» и ответил: здоровышко плоховато, плохо себя чувствую. И на этом основании бюро горкома ещё до общего партсобрания на ВИЗе приняло решение просьбу эту удовлетворить.

Оценку «дела Григорьева», которую дала «Правда», Сорокин ревизовать не осмелился (хотя и намекнул на неточность изложенных газетой обстоятельств): «Но, по сути дела, здесь было это дело из-за подхалимства. “Правда” в несколько ином тоне дала это выступление. Насчёт выступления Кормилова можно сказать, что это было несколько бахвальное выступление. Но как ни расценивай, но итог такой, что Григорьев был снят в порядке подхалимства. Виноват ли здесь Сорокин или Иванов, но итог таков, и здесь, конечно, надо по-большевистски сказать. И у отдельных членов горкома не было единодушного мнения в этом вопросе: снимать или нет, обсуждать или нет. Но заявление Григорьев лично подавал».

Сорокина перебили вопросом: «Почему он подал заявление?» (члены визовской парторганизации давали понять, что не желают в очередной раз остаться в «дураках»), – «Не знаю. Григорьев придёт и лично объяснит, а может быть, товарищ

Кормилов знает», – умело «перевёл стрелки» первый секретарь райкома, прекрасно всё знавший, но явно не желавший наступать на «кормиловские грабли». А чтобы его «незнание» выглядело правдоподобным, Сорокин явил собравшимся и без того очевидную верхушку айсберга: «Я знаю, что он выступал на пленуме горкома 4 ноября. Ему бросали реплики Пшеницын, Узюков, и он как-то резко огрызнулся, что...: вы на заводе не были, не знаете порядков, что мне так говорите. Это я передаю вольно, как мне представляется это дело, так как, повторяю, сам не был. Григорьев мне говорил об этом, что на него напали и не давали говорить, а десятого [ноября] он мне сказал, что подал заявление [об уходе]. А на собрании я подтвердил, что какой-нибудь большой причины нет, что он только просит по болезни, и всё. Вот как обстояло дело с Григорьевым. Ну, тут “историки” найдутся, которые всё знают от начала до конца и расскажут. Но я говорю, что какие бы обстоятельства ни были, но объективно, по существу, это, конечно, свелось к тому, что было подхалимство в этом деле»⁴².

Сорокин, как и следовало предполагать, не сумел охладить пыл визовских коммунистов, вожделевших видеть у себя бывшего секретаря парткома. В раздававшихся с трибуны партсобрания выступлениях исподволь стал вырисовываться образ Григорьева как безвинно пострадавшего по прихоти больших начальников. Нет-нет, да и проскальзывавшие ранее в его адрес критические нотки теперь вовсе исчезли. Визовские коммунисты ждали прибытия Григорьева на завод, периодически напоминая об этом президиуму собрания. Горкомовское же начальство, в свою очередь, не спешило выполнять их требование, направив Григорьева на отчётно-выборное собрание парторганизации аффинажного завода. Зато на одном из заседаний на ВИЗе, явно неспроста, появились И.Д. Кабаков с М.В. Кузнецовым, но на трибуну не выходили и слова не просили⁴³. Столь странный визит вряд ли объяснялся простым любопытством (у Кабакова в это время была масса забот в связи с проведением отчётно-выборной кампании). Всё указывает на то, что это был жест, обусловленный стремлением больших начальников лишь одним сво-

им присутствием напомнить, кто здесь главный, продемонстрировать визовской парторганизации, что за всем, что у них происходит, они внимательно следят. И, тем самым, сдерживать критику в определённых рамках. Ведь если и без того редкие критические замечания в адрес М.Ф. Григорьева постепенно сошли на нет, то негатив в адрес высокого начальства, напротив, усилился.

Так, Ф.И. Могиленских в своём выступлении обвинил самого Кабакова в «смазывании» вопроса о начальнике мартеновского цеха ВИЗа Гарбузе. Суть дела заключалась в том, что заводская парторганизация летом 1936 года обвинила Гарбуза в очковтирательстве – в приписках к выполнению производственного плана. Обком, сперва согласившись с этим мнением, что нашло своё отражение в ряде принятых решений, после беседы директора ВИЗа Колгушкина с И.Д. Кабаковым резко изменил свою точку зрения на диаметрально противоположную. Колгушкину, поначалу демонстрировавшему солидарность с мнением парткома, удалось внушить Кабакову, что Гарбуза травят на заводе и что он незаменим. И Кабаков, высказав мнение, что необходима тщательная проверка, незамедлительно, без всякой проверки отдал визовской парторганизации новую директиву: «по-моему, тут начался поход против Гарбуза», Гарбузу на заводе необходимо создавать авторитет. «Роль обкома партии и, в первую очередь, его секретаря товарища Кабакова должна быть определена по-большевистски в части вскрытия двурушника, кандидата в члены пленума обкома товарища Колгушкина», – заявил Могиленских⁴⁴.

Председатель завкома Л.Я. Харитонов в своём выступлении раскрыл фамилии «заказчиков» смещения Григорьева с должности: «...Основной виновник – это Пшеницын и замсекретаря горкома Есиков. Кузнецова и Кабакова в городе не было. Есиков приказал провести это собрание».

Досталось и Н.П. Сорокину. «Не может быть, чтобы секретарь райкома не знал основного мотива, по которому снимается секретарь парткома крупной организации в районе, – заявляла парторг заводской лаборатории Цирельсон.

Товарищ Сорокин должен был рассказать о том, что не заболевание послужило причиной снятия Григорьева с работы»⁴⁵.

Следующим, кто внёс весомый вклад в «низвержение авторитетов», стал сам Максим Фёдорович Григорьев. Его появление сначала в зале, а затем на трибуне на пятый день конференции, 11 апреля, стало долгожданным событием. И он не разочаровал визовских коммунистов. Григорьев достаточно подробным образом, без излишних эмоций и резких обвинений, с подкупающей искренностью и опираясь на известные ему факты изложил обстоятельства своего свержения с секретарской должности, назвал главных действующих лиц (тем самым подтвердив слова Харитоновы и опровергнув утверждения Сорокина о своей непричастности и неинформированности), рассказал о своих непростых взаимоотношениях с директором завода Колгушкиным и вторым секретарём обкома Пшеницыным. Несмотря на отсутствие дерзких обвинений в адрес власть предержащих (самые «тяжкие» из них были адресованы К.Ф. Пшеницыну, что тот относился к Григорьеву с предубеждением, и к недавно застрелившемуся Узюкову, «...который на заводе не бывал и знал завод только по бумаге»), в целом выступление рядового аппаратного работника можно оценить как достаточно смелое, раскрывающее нелицеприятное обкомовское и горкомовское закулисье. Источник своего вдохновения Григорьев назвал в завершение выступления: «Мы знаем, что решение последнего пленума ЦК и доклад товарища Сталина вздыбили партию, в большинстве организаций таких собраний не было, по-настоящему развязались языки, не опасаясь, что тебя кто-то прижмёт. Сказать всю правду — это значит помочь парторганизации первичной, горкому партии, обкому партии до конца вскрыть ошибки и исправить [их], так как самокритика и критика являются признаком силы партии, и только этим путём любая организация, от первичной до областной, смогут действительно по-боевому, по-настоящему выполнить величайшие указания товарища Сталина»⁴⁶. Зал проводил своего бывшего секретаря с трибуны аплодисментами.

Не только заключительные слова, но и всё выступление молодого партаппаратчика, его уверенность и смелость на общем партсобрании свидетельствовали о его искренней вере чуть ли не в магическую силу «величайших указаний товарища Сталина», вере в них как в непреложный закон для всех партийных органов власти в СССР. Не пройдет и нескольких дней, как ему жёстко дадут понять, чьи на самом деле законы действуют на территории Среднего Урала.

К исходу первой недели заводское собрание всё больше склонялось к идее вернуть М.Ф. Григорьева партийным секретарём на ВИЗ. Если бы это случилось, то стало бы без преувеличения громким провалом областного и городского начальства. И дело даже не столько в том, что одну из крупных низовых парторганизаций в Свердловске возглавил бы неугодный обкомовским и горкомовским секретарям человек, как бы больно это ни ударило по их самолюбию. Гораздо важнее было другое обстоятельство: избрание Григорьева могло вызвать в городе и области цепную реакцию, ведь подобные отчётно-выборные собрания в это время проходили во всех низовых парторганизациях, а на очереди стояли районные и городские конференции. На заводах и фабриках, в многочисленных учреждениях местные коммунисты, с оглядкой на визовский прецедент, могли без должного пиетета взирать на нужные властям кандидатуры, принялись бы их «проваливать» и двигать свои (а нужно сказать, что даже без ВИЗа подобные ситуации назревали во многих парторганизациях).

Члены президиума визовского партсобрания к концу прений фактически расписались в собственной беспомощности направить ход обсуждений в нужное русло. Сейчас для них главным было избежать обвинений в обмане партии, в двурушничестве и, не исключено, последующего расставания с партбилетом. А потому они дружно кинулись спасать собственные шкуры. «Тут бросили реплику: Сорокин скривил душой. Я уже сказал, что на пленуме [горкома] я не присутствовал, – взял слово для справки первый секретарь райкома. – Какие разговоры были с Кузнецовым, мне неизвестно. Григорьев подал заявление – вот как обстояло дело! Я счи-

таю, что моё выступление – правильное, потому что объективно свелось к тому, что проявилось подхалимство, но в отношении Григорьева я первый раз слышал, как ставился этот вопрос».

Действующий секретарь Рябчиков в заключительном слове тоже оправдывался: «Меня обвиняли в том, что я не выступил по “делу Григорьева”. Я считаю [это обвинение] неправильным. Я Григорьева не снимал и брать ошибки на себя за [снятие] Григорьева не хочу. Пусть кто снимал, тот и отвечает. Когда Григорьева сняли, я не работал в парторганизации [на ВИЗе], а мне приписывают: ты не рассказал»⁴⁷.

Безучастно наблюдать капитуляцию визовского и районного секретарей высокие инстанции не намеревались и решили вмешаться в ход партсобраний. Когда прения уже были завершены (а случилось это почти вслед за выступлением М.Ф. Григорьева), 13 апреля на ВИЗ прибыл Иван Алексеевич Кормилов. Тему своего выступления он обозначил сразу: «дело товарища Григорьева».

Чтобы сломить визовцев, представитель горкома решил развенчать сложившийся у них образ бывшего визовского секретаря, а ныне – своего подчинённого. Начал он весьма решительно и самоуверенно: «Надо сказать, что и товарищ Григорьев в своём выступлении (я его стенограмму только что прочитал) не страдает скромностью большевика. В скромности его обвинить нельзя. По его выступлению именно выходит, что он – стопроцентная жертва, на 100 процентов невинная фигура, пострадавшая при зажиме самокритики и всяких других вещах, которые царили у нас в городской парторганизации. И он – великомученик, образ, представляющийся здесь на трибуне этого собрания, заслуживающий слёз умиления, аплодисментов и всяких других демонстрации со стороны партсобраний».

Заодно Кормилов дал оценку настрою визовских коммунистов по отношению к Григорьеву, недвусмысленно намекнув на групповщину и антипартийные действия. «Целая группа товарищей буквально хочет какую-то политическую демонстрацию проявить в отношении горкома, обко-

ма, требуя присутствия Григорьева немедленно, требуя, чтобы его немедленно выставили в состав президиума, выдвинули в список: будем голосовать, в пику вам всем его выберем. Я считаю, что здесь именно получаются легенды. Здесь имеется неглубокий, недоловой, непартийный подход к этому вопросу»⁴⁸.

Столь категоричное начало выступления Кормилова, решительные выпады в адрес бывшего визовского секретаря и поддерживавших его визовцев предвещали неминуемое скандальное разоблачение сложившегося на заводе «героического образа». Визовцам оставалось лишь покорно дожидаться краха всех «легенд», связанных с Григорьевым.

И тем удивительнее было, что ожиданий на этот раз Кормилов не оправдал. Был он весьма многословным, беспрестанно мусящим одно и то же, говорил нечётко, путано и, как следствие, весьма неубедительно. Единственной вразумительно прозвучавшей стала краткая информация о том, что ранее Григорьев работал заместителем секретаря Орджоникидзевского райкома Л.Л. Авербаха и за допущенные ошибки был отозван с должности, получил выговор и с понижением направлен секретарём парткома на ВИЗ. Никакой конкретики, кроме этих формальных бюрократических фраз, Кормилов не произнёс, что, безусловно, удовлетворить никого не могло и означало в данном случае лишь одно: обвинять Григорьева не в чем.

Суть первой развенчанной Кормиловым «легенды» сводилась к тому, что Григорьев незаслуженно стяжал себе славу борца за критику и самокритику: он ни разу не выступал «...с какой-то принципиальной критикой в отношении руководства горкома или обкома партии, и чтобы это было причиной того, что ах, ты самокритикующийся, мы тебя уберём! Этого не было». Зал внимательно слушал, когда Кормилов несколько раз, меняя формулировки, пояснял, что Григорьев ни на одном заседании не подвергал критике городские и областные властные структуры. А вот когда Кормилов приступил к развенчанию второй «григорьевской легенды», зал недовольно зашумел, т. к. события, о которых повёл речь город-

ской чиновник, развивались на глазах у заводчан: «И тут вторая “легенда” в отношении Григорьева: Григорьев героически вёл борьбу против Колгушкина. И вот в этой героической борьбе против Колгушкина его не поддержал горком и обком». «Правильно!» – раздались выкрики в зале, подтверждавшие достоверность «легенды». – «Совершенно верно, не поддержал, – принялся выкручиваться Кормилов. – Я и не знаю, стоит ли сейчас вопрос о том, что обязательно нужно Колгушкина как директора завода снимать. Этот вопрос ещё не стоял и не обсуждался». И дальнейшую многословную речь Кормилов свёл к тому, что Григорьев, хоть и ставил вопрос: или я, или он, снимайте или меня, или его, – достаточных оснований для смещения Колгушкина с должности, по заверениям оратора, не предоставил¹⁹.

Пространные рассуждения Кормилова, желал он того или нет, демонстрировали слабость позиций областных и городских властей, отсутствие у них каких-либо веских претензий в адрес Григорьева. И потому следующий вопрос, прозвучавший из зала, был вполне закономерен: «А зачем же “очки втирали”, что Григорьев снят по болезни?»

Кормилова выкрик из зала совершенно выбил из колеи, и он на какое-то время лишился дара красноречия: «Я и говорю об этом, что ошибка горкома заключалась в том, что мы по этой причине таким образом снимали. Я не об этом говорю, а о том, что вместе с разбором дела той ошибки, которая была допущена, нужно обсудить вопрос всесторонне. Вот что я хочу сказать».

Взяв себя в руки, Кормилов принялся изъяснять, что «...у Григорьева был целый ряд крупнейших недостатков работы», что «...недостатки в работе товарища Григорьева были довольно крупные». Горкомовский начальник весьма длительное время потратил на перечисление «целого ряда» этих недостатков, которые свелись лишь к одному – к неприятию Григорьевым критики визовского парткома. В подтверждение Кормилов привёл три эпизода, более-менее внятыми из которых были только два. «Были случаи, когда инструкторы горкома встречались в штывы со стороны парт ко-

ма на ВИЗе. Когда ему указывали на недостатки, то он чрезвычайно болезненно это воспринимал: вы подбираете материал, нас затащали, задёргали и т. д.», – описал первую провинность бывшего визовского секретаря Кормилов. И тут же выдал вторую, где партком вовсе не фигурировал: «Когда в жилищно-квартирном отделе ставился вопрос, что там зажим самокритики, целый ряд непорядков, то не получили соответствующей поддержки от товарища Колгушкина, и только когда письмо было направлено товарищу Кабакову и он предложил разрешить немедленно, дело сдвинулось с места».

«К чему я это говорю? – подвёл черту под «преступлениями» Григорьева Кормилов. – Что недостатки в работе товарища Григорьева были довольно крупные, но всё-таки мы Григорьева с работы не снимали и не ставили вопрос о его снятии, а сняли его во всей этой общей обстановке. Ошибка в том, что при всех его недостатках сняли его не за них, а по другой причине. По причине того, что на пленуме горкома, когда он отчитывался и когда ему Пшеницын и Узюков бросали резкие реплики, он отвечал ещё более резко с точки зрения отпора: вы на заводе не были, завода не видели. Это, конечно, правильно, что он мог так говорить. Но вот основной-то причиной, почему сняли Григорьева, и являются эти реплики в порядке самокритики, они послужили основной причиной. Вот это я считаю неправильным со стороны горкома, ошибочным. Но я считаю своим долгом большевика поставить вопрос всесторонне о Григорьеве, чтобы не была только выпячена одна эта сторона, и получается из выступления товарища Григорьева, что у него никаких ошибок и недостатков не было».

Вот тут у заводских коммунистов, до того терпеливо выслушивавших пустопорожнюю болтовню одного из городских начальников, бестолково пытавшегося во что бы то ни стало дискредитировать М.Ф. Григорьева и выгородить областные и городские власти, терпение лопнуло. В зале поднялся гул недовольства. «Конечно, было бы лучше, если бы я говорил по общему течению: вот мы какие, сукины дети, вот как мы устроили. Тогда, может быть, были аплодисменты. Но если я говорю немножко против, то товарищи недовольны, но

я обязан это сказать», - бросил упрёк собравшимся Кормилов.

– Не нужно было выступать после, – выкрикнул из зала коммунист Чернецкий, имея в виду выступление по окончании прений.

– Вы решали вопрос, голосовали, дать мне слово или нет. Слово мне дали, и я хочу это использовать, – ответил представитель горкома, после чего быстро закрутился и сошёл с трибуны⁵⁰.

Но из зала в его адрес посыпались реплики и вопросы, большинство – негативные: «Товарищи, я считаю неверным заявление Кормилова о том, что если бы он “говорил по течению”, то публика была бы довольна. Что это значит? Что это за заявление? По-моему, это ни на чём не обосновано, и пусть он объяснит, почему так выразился». «Товарищ Кормилов заявил на партсобрании, что существует какая-то особая группа на собрании. Пускай объяснит, что это за группа». «Товарищ Кормилов сказал, что Григорьев умолчал о недостатках. По-моему, это неверно. Товарищ Григорьев отчитывался и тогда сказал о своих недостатках».

Кормилов пытался отвечать, оправдывался, а в зале всё не унимались. Так продолжалось, пока представителя горкома не спас председательствующий, переключивший внимание присутствующих на обсуждение резолюции. Собрание оставило Кормилова в покое, дружно проголосовало за признание работы парткома неудовлетворительной и сосредоточилось на обсуждении пунктов резолюции, включая выявление связей директора Колгушкина с «врагами народа»⁵¹.

Ещё недавно трудно было представить, чтобы на собрании в низовой парторганизации был подвергнут остракизму официальный представитель городских властей, кабаковско-кузнецовский фаворит и член бюро горкома ВКП(б). Пусть даже раздражавший своей чрезмерной уверенностью в том, что ему, недавнему заведующему отделом партийной пропаганды, агитации и печати горкома, удастся легко внушить «тёмным» заводским коммунистам любую мысль, какую он только пожелает, не утруждая при этом себя подбором веских

аргументов. Однако самые ближайшие события в визовской парторганизации показали, что это далеко ещё не предел разворачивавшейся на ВИЗе внутрипартийной демократии.

Согласно принятой повестке дня, на следующем заседании предполагалось начать процедуру выборов в заводской партком. Об этом же, открывая заседание 14 апреля, объявил председательствующий Ф.И. Могиленских. Однако всё пошло не по плану. Взявший первым слово коммунист из отдела организации труда Пётр Владимирович Чугунов неожиданно предложил дать политическую оценку вчерашнему выступлению члена бюро горкома Кормилова. Сам Кормилов на ВИЗе в этот раз не присутствовал, т. к. вечером заседало бюро Свердловского горкома ВКП(б).

По мнению Чугунова, Кормилов, изначально объявивший целью своего визита исправление ошибки горкома в отношении Григорьева, во время выступления обвинил визовских коммунистов, что на их собрании «существуют какие-то группы и группочки», и тем самым лишь усугубил ошибку горкома, поставил под сомнение подлинность развернувшейся на ВИЗе «большевистской самокритики». Выступление чиновника Чугунов квалифицировал как «зажим самокритики», «замазывание ошибок горкома партии» и назвал «предвыборным трюком». Собравшиеся поддержали Чугунова аплодисментами и после непродолжительных прений единогласно поручили президиуму созвониться с горкомом и пригласить на собрание М.В. Кузнецова и самого И.А. Кормилова, чтобы в их присутствии дать оценку прозвучавшему накануне неудачному выступлению горкомовского представителя⁵². Стало ясно, что визовцы жаждут «горкомовской крови» – признаний городскими властями обмана заводской парторганизации при смене секретаря парткома.

Обстановка на собрании раскалилась до такой степени, что любая искра могла вызвать грандиозный пожар. Роль этой искры волей-неволей сыграл один из участников собрания, кандидат в члены ВКП(б), начальник смены электроцеха Титов. Он сообщил собравшимся, что несколько дней назад, 11 числа, подал в президиум записку и так и не дождал-

ся ни ответа, ни хотя бы её оглашения. Причиной появления записки на свет послужила неудовлетворённость Титова выступлением секретаря райкома Сорокина, который упорно не желал признавать своего участия в смещении Григорьева и всех заверял, что тот действительно был болен. «Я задал вопрос в записке, почему товарищ Сорокин этого дела не признаёт, – сказал Титов. – Эта записка президиумом не была объявлена. Такое положение я считаю неправильным»⁵³.

Факт, что Титов действительно отправлял такую записку, могли подтвердить его соседи в зале, с которыми он посоветовался по поводу её содержания, и получил от них полное одобрение. Записку Титов подписал, передал в президиум, и последнее, что он запомнил, как в президиуме её прочитали и передали самому Сорокину. Районный секретарь вскоре исчез из зала, а вместе с ним и клочок бумаги, о судьбе которого беспокоился Титов.

Невинный, как это могло показаться, вопрос участника собрания о своём обращении в президиум, канувшем в неизвестность, круто изменил ход собрания. На председательствующего Ф.И. Могиленских буквально набросились с вопросами:

– Собрание спрашивает президиум: почему не поставили этот вопрос?

– Я редакцию записки не помню, – оправдывался председатель.

– Записка такая была, и она была показана товарищу Сорокину.

– Вас спрашивают, почему задержали записку?

– Как задержали? Почему задержали? Была показана товарищу Сорокину.

– Может быть, он не разрешил?

– Нет.

– Ты не сказал, почему президиум не опубликовал эту записку.

– Я не помню редакции. Принесут записку, тогда я, может быть, припомню факт.

– Это факт непростой, – заявила участник собрания Поносова.

– Президиум не может говорить, что он не знает ре-

дакции. Раз была подана записка, то могли сказать сразу, что разрешить вы её не можете и поручаете факт проверить. Почему в отношении товарища Сорокина президиум вопрос не поставил? Записка была о Сорокине, и ему дали её прочитать. Я считаю, что президиум поступил неправильно.

– Может быть, записка была не подписана? – попытался найти объяснение Могиленских. – На неподписанные записки мы не отвечали.

Но Титов опроверг и эти доводы⁵⁴. Зал бурлил.

Члены президиума собрания судорожно пытались отследить судьбу записки. Выяснилось, что записки забрал к себе домой один из членов президиума, редактор заводской газеты «Трансформаторная сталь» Владимир Фёдорович Тебеньков. Он бросился к себе домой, однако нужной среди них не оказалось. К районному секретарю Сорокину экстренно направили представителя собрания в надежде, что тот сохранил у себя злополучный листок бумаги. Но тщетно. Кто бы мог подумать, что проигнорированная первым секретарём райкома записка, поданная на партсобрании рядовым заводским коммунистом, могла вызвать такой переполох? Но сейчас, на фоне негативного отношения к первому секретарю райкома Сорокину за его участие в устранении Григорьева с ВИЗа и его категорического нежелания это признавать, история с запиской мгновенно обрела политический окрас, а члены президиума собрания неожиданно для себя оказались в роли пособников Сорокина. «Этот факт является зажимом самокритики, – выкрикнули с места. – Президиум нужно переизбрать!»⁵⁵

На собрании развернулась острая дискуссия по поводу того, стоит ли доверять президиуму после такой истории. Большинство выступавших приводили аргументы в пользу его переизбрания. Наконец по предложению секретаря парткома Рябчикова на голосование было поставлено следующее решение: «за допущенные президиумом ошибки – необъявление записки, полученной от товарища Титова по вопросу выступления товарища Сорокина, – президиум распустить, распустить секретариат и избрать новых товарищей». Про-

тив такого решения ни один из присутствовавших руку не поднял.

Среди выдвинутых в президиум «второго состава» кандидатур прозвучала фамилия бывшего секретаря М.Ф. Григорьева. Действующий секретарь С.И. Рябчиков среагировал немедленно: «Товарищ Григорьев в нашей парторганизации не состоит». На что из зала Рябчикову напомнили, что когда собрание пригласило Григорьева, то сразу наделило его правом избирать и быть избранным. «Партсобрание не имеет права отменять устав партии, - упёрся Рябчиков. – Было решение пригласить товарища Григорьева на партсобрание. Так было?»⁵⁶

В каком именно месте устава партии было прописано, что не все присутствовавшие на партсобрании имели право быть избранными в президиум собрания, Рябчиков не уточнил. Почему-то не состоявших в парторганизации ВИЗа первого секретаря райкома Сорокина, заведомо горкома Кормилова, секретаря обкома Пшеницына партийный устав позволял избирать в президиум визовских партсобрании, а вот на инструктора горкома ВКП(б) эта практика не распространялась. Да и того же Рябчикова, ранее не имевшего никакого отношения к визовской организации, когда избирали секретарём парткома ВИЗа, включили в состав президиума собрания⁵⁷. Апелляция к партийному уставу, таким образом, была не более чем фикцией, и в данном случае Рябчиков послушно выполнял указания вышестоящих инстанции о недопущении Григорьева до любой, даже малейшей власти на ВИЗе. Правда, для неискущённых в тонкостях организационно-партийной работы визовских коммунистов слова действующего партийного секретаря, старого партийного работника Рябчикова выглядели убедительными. В подтверждение чему из зала раздались голоса: «Правильно». Нашлись лишь отдельные знатоки, которые опирались на предшествующий опыт: «Рябчиков в парторганизации не состоял, а мы его выбирали», «Как представителя горкома партии мы [Григорьева. - А.С.] имеем право вводить».

Возможно, эти реплики возымели бы действие, но слово попросил сам «виновник торжества». «Я считаю непра-

вильным выборы меня в президиум, потому что президиум отчётно-выборного собрания, - решил слукавить Григорьев, не желая обострять отношения с высоким начальством. - Я не являюсь членом вашей организации и никаких специальных полномочий по ведению данного собрания не имею. Я присутствую в качестве человека, которого обязал горком по вашему требованию. Чтобы не было никаких сомнений, я предлагаю мою кандидатуру в президиум не выставлять».

Пока снова не завязалась дискуссия, Рябчиков поставил самотвод Григорьева на голосование. Большинство подняли руки «за»⁵⁸.

После переизбрания президиума делегаты, наконец, вернулись к основной повестке дня – выдвижению кандидатур в новый состав парткома. Первым кандидатом, чья фамилия прозвучала в зале, вновь стал Максим Фёдорович Григорьев. Когда выдвижение кандидатов ещё не завершилось, своё мнение по поводу кандидатуры Григорьева высказал Ф.И. Могиленских, не вошедший в новый состав президиума собрания. Слова его были более чем неожиданны: «Товарищ Григорьев – не член нашей парторганизации, он – в парторганизации горкома партии. Мы должны возбудить ходатайство перед горкомом, чтобы он разрешил выставить кандидатуру товарища Григорьева»⁵⁹.

Суть сказанного Могиленских заключалась в том, что Григорьев ныне состоял на учёте не в визовской парторганизации, а по месту работы, в первичной парторганизации Свердловского горкома В КП (б), и, следовательно, предварительно необходимо запросить у горкома разрешение на избрание Григорьева.

Заявление, сделанное Фёдором Ивановичем Могиленских – достаточно грамотным коммунистом, яростным сторонником Григорьева, до того не боявшимся выступать в его поддержку даже на партийных собраниях городского масштаба, в присутствии высокого начальства, – на первый взгляд совершенно не вписывалось в модель его поведения. Несложно было предугадать, какую участь ожидает ходатай-

ство в горьком о разрешении включить фамилию Григорьева в список для тайного голосования в состав парткома. И весьма сомнительно, чтобы это было секретом для Могиленских.

Так чем же тогда руководствовался Могиленских, когда вносил такое предложение? Необходимо отметить, что ни в материалах недавно состоявшегося февральско-мартовского пленума ЦК, ни в Письме ЦК ВКП(б) «Об организации выборов парторганов» не были обозначены хоть какие-либо условия в отношении тех членов партии, которые могли быть избраны в состав партийных комитетов, как то партийный стаж, наличие образования, опыта работы, возрастные ограничения и др. В том числе не были предусмотрены ограничения в зависимости от месторасположения первичной парторганизации, на учёте в которой состоял тот или иной кандидат. Напротив, верховная власть дала вполне конкретные недвусмысленные установки. «Любой имеет право называть и отстаивать любую кандидатуру в избираемый партийный комитет», – говорил секретарь ЦК А.А. Жданов в заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б), которое было опубликовано в советских газетах. «Каждый член партии имеет право и возможность выдвигать на конференции и в руководящие органы любого члена партии, причём полностью обеспечивается тщательное и критическое обсуждение каждой кандидатуры», – вторила «Правда» в передовой статье «Порядок выборов партийных органов»⁶⁰. Предложение Могиленских, таким образом, не было обусловлено стремлением соблюсти Директивы ЦК партии, никакого разрешения ни горькома, ни обкома для избрания М.Ф. Григорьева не требовалось.

Мотивация поступка Могиленских станет понятной спустя лишь некоторое время, когда обретут известность некоторые подробности визовского закулисья. Как выяснилось впоследствии, ему поступило предложение возглавить партком ВИЗа вместо предыдущего секретаря Рябчикова, и исходило оно от самого первого секретаря обкома И.Д. Кабакова⁶¹.

Как уже говорилось, М.Ф. Григорьев выступал последовательным противником директора завода Филумента Тимофеевича Колгушкина, предъявлял ему обвинения в мно-

гочисленных управленческих просчётах. А у Могиленских были свои мотивы для претензий к директору.

Сорокалетний Фёдор Иванович Могиленских состоял в партии с марта 1916 года, за участие в забастовке на Верхне-Сергинском заводе и распространение нелегальной литературы подвергся административной ссылке. В годы Гражданской войны – красный партизан, доброволец Красной Армии, командир красноармейского отряда, участник боёв на Восточном фронте. По окончании войны занимал крупные руководящие должности на железнодорожном транспорте, затем учился в Уральском металлургическом институте, избирался там секретарём парткома, был членом пленума и бюро райкома и даже семь месяцев исполнял обязанности секретаря Ленинского райкома ВКП(б). По окончании института в 1934 году был направлен на ВИЗ, где получил место помощника начальника мартеновского цеха по электропечам. Казалось, что внушительный партийный стаж, значительный опыт руководящей партийной и административной работы, активное участие в Гражданской войне, диплом о высшем техническом образовании открывали для молодого амбициозного партийца широкие перспективы для карьерного роста. Однако случилось иначе. На ВИЗе Ф.И. Могиленских даже не был удостоен членства в парткоме, а в феврале 1936 года Колгушкин по указанию управляющего Спецстали И.Ф. Тевосяна за финансовые растраты понизил его до начальника лаборатории мартеновского цеха⁶². Чтобы понять, как после этого Могиленских стал относиться к директору завода, до того любивший заходить к нему в кабинет и искавший его расположения, достаточно обратиться, например, к стенограмме его выступления на городском партийном активе в марте 1937 года. Начальник мартеновской лаборатории обвинил действующего директора ВИЗа в связях с троцкистами и бывшими белогвардейцами, в зажиме самокритики, игнорировании визовской парторганизации, и что тот в своё время «обратился с коленопреклонными чувствами [так в тексте. – А.С.] к Николаю кровавому». Могиленских прямо называл Колгушкина двурушником и ренегатом и призывал

исключить его из партии⁶³. Колгушкин в долгу не оставался и всячески пытался от него избавиться: и через Москву, и при помощи заведующего промышленным отделом обкома Яна, предложившего Могиленских должность директора учебного комбината в Нижнем Тагиле. От «тагильской ссылки» Фёдор Иванович категорически отказывался и угрожал дойти до ЦК⁶⁴.

Ненависть к Колгушкину толкнула Могиленских к секретарю парткома Григорьеву, заставила оказывать ему всестороннюю поддержку: враг моего врага – мой друг. Но теперь, когда перед Фёдором Ивановичем открылись перспективы карьерного роста, ситуация в корне изменилась: М.Ф. Григорьев в одночасье превратился в нежелательного конкурента. Идея запросить разрешение у горкома на включение Григорьева в список для голосования означала лишь одно: похоронить надежды визовцев (по крайней мере, большей их части) на возвращение их бывшего секретаря.

Заявление Могиленских не было встречено участниками партсобрания безропотно. «В докладе товарища Жданова сказано, что если кого-либо парторганизация рекомендует, то выбирает сама парторганизация», – не вполне удачно постарался сослаться на установки февральско-мартовского пленума ЦК один из заводских коммунистов. Но далее из его уст прозвучало вполне чётко и безапелляционно: «Мы имеем право выдвинуть в список кандидатуру товарища Григорьева!»

Председательствующий благоразумно решил не идти в открытую против директив верховной власти и требований заводских коммунистов. Но при этом постарался хоть как-то обезопасить себя от неминуемого в таком случае гнева горкомовских и обкомовских начальников. «Есть предложение выдвинуть кандидатуру товарища Григорьева в список. Нет возражений?» — спросил он у членов собрания. А когда возражений не последовало, тут же добавил: «Мы поставим в известность горком партии». Никто из присутствующих, судя по стенограмме, не осмелился возразить председателствующему и не предложил утаить это решение от горкома.

После выдвижения кандидатур настал черёд их персонального обсуждения. Первым шёл М.Ф. Григорьев. Иллюзий относительно последствий своего возвращения на ВИЗ он не питал: «Товарищи, я считаю, что мою кандидатуру нужно снять по следующим соображениям. Прежде всего – деловая сторона. Товарищи, которые выставляют мою кандидатуру, думают избрать меня секретарём парткома. <...> Если товарищи хотят сделать [это] в порядке того, чтобы подправить ошибку горкома, то я считаю, что ошибка подправлена партсобранием. В пике горкому избирать мою кандидатуру, я считаю, будет неправильно. В деловом отношении возвращение на завод затруднит мою работу и работу парткома завода».

Григорьев говорил о своей несрабатанности с хозяйственным руководством завода, дал высокую оценку действующему секретарю Рябчикову («старый член партии, опытный партийный товарищ, который способен руководить парторганизацией»). Поделится бывший секретарь и своими планами поступить в текущем году в Институт красной профессуры, высказав опасения, что достиг предельного возраста – 35-ти лет, и, вероятно, у него остался единственный шанс исполнить свою мечту⁶⁶ (Григорьев, по всей видимости, не был в курсе того, какие планы на счёт его дальнейшей судьбы вынашивает областное и городское начальство).

Первым же, кто взял слово вслед за Григорьевым, вновь стал Могиленских, не без удовольствия примерявший на себя роль секретаря заводского парткома. Теперь эта была уже другая речь, в поддержку кандидатуры Григорьева. Правда, лазейку для отступления Фёдор Иванович всё же себе оставил: «Товарищи выдвигали в числе кандидатов Григорьева. Я считаю, что товарищ Григорьев своей практической работой на нашем заводе показал хорошие образцы, несмотря на ряд недостатков в характере и методах работы. Товарищ Григорьев имеет свойство на все замечания со стороны партийцев быстро реагировать и исправлять. Товарищ Григорьев в своей практической работе остро, по-большевистски ставит

вопрос. Это является достоинством руководителя парторганизации»⁶⁷.

Могиленских, нужно отметить, весьма грамотно выстроил свою речь, зная, что она стенографируется. Слова «товарищи выдвигали...» (т. е. другие заводчане, а не он, Могиленских) и фраза о недостатках «в характере и методах работы» предназначались для партийного начальства, если вдруг те, к примеру, задумают расправиться со сторонниками Григорьева или начнут изучать поведение Могиленских на партсобрании. А заключительные слова: «Я считаю, что товарища Григорьева нужно оставить в числе кандидатов и его избрать» служили на случай избрания Григорьева и капитуляции горкома и обкома, должны были демонстрировать заводчанам «непредвзятость» и «объективность» их автора.

Последующие ораторы выступали исключительно в поддержку бывшего визовского секретаря. О том, чтобы услышать такие слова в свой адрес сейчас, после февральско-мартовского пленума ЦК, могли мечтать очень и очень многие партийные начальники. «Он пользуется авторитетом, как у партийных, так и беспартийных рабочих», — аргументировал свою позицию работник ОКСа Чернецкий. «Товарищ Григорьев очень много сделал для парторганизации, — дополнял коммунист Иевлев. — С приходом товарища Григорьева мы, маленькие люди, почувствовали, что нас начинает руководство парткома прибирать к рукам и воспитывать. Я лично на себе испытал, что товарищ Григорьев учёл все возможности и расставил нас, как требуется. Мы стали втягиваться в работу». Заведующая парткабинетом, член парткома М.Ф. Курбатова, «пережившая» на ВИЗе четырёх секретарей, признавалась, что из всех «...товарищ Григорьев был одним из лучших», что он «...является хорошо политически подготовленным руководителем, который умеет ставить вопросы на должную большевистскую высоту». «Товарищи, по-моему, нет среди сидящих [в зале] ни одного человека, которому товарищ Григорьев не оказывал бы повседневную помощь в работе и в руководстве, — заявил председатель завкома Харитонов. — Особенно большую помощь получил я. Если

мы сейчас имеем некоторое снижение сверхурочных работ, если мы подходим к концу безобразий в нарушении Кодекса законов о труде, то фундамент в этом отношении заложен товарищем Григорьевым. Товарищ Григорьев помогал нам бороться с хозяйственным, который нарушал существующие советские законы»⁶⁸.

Выступавшие отменили опасения Григорьева по поводу взаимоотношений с Колгушкиным, обещали ему помощь от парторганизации, уверяли, что встанут за него горой, и взяли на себя обязательство не чинить ему препятствий, если тот пожелает уйти на учёбу. Могиленских пообещал помощь будущему секретарю парткома и в случае, если у того возникнут осложнения с вышестоящими органами власти: «Товарищ Григорьев неправильно поставил вопрос, что если парторганизация ВИЗа изберёт его в состав парткома, то у него в работе будут затруднения с горкомом. Я считаю такое мнение совершенно неверным. Таким затруднениям, которые будут создаваться, парторганизация даст соответствующий отпор»⁶⁹.

Усилия властей по дискредитации М.Ф. Григорьева тоже нашли отражение в прозвучавших выступлениях. По настрою визовцев было очевидно, что неумелые действия партийного начальства сыграли большую роль в консолидации визовской парторганизации. Наиболее простодушно по этому поводу высказался один из участников собрания Иевлев: «На протяжении всего собрания в течение пяти-шести дней мы видели, как руководство райкома и горкома старалось замазать факт снятия Григорьева. Они хотели смазать всю работу Григорьева, чтобы он потерял авторитет. Этот номер не прошёл, это дело разоблачено». Более опытная зав. парткабинетом была не столь категорична и прямолинейна, а выстроенная ею логика выступления – не столь уязвима для начальственного гнева: «Горком партии, по существу, игнорировал мнение парторганизации, допустив ошибку – сняв Григорьева, и этим самым ввёл в заблуждение парторганизацию. Эта ошибка на партсобрании повторена товарищем Кормиловым, который пытался этот факт [представить] в ином свете,

который пытался приписать товарищу Григорьеву ряд ошибок. <...>. Нет ничего плохого, если мы выставим кандидатуру товарища Григорьева на голосование, включим в список и этим самым поможем горкому исправить ошибку, которая была им допущена при снятии товарища Григорьева»⁷⁰.

Когда все желающие высказались и председатель объявил о голосовании за включение фамилии Григорьева в избирательный бюллетень, Григорьев вновь попытался донести до визовцев своё мнение: «Товарищи, я в своём выступлении не говорил о том, что я боюсь, что взаимоотношения по отношению ко мне и к парторганизации ВИЗа будут неправильны со стороны горкома. У меня нет никаких оснований сомневаться в принципиальности линии горкома и в том, что он сделал все выводы из этого случая. Я ещё раз подтверждаю, что, выступая, не кривил душой. И ещё раз заявляю, что необходимости для работы моей в парторганизации завода нет».

Слова Максима Фёдоровича свидетельствовали о том, что несколько месяцев работы в аппарате горкома не миновали для него бесследно. За это время он имел возможность убедиться во всемогуществе горкомовских и обкомовских начальников, и потому боевой настрой низовой парторганизации, некогда им руководимой, его нисколько не вдохновлял. Он научился говорить то, что от него хотело услышать вышестоящее руководство. Ведь о какой «принципиальной линии горкома» и сделанных им выводах могла идти речь, если стоявший накануне на визовской трибуне Кормилов из кожи вон лез, чтобы дискредитировать Григорьева. Визовцы, со своей стороны, это также понимали, а потому проигнорировали доводы Григорьева о самоотводе, оставили его кандидатуру в списке для тайного голосования и перешли к обсуждению оставшихся кандидатур⁷¹.

Мириться с таким решением визовской парторганизации областное начальство нужным не считало. Гасить вспыхнувший очаг внутрипартийной демократии на завод имени И.Д. Кабакова решил отправиться сам Иван Дмитриевич Кабаков. Многоопытный партийный руководитель после провала секретаря райкома Сорокина и завотделом горкома Кор-

милова к поездке подготовился основательно. Первое, что он сделал, это оформил постановление бюро обкома «О собрании парторганизации Верх-Исетского завода» с формулировкой: «Поручить тов. Кабакову разъяснить парторганизации ВИЗа вопрос о снятии тов. Григорьева с работы секретаря парткома ВИЗа»⁷². Ведь визовцы, начитавшиеся речей Сталина о внутривластной демократии, теоретически могли отказать в повторном обсуждении уже включённой в список для голосования кандидатуры М.Ф. Григорьева. Серьёзно позаботился Кабаков и об аргументах для заводской парторганизации.

Спустя месяц с лишним Фёдор Иванович Могиленских с трибуны Свердловской городской партконференции рисовал перед делегатами батальные сцены, развернувшиеся на фоне Верх-Исетского завода, где в неравной схватке сошлись «вожди уральских большевиков» и смелые, принципиальные визовские коммунисты. Со слов Могиленских выходило, что Кабаков приехал на ВИЗ и попросил предоставить ему слово по поводу кандидатуры Григорьева. Но партсобрание (неслыханное дело!) отказало первому секретарю обкома, ссылаясь на то, что обсуждение кандидатур уже закончилось. Тогда Кабаков продемонстрировал визовцам постановление бюро обкома ВКП(б), которым ему было поручено выступить на партсобрании с информацией. Пойти против решения бюро обкома заводская парторганизация, разумеется, не посмела, и Кабакову предоставили трибуну. «Вначале он начал говорить о своих ошибках, — уверял Могиленских делегатов. — Потом говорит, что...: у меня, как секретаря обкома, есть сомнения на счёт Григорьева, что он работал с Авербахом. А когда перед ним поставили вопрос: почему не разобран вопрос об Авербахе, он говорит, что...: я 13 лет как член ЦК партии, и я свои сомнения не могу доверить ни Пшеницыну, ни Кузнецову. Эта подлая политика, эти методы работы показывают, как он мог ввести в заблуждение парторганизацию нашего завода, что он своим авторитетом члена ЦК партии придавил парторганизацию нашего завода, и благодаря этому авторитету мы товарища Григорьева со списка сняли»⁷³.

Частично реконструировать картину событий на ВИЗе после прибытия туда И.Д. Кабакова нам поможет стенограмма заводского партийного собрания, в достоверности которой сомневаться не приходится. Проблема заключается лишь в её полноте.

Появление Кабакова в зале заседаний (а случилось это в ходе обсуждения кандидатуры председателя завкома Харитонов) делегаты встретили аплодисментами. Дождавшись, когда участник собрания закончит своё выступление, Кабаков приступил к реализации задуманного: «Бюро обкома обсудило вопрос о ходе партийного собрания на ВИЗе и поручило мне выступить на этом собрании с разъяснением по вопросу о товарище Григорьеве. Я просил бы мне дать слово».

Единственный, кто ему парировал, был Могиленских. Правда, смысл его реплики был совершенно иным, нежели он пытался представить на городской партконференции: «Надо закончить обсуждение кандидатуры товарища Харитонova, а потом заслушаем товарища Кабакова»⁷¹.

Участники собрания продолжили обсуждать кандидатуру Харитонova. Пока одни были заняты разбором достоинств и недостатков председателя завкома, другие наперебой принялись писать в президиум записки с предложением включить И.Д. Кабакова в президиум партсобрания. По окончании обсуждения один из членов президиума оповестил собравшихся о «целом ряде записок» и озвучил самую первую, поступившую от двадцатисемилетнего рабочего-дублировщика, парторга термического цеха Ярославцева: «Предлагаю ввести в президиум товарища Кабакова». Зал поддержал это предложение аплодисментами.

Действующий секретарь парткома Рябчиков на этот раз обошёлся без громких заявлений, что Кабаков не состоит в визовской парторганизации и потому не может быть избран в состав президиума, по примеру того, как Рябчиков не так давно заявил относительно Григорьева. Но против высказался сам Кабаков: «Зачем это надо? Кому? Вот именно это – отражение подхалимства». Визовцы от демократизма Кабако-

ва были в восторге, аплодировали, кричали из зала: «Совершенно верно!»⁷⁵

Обсудив другие записки, председательствующий предоставил трибуну Кабакову. Каких-либо протестов от визовских коммунистов, как это позже пытался представить Могиленских на городской партконференции, не последовало. После заседания по требованию Кабакова нерасшифрованная стенографическая запись его выступления была отправлена в обком⁷⁶, а потому о содержании выступления Кабакова мы можем судить лишь по косвенным сведениям, содержащимся в том числе в выступлениях Могиленских.

Если говорить в целом, без подробностей, достоверность которых весьма сложно проверить, картина складывается следующим образом. Высокопрофессиональный пропагандист только и ждал, когда его допустят до трибуны. «Раскаявшись» в собственных грехах, Кабаков незамедлительно перешёл к грехам Григорьева. А именно – его прошлой работе с арестованным на тот момент бывшим первым секретарём Орджоникидзевского райкома Л.Л. Авербахом. Не преминув возможностью напомнить присутствующим о своём высоком статусе члена ЦК ВКП(б), Кабаков призвал вычеркнуть кандидатуру М.Ф. Григорьева, как политически неблагонадёжную, из списка для тайного голосования⁷⁷.

Какие у Кабакова имелись основания обвинять Григорьева, как тогда говорилось, «в связях с врагом народа» Леопольдом Леонидовичем Авербахом? В Свердловск, в распоряжение Уральского обкома ВКП(б) выпускник Ленинградского коммунистического университета М.Ф. Григорьев прибыл в начале 1933 года по направлению ЦК ВКП(б). Место для него нашли в Сталинском райкоме ВКП(б) г. Свердловска, где он был назначен заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды. Иначе говоря, Григорьев по факту с первых дней был связан с Уралмашзаводом, который на тот момент выступал центром Сталинского района. Уже осенью того же года Максим Фёдорович был направлен непосредственно в партком Уралмаша заведовать культпропом. Партком завода к тому времени в течение полугода, с мар-

та 1933 года, возглавлял Л. Л. Авербах, бывший ответственный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей и ответственный секретарь Главной редакции «Истории фабрик и заводов». Спустя полгода, в апреле 1934-го, Григорьев был повышен до заместителя секретаря парткома Уралмашзавода, спустя ещё год, после реорганизации парткома в Орджоникидзевский райком ВКП(б), был переведён на аналогичную должность в райком. А уже осенью 1935 года Григорьев уехал на ВИЗ, проработав под руководством Авербаха в общей сложности два года. Рассматривать Григорьева как ставленника Авербаха оснований не имеется: Григорьев приехал на Уралмашзавод даже чуть раньше Авербаха. Говорить о необычайном карьерном взлёте Григорьева при Авербахе также не приходится⁷⁸.

Единственное, что могло бы указать на «связи» между Авербахом и Григорьевым, это сохранение между ними контактов после октября 1935 года, их регулярные встречи в деловой обстановке либо совместное времяпрепровождение. Какими-либо свидетельствами об этом, однако, мы не располагаем.

Уже после ареста Кабакова один из участников городской партконференции некий Васильев выдвинул против Григорьева обвинение, что тот переписывался с Авербахом вплоть до последнего времени. Не исключено, что такая линия разрабатывалась в горкоме и обкоме после ареста Авербаха. Имелись ли тому какие-то документальные доказательства, нам неизвестно, на конференции они предъявлены не были. Григорьев наличие переписки с Авербахом категорически отрицал⁷⁹.

А вот самого Кабакова, напротив, можно было без труда обвинить в связях с «врагами народа», в первую очередь, с расстрелянным к тому времени бывшим председателем Свердловского облисполкома Василием Фёдоровичем Головиным. Не было секретом, что Головин был выдвиженцем Кабакова. В Уральском обкоме ВКП(б) В.Ф. Головин оказался летом 1929 года, когда обком уже полгода возглавлял И.Д. Кабаков. За несколько лет почти что рядовой обкомовский аппаратчик сделал головокружительную карьеру. По-

началу Головин работал заместителем заведующего орготделом обкома, спустя год был утверждён заведующим отделом кадров, а ещё через год Кабаков повысил его до секретаря Уральского обкома партии, осенью 1933 года доверил возглавлять облисполком.

За выдвижение и многолетнюю совместную работу с Головиным Кабаков вынужден был оправдываться на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Вот фрагмент стенограммы этого пленума:

«Кабаков: Я понимаю всю свою ответственность за те упущения, которые имели место. Как это получилось, что Головину удалось обмануть меня? Не скажу, чтобы это был человек особенно политически развит. Нет, этого у него не было. Я не скажу, что им были довольны члены бюро обкома партии, члены обкома партии. На меня очень сильно жали. Мне не раз говорили о том, зачем ты [его] держишь, некоторые выражались таким образом: посадил в поле оглоблю и отливаешь её водой, всё равно не отольёшь, не выйдет.

Сталин: Ага, сигналы были? (Смех.)

Кабаков: Да, верно, товарищ Сталин. Он коренной уральский рабочий, участвовал активно в гражданской войне.

Жуков: На стороне Колчака или нас?

Кабаков: Нет, на нашей стороне, активно участвовал против троцкистов. Мне казалось, что за один год, за два года председатели облисполкома не растут. Что же я не видел? Это то, что это звериное двурушничество превратилось в систему их работы – обман партии. Вот что показывает Головин: “В конце 1931 г. вспоминаю разговор со Стригановым. В начале разговора он подчеркнул, что первый секретарь Уральского обкома Кабаков выдвинул меня в качестве члена бюро обкома...”

Косиор: А действительно ты его выдвинул?

Кабаков: Выдвинул я его, честно, членом бюро обкома и заведующим отдела кадров, секретарём обкома и председателем облисполкома. Мне здесь вину сваливать не на кого. Он и говорит: “...выдвинул меня в качестве члена бюро обкома и заведующего отдела кадров...”

Косиор: Одним словом, выдвинул оглоблю. (Смех.)

Кабаков: ...хочет получить от меня опору не для того, чтобы систематически выдвигать старых уральцев, а в целях их обмана. Он вполне уверен в том, что я на эту удочку пойду...

Сталин: Нашла коса на камень. (Смех.)

Кабаков: "...чтобы не поддаваться, а наоборот, противопоставить линии Кабакова свою, уральскую, линию". В то время, когда проходило первое выдвижение, первые шаги, человек сейчас уже определил линию против руководства»⁸⁰.

Кабаков, таким образом, признавал свою главенствующую роль в выдвижении «врага народа» на ключевые посты в областном руководстве, где бок о бок проработал с ним не два года, как Григорьев. Притом неизвестно, чтобы Кабаков ставил перед Москвой вопрос о своём освобождении с занимаемых постов за допущенные «политические ошибки». Зато «грехи» Григорьева, по озвученному Кабаковым мнению, не позволяли ему возглавлять даже заводскую парторганизацию, и вообще, ставили под сомнение его политическую благонадёжность.

Следовательно, говорить о том, что Кабаков вёл себя искренне перед визовской парторганизацией, что действительно верил в «связи» Григорьева с Авербахом, не приходится. По замыслу Кабакова и его окружения, тяжёлая мрачная участь таких «критиканов», как Григорьев, должна была демонстрировать региональному партаппарату, «кто в доме хозяин»: «местный вождь» Кабаков или вождь кремлёвский Сталин с его идеями самокритики. И до поры до времени это срабатывало. «...Сидишь, смотришь и думаешь, что если выступишь так, да начнут таскать, так ты больше и говорить никогда не будешь», – признавался один из членов пленума горкома на городской партконференции⁸¹.

А что же визовская парторганизация, обещавшая горой стоять за М.Ф. Григорьева? Вот здесь можно поверить словам Могиленских: высокие звания, регалии и награды первого секретаря обкома ВКП(б) оказывали магическое воздействие на заводских коммунистов. Ведь даже их завод, имевший союзное значение, с санкции Кремля носил имя этого человека.

После выступления Кабакова заседание партсобраний закрыли. А на следующий день, 16 апреля, председательствующий огласил поступившую в президиум записку, не раскрывая фамилию её автора: «Кандидатуру товарища Григорьева, вынесенную на утверждение в список для тайного голосования, предлагаю обсудить снова, так как товарищ Кабаков дополнил ряд материалов, о чём Григорьев не сказал». И предложил собравшимся высказать своё мнение.

Единственным, кто вызвался на трибуну, был всё тот же Фёдор Иванович Могиленских. Выступление этого члена партии не только лишний раз демонстрирует его характерные черты, но и немного приоткрывает завесу тайны над содержанием выступления И.Д. Кабакова на ВИЗе: «Товарищи, вчера Иван Дмитриевич в своём выступлении сообщил дополнительные факты в отношении Григорьева, причины его переброски и, в отношении политической оценки товарища Григорьева, его характеристику и связь с Авербахом. Партийное собрание было в недоумении, когда представитель горкома товарищ Кормилов вместо истинного положения ясного ответа не дал. Вчерашнее выступление товарища Кабакова, который критически подошёл к вопросу, из этого выступления видно, что секретарь обкома, первый секретарь горкома, член ЦК сомневается в Григорьеве. Сомнения его определяются на связях совместной работы Григорьева с Авербахом и Цейтлиным. Товарищ Кабаков правильно сделал. Но ему нужно было раньше поставить вопрос на собрании, потому что настроение массы было известно 9 числа, когда потребовали, чтобы нам рассказали о причинах снятия Григорьева. Я считаю, что нужно будет вопрос о Григорьеве пересмотреть в части того, что здесь задели вопрос, что он имел отклонение от генеральной линии партии. Дело не в том, что имеются основания у обкома, что у Григорьева имеются отклонения. А дело в том, что секретарь обкома в своей практической работе, что видно из его выступления, к Григорьеву относился и относится пока хорошо. Он чутко заботился, чтобы Авербах не испортил Григорьева и перебросил [его] сюда, на ВИЗ. Со стороны товарища Кабакова были приняты

меры воспитательного порядка. Этот факт характеризует, что со стороны товарища Кабакова к Григорьеву была проявлена большая забота. Печально, что когда Григорьев здесь выступал, он не рассказал истинных причин и ввёл в заблуждение партийное собрание и, в частности, меня. (С места: всех ввёл.) Я не знал взаимоотношений, пока товарищ Кабаков не рассказал точно о положении. Нужно будет Григорьева из списков исключить»⁸².

Обращает на себя внимание упоминание Могиленских вслед за Кабаковым неких «отклонений от генеральной линии партии» у Григорьева. С большой долей вероятности можно утверждать, что речь идёт о получении Григорьевым партийного взыскания летом 1935 года. Замещая тогда секретаря Орджоникидзевского райкома ВКП(б) Л.Л. Авербаха, Максим Фёдорович «допустил искажение в проведении директив ЦК ВКП(б) о проверке партийных документов». А именно в погоне, как он сам признавался, за количественными показателями в ходе проверки вместе с другими членами бюро райкома свёл это мероприятие к формальной сверке партдокументов. За что постановлением бюро обкома от 2 июля 1935 года получил строгий выговор. Вопрос, правда, тогда стоял об исключении из партии, на что Григорьев предъявил спущенную из обкома директиву провести проверку за 10 дней. Кроме того, налицо было нарушение указания ЦК, что проверкой должны руководить непосредственно первые секретари, а обком разрешил Авербаху уехать в отпуск. Невзирая на серьёзное партвзыскание, обком допустил заместителя секретаря райкома до перепроверки документов и доверил проводить эту работу дальше. А спустя год, когда Григорьев работал на ВИЗе, взыскание с него решением бюро обкома было снято⁸³. Несмотря на погашение взыскания, Кабаков, по всей вероятности, выступая перед визовцами, сумел представить это «дело» так, что оно не выглядело случайным, а преследовало цель сохранить в орджоникидзевской парторганизации «врагов народа». Иных документально зафиксированных «отклонений» у Григорьева не имелось.

Следует заметить, что кроме Могиленских желающих выступить по «делу Григорьева» не нашлось, и председательствующий поставил на голосование исключение фамилии Григорьева из списка для тайного голосования. «За» подняли руки большинство – 141 из 170 присутствовавших на собрании делегатов с правом решающего голоса. «Против» проголосовать никто не осмелился. 29 человек, таким образом, голосование проигнорировали⁸⁴.

Могиленских, практически вошедший в роль секретаря парткома, на том не успокоился и предложил собранию утвердить следующую формулировку решения: «Принимая во внимание разъяснение секретаря областного комитета партии товарища Кабакова по делу Григорьева и учитывая то, что товарищ Григорьев не рассказал истинного положения о связи с Авербахом, собрание считает необходимым пересмотреть вопрос о Григорьеве и из списков отвести». И это дополнение также было принято единогласно⁸⁵.

Принятая по предложению Могиленских формулировка решения ставила жирный крест на возвращении Григорьева на завод. Но не только. В том случае, если бы Григорьев состоял на учёте в визовской парторганизации, то следующим логическим шагом должно было стать его исключение из членов ВКП(б) «за связь с врагом народа» либо, по крайней мере, за обман партии. Впрочем, тот лишь факт, что Григорьев работал в горкоме партии, вовсе не означал невозможность воплощения в жизнь этого сценария. Первичная парторганизация Свердловского горкома ВКП(б) имела право запросить с ВИЗа решение партсобрания о М.Ф. Григорьеве и разобрать на своём заседании вопрос о его партийности (аналогичные случаи имели место в 1937 году, когда решение одной парторганизации базировалось на выводах, сделанных в другой). А там оставалось лишь дожидаться ареста, особенно если бы Л.Л. Авербах на одном из допросов «вдруг вспомнил» о своих связях с бывшим подчинённым.

Лишь череда арестов и самоубийств в руководстве области уберегли Григорьева от начальственной мести. А кон-

фликт с Кабаковым и его приближёнными – от преследования со стороны органов НКВД.

Следует отметить, что даже после ареста Кабакова и Кузнецова, самоубийств Пшеницына и Узюкова Михаил Николаевич Маргевич на Свердловской городской партконференции в конце мая 37-го продолжал упрямо твердить: «[Партийная] организация [ВИЗа] работала чрезвычайно плохо. Один тот факт, что в марте-новском цехе в течение шести месяцев не выпускали газету, говорит об этом». Тем самым Михаил Николаевич отчаянно пытался спасти собственную шкуру, ведь надо было на кого-то списать провалы в выполнении производственной программы. Иначе пришлось бы брать вину на себя, как заведующего промышленно-транспортным отделом горкома, чего он категорически не желал. Судьба Маргевича была предрешена его высоким должностным положением во властных структурах. Не прошло и месяца, как М.Н. Маргевич пополнил ряды «врагов народа». Расстреля он, в отличие от Кабакова, Кузнецова и Коссова, избежал, был приговорён к десяти годам лишения свободы и жизнь свою окончил в лагерях в 1943 году⁸⁶.

Скользкий изворотливый карьерист Фёдор Иванович Могиленских добился того, к чему так упорно стремился: визовская парторганизация по указанию Кабакова и с подачи Сорокина избрала его секретарём заводского парткома. Теперь он был послушным проводником кабаковских директив на ВИЗе и выступал за назначение Н.Н. Мизенко на директорский пост. После ареста Кабакова и Кузнецова Фёдор Иванович в одночасье перестроился и принялся яростно обвинять бывшее «вражеское руководство» области во вредительстве на ВИЗе, изобличал не арестованного тогда ещё Маргевича в защите «врага народа» Колгушкина. У новых властей Фёдор Иванович был в фаворе. На майской городской партконференции ему предоставили почётное право рекомендовать в состав президиума члена Политбюро ЦК А.А. Андреева и и. о. первого секретаря обкома А.Я. Столяра, доверили председательствовать на нескольких заседаниях. Но преодолеть «сито» выборов в составы горкома и деле-

гации на областную конференцию ему не удалось. Делегаты проголосовали за отвод его кандидатуры из списка в состав членов горкома, т. к. он не только не сообщил собравшимся об арестованном муже родной сестры, но и пытался увильнуть от прямого ответа. А затем, несмотря на раскаяния Могиленских и на явное расположение к нему Столяра («...допустил ошибку, он подал заявление, осознаёт это»), в ходе тайного голосования его «завалили» как потенциального делегата на областную конференцию. Но Могиленских руки не опустил и поставил перед собой новую амбициозную задачу – занять на ВИЗе директорское кресло. С этой целью он занялся интригами против назначенного 3 июня директором и даже ещё не добравшегося из Москвы к месту назначения Емельяна Григорьевича Горбачёва, бывшего заместителя директора Уральского НИИ чёрных металлов. Секретарь парткома вызывал к себе членов парткома по одному и проводил их индивидуальную обработку: вот назначили директором Горбачёва, этот человек не может руководить, нигде не справлялся с работой, к Горбачёву нужно относиться осторожно. Когда Могиленских осознал, что с директорским креслом у него ничего не выйдет, то бросил все силы на свержение технического директора Г.С. Дибнера, собирая по заводу нужный компромат. Бурная деятельность предприимчивого секретаря заводского парткома длилась недолго: за ним пришли 3 июля 1937 года. Одновременно по докладу секретаря Кагановичского райкома Н.П. Сорокина Могиленских как «враг народа» был исключён из ВКП(б). Следствие длилось чуть больше месяца, 13 августа он был осуждён и в тот же день расстрелян⁸⁷.

Необычным образом сложилась судьба Николая Павловича Сорокина. Как и следовало ожидать, в августе 1937 года он был снят с должности первого секретаря Кагановичского райкома ВКП(б) и исключён из партии. Но в энкавэдэшные застенки не попал. Мало того, в декабре того же года был назначен заместителем директора Свердловской ватнокошмовальной фабрики, затем занял там же директорское кресло, был восстановлен в партии. Сорокин обладал не-

обычайными способностями находить выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. История с запиской Титова – лишнее тому подтверждение. Примчавшийся тогда на завод секретарь райкома, что говорится, «на голубом глазу» уверял визовцев: «Я к записке никакого отношения не имею. Каждый из присутствующих товарищей видел, что я старался сидеть сзади. <...> Я никакой записки не зажимал. <...> Записки у меня нет и не было, и [я] не знал, пусть президиум или секретарь отмечает это дело». Произнёсший тогда целую тираду по поводу записки Сорокин умудрился ни разу не сказать прямо: держал ли он в руках эту записку, знал ли о её содержании? Ведь если знал, то сразу возник бы вопрос: почему не ответил? От каверзных вопросов, только-только начавших зарождаться в зале, секретаря райкома тогда спас председательствующий Рябчиков, быстро переключивший внимание визовцев на другую проблему (Рябчиков был лично заинтересован замять эту «скользкую тему», ведь он сам тогда сидел в президиуме)⁸⁸.

Карьера молодого коммуниста, обладавшего столь ценными для номенклатурщика талантами, не могла не пойти в рост, невзирая на имевшееся лишь начальное образование – незаконченное высшее начальное училище и полуторогодичную Центральную школу профдвижения при ЦК железнодорожников. В августе 1938 года, при новом первом секретаре обкома и горкома К.Н. Валухине, Сорокина ждал карьерный взлёт: он был утверждён заместителем председателя Свердловского горсовета. В начале 1940-го, правда, когда преемник Валухина – В.М. Андрианов занимался кадровым комплектованием горисполкома, он был лишён этой высокой должности, но на низовой работе всё же не оказался: с февраля 1940 года трудился в кресле заместителя управляющего межобластной конторы Главснаба Наркомата общего машиностроения СССР. С началом войны был мобилизован в РККА, служил в глубоком тылу (в Тюмени) военкомом эвакогоспиталя, военкомом батальона учебной бригады, затем был зачислен слушателем Высшего военно-педагогического института Красной Армии. В действующей армии оказался

только в январе 1944-го в качестве политработника – агитатора полка, дослужился до инструктора политотдела корпуса, был награждён орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны I и II степеней. После демобилизации в 1946 году возвратился в Свердловск, где получил место начальника отдела в городской прокуратуре. Не откладывая в долгий ящик, подал документы и был зачислен студентом Всесоюзного юридического заочного института: высшее образование было непременным условием для успешного карьерного роста. Спустя два года возглавил районную прокуратуру в Свердловске. А в 1951 году, когда на руках у Н.П. Сорокина оказался диплом юриста, он был утверждён председателем президиума Свердловской областной коллегии адвокатов. На этой должности он благополучно прослужил тринадцать лет и в начале 1965 года вышел на пенсию⁸⁹.

Что касается главного действующего лица, то объявление «врагами народа» кабаковского руководства придало Максиму Фёдоровичу Григорьеву определённый иммунитет против повышенного интереса к его персоне со стороны органов НКВД. Однако это вовсе не означало, что отныне все его беды и переживания остались далеко позади. Судьба по-прежнему не была благосклонна к Максиму Фёдоровичу.

На прошедшей в конце мая 1937 года городской партконференции при обсуждении кандидатуры Григорьева в состав членов горкома ему были предъявлены обвинения в связях (в переписке) с Л.Л. Авербахом и в отсутствии за последние полгода выступлений о «вредительской работе» Ф.Т. Колгушкина. Невзирая на голословность первого и нелепость второго обвинения, а также на поддержку выступивших в его защиту делегатов, 148-ю голосами против 70-ти кандидатура Григорьева была отведена из списка для голосования. По тем же мотивам он был отведён из кандидатов в делегаты на областную конференцию. Для А.Я. Столяра это был чёткий сигнал. В июле 1937 года новое, столяровское руководство без каких-либо объяснений сняло его с должности инструктора Свердловского горкома ВКП(б). Причины тому были очевидны: Столяр тщательно очищал властные струк-

туры от всех кабаковских кадров (тем более тех, в отношении кого имелись хоть малейшие подозрения) и расставлял свои. В августе Григорьеву удалось устроиться преподавателем истории СССР в машиностроительный техникум на Уралмашзаводе. Спустя ровно год, при К.Н. Валухине он был возвращён на ответственную партработу и утверждён инструктором ключевого подразделения в структуре Свердловского обкома ВКП(б) – отдела руководящих партийных органов, контролировавшего деятельность нижестоящих партийных комитетов. Казалось, жизнь стала потихоньку налаживаться. Тем более что в сентябре 1939 года, уже при В.М. Андрианове, сбылась его давняя мечта – Свердловский обком выдал ему направление на учёбу в вуз. Институт красной профессуры был к тому времени ликвидирован, и потому Максим Фёдорович поступил в действующую в Свердловске Всесоюзную промышленную академию Народного комиссариата цветной металлургии СССР. Но в конце 1940 года, когда Григорьев учился на втором курсе, академию постигла та же участь, что и ранее Институт красной профессуры. Пришлось вновь возвращаться на партийную работу. Накануне нового, 1941 года Григорьев был направлен секретарём партийного бюро на свердловский завод «Металлист» – достаточно крупное машиностроительное предприятие, специализировавшееся на выпуске нефтеперерабатывающего и горнодобывающего оборудования, станков и оборудования для металлообрабатывающих заводов. На этом заводе он проработал полгода, до войны⁹⁰.

С началом войны он, как и Н.П. Сорокин, был мобилизован в РККА, с той лишь разницей, что, в отличие от хитрого и изворотливого Сорокина, служил не в тылу, а сразу оказался в эпицентре боевых сражений. 23 августа 1941 года сорокалетний комиссар Максим Фёдорович Григорьев погиб в тяжёлых оборонительных боях под Великими Луками, у Деревни Малахово Куньинского района, и был похоронен на деревенском кладбище. Похоронки получили его мать – Анна Григорьева, проживавшая там же, где родился её сын Максим — в г. Зея Читинской области, и сын Максима Фё-

доровича – Энгельс, оставшийся один в Свердловске (спустя два года, в августе 1943-го, девятнадцатилетний сержант Энгельс Максимович Григорьев погиб в боях на Орловщине). В 1954 году останки М.Ф. Григорьева вместе с останками других почти двух тысяч воинов, павших в годы войны в том районе, были перезахоронены в общей братской могиле в районном центре – посёлке Кушня Великолукской, ныне – Псковской области⁹¹.

Подводя итоги по «делу визовского бунтаря», необходимо отметить следующее. Как свидетельствуют архивные документы, кабаковской партийной машине в конечном итоге удалось надломить молодого коммуниста Максима Григорьева (и было бы удивительным, если бы ей это не удалось). Вместе с тем, изначально занятая им принципиальная позиция, пусть даже впоследствии пошатнувшаяся под мощными ударами высокого партийного начальства, имела весьма значимые политические последствия для региона. «Дело Григорьева» явило подлинные, неафишируемые перед широкими партийными массами стиль и методы кабаковского руководства, приоткрыло занавес, скрывавший свердловское партийное закулистье от посторонних глаз, обнажило нелицеприятную повседневность свердловской партноменклатуры.

Широкий резонанс «делу Григорьева» придали те обстоятельства, что конфликт между М.Ф. Григорьевым и областным начальством разгорелся не где-то в кулуарах, а на пленарном заседании Свердловского горкома ВКП(б), и что один из главных действующих лиц этого конфликта являлся на тот момент руководителем заводской партийной организации. Если, избавляясь от неугодных секретарей комитетов ВКП(б), даже низовых, «большие» секретари вынуждены были хотя бы создавать видимость соблюдения партийно-уставных норм, то с работниками аппарата они вовсе не церемонились.

**И.А. Кормилов: «Где это видано в практике
большевиков, когда работники партаппарата через
голову руководителей говорят о недостатках работы
этого аппарата?!»**

Настоящим скандалом закончилась в Свердловске рутинная проверка, произведённая уполномоченным Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области Константином Ивановичем Бухариным, по выполнению постановления ЦК партии «О создании в горкомах отделов парткадров». Инструктор отдела парткадров Свердловского горкома Красильникова, особо не задумываясь о последствиях, поведала Бухарину о своих рабочих буднях: «Секретаря горкома товарища Кузнецова я за всё время работы не видела ни разу, кроме как на заседании горкома. Он со мной ни разу не беседовал, ничего с меня не спрашивал и мне никаких указаний не давал». Подобного же рода «криминал» поступил в руки уполномоченного от других инструкторов. Все «обвинения» укладывались в одну формулировку: «формально-бюрократическое руководство секретарями горкома работой инструкторов, увлечение горкома вопросами оперативной, хозяйственной и советской работы и недооценка вопросов организационно-партийной работы и большевистского воспитания коммунистов». Некоторые из этих фактов легли в основу статьи Бухарина «Заботливо выращивать партийные кадры», опубликованной в журнале «Партийное строительство» в октябре 1936 года⁹².

Какие последствия для свердловского начальства могла иметь эта публикация? — Да никакие. Все это прекрасно понимали, но... Горкомовское руководство от такой «наглости» инструкторов было вне себя. Разве для этого они «подкармливали» аппарат?! Разве не воспитывали аппаратных работников как безмолвных и бездумных исполнителей, когда Кузнецов их поучал: «Мы — службисты, солдаты партийного аппарата. Сказано — руки по швам и делай!»⁹³ «Когда давали задание, то не смей спрашивать, как его сделать и [какова] его цель», — рассказывал на городской партконференции

инструктор Свердловского горкома ВКП(б) Иван Александрович Пашков. И в качестве примера поведал, как ему однажды дали задание ехать в Берёзовский: «Прихожу к Есикову и спрашиваю: “Что делать?” Он говорит: “На бюро бываешь?” – “Бываю”. – “Получил задание, ну и поезжай!”». Уже на месте, в Берёзовском, Пашков не знал, что ответить на вопрос секретаря парткома рудников, зачем он приехал⁹⁴. Зато в отчётах появлялся лишний пункт о произведённой проверке нижестоящего парткома.

Инструкторам даже было запрещено разговаривать с секретарём горкома: тот или иной вопрос полагалось докладывать заведующему отделом, и уже тот, если сочтёт нужным, пойдёт на приём к секретарю. Несоблюдение субординации грозило обвинением в нарушении внутрипартийной демократии. Инструкторов, осмелившихся высказать свою точку зрения на заседании бюро горкома, Кормилов грубо одёргивал: «Зачем нам нужны ваши замечания и мнения?!»⁹⁵

Спустя месяц со дня выхода статьи К.И. Бухарина на совещании инструкторов горкома и секретарей райкомов М.В. Кузнецов назвал статью коллективным творчеством, набросился на инструктора Климина за то, что тот посмел через его голову заявить о недостатках в работе горкома: «Климин даже отразил мнение всех инструкторов горкома, а секретарём горкома пока являюсь я!»

Сидевший рядом с Кузнецовым тогдашний завотделом партийной пропаганды, агитации и печати горкома И.А. Кормилов подзуживал: «Где это видано в практике большевиков, когда работники партаппарата через голову руководителей говорят о недостатках работы этого аппарата?!» Инструктор Рябчикова оправдывалась: «...Я не сама ходила в партконтроль, а ходила по вызову и распоряжению Есикова [на тот момент – завотделом партийных кадров горкома. – А.С.], поэтому нашу беседу в партконтроле нельзя считать хождением с жалобой».

Красильникову же за её язык решили строго наказать. По её выходу из отпуска новый непосредственный начальник Красильниковой – только что назначенный завотделом парт-

кадров Кормилов без каких-либо объяснений не допустил её к работе в отделе. Когда дело дошло до Бухарина и тот начал выяснять все обстоятельства, Кормилов «включил дурачка»: «Материалов, говорящих о том, что она не может быть допущена к работе в отдел парткадров горкома, у меня нет. Товарищ Красильникова официально не уволена с работы в горкоме, и она у нас получает зарплату до сих пор». Почему же она не допускается к работе, Кормилов ничего вразумительного сказать не смог.

Красильникова сложа руки не сидела: ходила к К.И. Бухарину, пять раз пыталась, и лишь на шестой пробилась на приём к М.В. Кузнецову, упрекала горкомовское начальство в «зажиме самокритики». В ответ услышала обвинения в троцкистских нападках на партаппарат, на Красильникову начали «шить дело». Обвинили даже в том, что в 1923 году она в Шадринске работала вместе с будущим председателем облисполкома В.Ф. Головиным, но не разоблачила его «контрреволюционной работы».

Смехотворность обвинений была очевидна, да и на дворе стоял уже март 1937-го. «Зажим самокритики» тем временем стал грозным обвинением, за которое можно было лишиться не только начальственного кресла, но и головы. По области гремели «дела» Кравчука и Григорьева. И, чтобы избавиться от назойливой «критиканши», её сослали из горкома инструктором в облисполком⁹⁶.

Инциденты с М.Ф. Григорьевым и инструкторами Свердловского горкома имели место до февральско-мартовского пленума ЦК. Но и после пленума Кабаков не счёл нужным производить какие-либо изменения в своей политике. Когда на Верещагинской районной партконференции местный секретарь Василий Михайлович Давыдов осмелился, как он выразился, «критикнуть» Кабакова и Пшеницына, в его адрес из областного центра полетела телеграмма, что он ложно информировал партийное собрание о работе обкома. Давыдов был убеждён, что будет сурово наказан за такую вольность, и с трепетом ожидал вызова в Свердловск. На Ленинской районной партконференции Свердловска секретари и надзира-

ший за собранием М.В. Кузнецов старались не подпускать к трибуне нелояльных местным властям делегатов. На конференции в Сталинском районе Кузнецов, произнеся наизусть выученное: «Нам надо сейчас больше развернуть критику недостатков в работе», тут же добавил: «Хватит нам покаянных речей...»⁹⁷.

**«...Святотатство совершил, оскорбляя авторитет
и престиж Кабакова»: «дело» директора дефибрёрного
завода Романа Кравчука**

Не только на область, на весь Советский Союз прогремело «дело» директора строящегося в Свердловске небольшого завода, специализировавшегося на выпуске дефибрёрных камней для целлюлозно-бумажной промышленности, Романа Давыдовича Кравчука. Всесоюзную известность Кравчук приобрёл благодаря своему выступлению на собрании партактива Октябрьского района Свердловска 14 января 1937 года, на повестке дня которого стоял один лишь вопрос: «Решение обкома ВКП(б) о Головине».

Двумя днями ранее ничто не предвещало разительных перемен в его жизни. Вечер вторника двенадцатого января Кравчук посвятил культурному отдыху – посещению свердловского театра. Театр он покинул во взволнованном состоянии. Но не игра актёров поразила в тот вечер заводского директора, а новость, которую он услышал в театре от своего коллеги-хозяйственника из Монтжтреста Перфильева. «Ты слышал, что Головин исключён из состава пленума и снят с работы председателя облисполкома?», – спросил он Кравчука. Тот не поверил собственным ушам: «Не может быть!» Перфильев сумел у кого-то раздобыть свежий номер «Уральского рабочего» и в качестве доказательства преподнёс его Роману Давыдовичу. На второй полосе газеты были обнародованы постановления состоявшегося накануне пленума Свердловского облисполкома. «За политические ошибки и преступное отношение к врагам партии и правительства снять Голови-

на В.Ф. с работы председателя Свердловского облисполкома и вывести его из состава членов президиума и пленума облисполкома», – гласило первое постановление. Ниже публиковалось второе: «Исключить из членов пленума облисполкома как врагов партии и советской власти Марьясина, Колегаева, Тараканова, Киселёва». Особенно Кравчука поразили фигуранты первого постановления: председатель облисполкома, орденосеиц, награждение которого орденом Ленина он, Кравчук, вместе со всеми приветствовал в своё время. «Сейчас смотришь и не знаешь, с кем работаешь», – прокомментировал Перфильев публикацию потрясённому собеседнику⁹⁸.

Роман Давыдович мысленно перечислял «врагов народа», оказавшихся в президиуме облисполкома: Головин, Стриганов, Медников, Марьясин, Колегаев... «Кто же руководил президиумом облисполкома и вообще советской властью в Свердловской области?» – задавал он себе вопрос. А кто ещё остался в президиуме? – Кабаков! Как он мог не увидеть врагов народа? Видимо, и Кабакова за это упущение снимут с работы.

На следующий день, придя в свой рабочий кабинет, Кравчук показал сенсационную публикацию заводскому парторгу Шмотьеву. Оба были возмущены. «Видимо, товарища Кабакова за это дело снимут», — поделился своими размышлениями директор⁹⁹.

О собрании, которое круто изменит его жизнь, Р.Д. Кравчук узнал случайно, позвонив по каким-то делам в Октябрьский райком. А посему прибыл на актив с опозданием в полтора часа, когда прения по докладу первого секретаря райкома К.В. Прислонова были уже в самом разгаре. Кравчук тоже решил взять слово в прениях по докладу, которого не слышал. Слово ему предоставили.

Позднее «легендарное» высказывание Кравчука будет украшать статьи в центральной и региональной прессе, эхом разойдётся по многочисленным местным конференциям и пленумам. И всякий раз слова директора дефибрёрного завода о врагах народа в облисполкоме будут звучать по-новому. «Как мог Кабаков долго сидеть рядом с двурушником Голо-

виным», – будет цитировать «Правда» выступление Кравчука. «...После ареста Головина я Кабакову не доверяю. Я считаю, что Кабаков его выдвигал, его выращивал, это есть его правая рука, и я не верю, чтобы Кабаков не видел или не знал вредительской работы Головина», – предлагал членам пленума обкома свою версию выступления Кравчука исполняющий обязанности второго секретаря Свердловского горкома ВКП(б) И.А. Кормилов¹⁰⁰.

А потому, чтобы не пасть жертвой многочисленных пересказчиков, обратимся непосредственно к стенограмме собрания партийного актива Октябрьского района, где Кравчук после небольшого вступления начал откровенничать по поводу своих размышлений последних дней: «Я не слышал информации о последних событиях [в] Свердловской области, в частности относительно президиума облисполкома. Я информирован только по тем сообщениям, которые были в газете, но в то же время у меня, я должен об этом заявить, сложилось определённое мнение, я в этом убеждён, что здесь не только один Головин будет участником, а есть, я склонен думать, что уважаемый товарищ Кабаков – все они в одном... все они – члены президиума облисполкома, и как они могли пропустить такое дело? Вот Головин, Стриганов, Медников...».

Не успел Кравчук договорить, как из зала раздался гневный окрик: «Какое ты имеешь право клеветать на товарища Кабакова?» – «Разрешите мне сказать о мнении, которое у меня сложилось, – продолжил директор завода. – Я хочу сказать, что уральская троцкистская группа, которая до сегодня процветала, она разоблачена органами НКВД, новыми людьми, которых сюда прислали для разоблачения этой контрреволюционной группы». – «Что вы хотите сказать?», – из президиума прервал Кравчука первый секретарь райкома Прислонов. – «Я хочу сказать, как могли [это] допустить все члены президиума облисполкома? Товарищ Кабаков является членом президиума облисполкома, и как могла эта группа до сих пор действовать, как до сих пор Головин не был разоблачён? Я хочу сказать, что Головин давно работает на Урале, то-

варищ Кабаков тоже давно работает, и поэтому я сейчас склонен... у меня в моей башке сложилось такое впечатление, что сейчас нельзя доверять никому, что сейчас положение дел такое...»

Закончить мысль Кравчуку не дали. В зале поднялся гвалт, со своего места в президиуме соскочил первый секретарь райкома Прислонов, незадачливого оратора немедленно стащили с трибуны. Кабаковские лизоблюды набросились на Кравчука, отовсюду из зала раздавались крики: «Долой его с трибуны!», «Это тоже троцкистское выступление!», «Это контрреволюционная вылазка!», «Какое вы имеете право заявлять, что ему нельзя доверять? Центральный Комитет доверил товарищу Кабакову руководить Свердловской парторганизацией!»

«Да здравствует товарищ Кабаков!» – закричал Прислонов из президиума. «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!» – кричали в зале. Возбужденные участники партактива повскакивали с мест и принялись аплодировать вождям.

Один Кравчук стоял ошарашенный, опустив руки, и попытался покинуть сцену. «Я считаю, что у него нужно отобрать партбилет...», – крикнули из зала, и у директора, словно пойманного с поличным на месте преступления, немедленно было изъято партийное удостоверение. «Я считаю, что заявление Кравчука относительно члена ЦК партии, первого секретаря областного партийного комитета, обвиняющее его в троцкизме, ни на чём не обосновано, – перекрикивал зал Прислонов. – Я считаю это клеветническим заявлением. Я считаю заявление Кравчука на товарища Кабакова клеветническим, ложным, огульным. Я считаю совершенно неправильным обвинение, что товарищу Кабакову нельзя доверить руководить обкомом партии, неправильно его заявление о том, что никому нельзя верить. ЦК партии доверил руководство Свердловской парторганизации товарищу Кабакову, и я считаю, что мы выскажем определённое мнение о поведении Кравчука. Это клеветническое и контрреволюционное заявление. Вы пытались оклеветать лучшего борца за генеральную линию партии, враги так всегда стремятся опорочить»

чить честных, преданных генеральной линии партии людей. Я предлагаю лишить его права выступления». С места дополнили: «Надо поставить вопрос о его партийности». – «Я думаю, что актив поручит нам решить этот вопрос», – ответил Прислонов. – «Надо решить сейчас же», – не унимались в зале и поставили в вину Кравчуку, что он не аплодировал вместе со всеми Кабакову и Сталину.

Многочисленные «преступления» были налицо, и Прислонов прервал заседание для консультаций с вышестоящими инстанциями¹⁰¹.

Прислонов бросился за кулисы к телефону и связался с секретарём горкома Кузнецовым, который в это время был на другом партактиве – в Сталинском районе. Районный секретарь доложил о «чрезвычайном происшествии»: «У меня на активе всё было хорошо, а вот выступил Кравчук и всю красоту испортил». Получив начальственные указания, ход возобновившегося собрания актива Прислонов повернул в нужное русло: поднимавшиеся на трибуну ораторы все как один клеймили Кравчука за троцкистские контрреволюционные высказывания, называли его прогнившим и заядлым троцкистом, троцкистским последышем, призывали исключить из партии.

«Товарищи, только сейчас перед нами выступал наглый враг, – распалилась работник райкома Ермакова. – Нет таких слов подобрать, которыми бы можно было выразить всю ненависть к этому охвостью – врагу, помощнику фашистов, который выступал с этой трибуны с явной клеветой на руководителя свердловских большевиков Ивана Дмитриевича Кабакова. Этот враг, троцкист хотел внести смятение в наши ряды, но не выйдет это дело».

Тем временем к проштрафившемуся директору завода был приставлен помощник местного начальника милиции, который повсюду следовал за «провинившимся», не исключая туалет, а направленный на директорскую квартиру наряд милиции изъял хранившееся у него на законных основаниях огнестрельное оружие. Мало ли на что способен коварный, загнанный в угол враг?¹⁰²

Вопрос о партийности Кравчука было решено рассмотреть безотлагательно. Открывая экстренно созванное в час ночи заседание бюро Октябрьского райкома ВКП(б), К.В. Прислонов назвал высказывание Кравчука преступлением и потребовал с него объяснений. Роман Давыдович, которого тоже вызвали на заседание, пытался изложить свою точку зрения партийным судьям, рассказать, как он после долгих размышлений об арестах Головина и других членов президиума облисполкома пришёл к выводу: «...Видимо, и Кабакова за это допущение снимут с работы. И у меня определённо в моём мозгу сложилась такая мысль». Но при этом категорически отказывался признавать свои слова на активе троцкистскими и контрреволюционными: «Я заявляю, что никогда не был троцкистом и не буду им никогда». «Я к такому букету ярких контрреволюционеров Ивана Дмитриевича никогда не мог приклеить», – пытался он оправдываться под натиском членов бюро райкома. Но вердикт партийного «суда» был предопределён. «Есть одно предложение: исключить из партии», – прервал обсуждение Прислонов. Члены бюро послушно подняли руки¹⁰³.

Секретарь торопился не случайно: в Свердловском горкоме с нетерпением ожидали окончания заседания районного бюро. Выписку с решением об исключении Кравчука из партии «за троцкистскую контрреволюционную клевету» срочно повезли «наверх», на рассмотрение Свердловского горкома ВКП(б). Членов бюро горкома пришлось собирать посреди ночи, как будто стряслось нечто чрезвычайное, и те единогласно проголосовали за исключение «с глубочайшим внутренним возмущением» от проступка Кравчука, что он «...святотатство совершил, оскорбляя авторитет и престиж Кабакова». В отличие от райкома, бюро горкома под председательством М.В. Кузнецова не ограничилось исключением Кравчука из партии, а заодно сняло его с работы директора завода, даже не поинтересовавшись мнением Наркомата местной промышленности РСФСР. Кузнецов дал заведующему промышленно-транспортным отделом горкома Маргевичу три дня на то, чтобы найти и представить на утверждение новую кандидатуру директора¹⁰⁴.

Выгнав Кравчука из партии, обком принялся за устранение его от должности. Наутро на дефибрёрный завод прибыл второй секретарь Октябрьского райкома Василий Петрович Емельховский, собрал коммунистов и объявил их директора вредителем, контрреволюционером, троцкистом, оклеветавшим Ивана Дмитриевича Кабакова – человека, который переделал демидовский Урал. Заместителю директора было приказано занять место опального начальника: «Садись, его уже нет». Фактически так оно и было. Заведующий промышленно-транспортным отделом обкома Г.Г. Ян слал в Москву на имя республиканского наркома местной промышленности И.П. Жукова телеграммы с требованием снять Кравчука с работы. На завод с целью обследования работы директора стали прибывать одна комиссия за другой¹⁰⁵.

Роман Давыдович решил не сдаваться. С жалобой на действия местных парторганов он обратился к областному уполномоченному комиссии партконтроля К.И. Бухарину. Но в комиссии явно не спешили разбираться с его делом: охотников действовать открыто против «лучшего уральского большевика» (а надо быть наивным, чтобы не понимать, кто стоял за преследованиями Кравчука) не находилось¹⁰⁶.

Будущее директора завода вырисовывалось в весьма мрачных тонах, ведь из уст высокого партийного начальства он был обвинён в уголовно наказуемых деяниях – во вредительстве и в контрреволюционной клевете (иначе говоря – в контрреволюционной деятельности). Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы за Кравчука не заступилась центральная «Правда». 13 февраля в передовой статье печатного органа ЦК ВКП(б) под заголовком «Внутрипартийная демократия», в месте, где говорилось о запусценности в некоторых организациях партийной работы и отсутствии внутрипартийной демократии и самокритики, в качестве примера кратко излагалось «дело Кравчука». «О какой самокритике может идти речь, например, в Свердловске, когда за критику на районном активе секретаря обкома тов. Кабакова был исключён из партии тов. Кравчук! – говорилось

в передовой «Правды». – Если бы даже Кравчук был неправ, а это далеко не так, то за слова – как мог Кабаков долго сидеть рядом с двурушником Головиным – никто не смеет лишать коммуниста партийного билета, а это сделал Октябрьский райком. Подхалимство пустило, видимо, в Свердловске глубокие корни»¹⁰⁷.

Кабаков был вынужден отреагировать на указания из Москвы и срочно «давать задний ход». Поспешно, уже в день выхода «Правды», было принято совместное постановление двух бюро – обкома и Свердловского горкома ВКП(б), согласно которому указание газеты было признано правильным, а исключение из партии Кравчука называлось актом зажима самокритики. Решения райкома и горкома от 14 января были отменены (т. е. Кравчук был восстановлен в партии), секретарю горкома Кузнецову было поручено доложить о передовой «Правды» и последующем решении бюро обкома и горкома на всех районных и городской партконференциях. Всем парторганизациям области, включая первичные, предписывалось обсудить передовую статью, «...извлечь все необходимые выводы и уроки из передовой “Правды” и развернуть большевистскую самокритику, невзирая на лица, беспощадно борясь против всякого проявления подхалимства и угодничества». Передовая «Правды» и постановление бюро обкома и горкома были растиражированы в «Уральском рабочем» и других газетах области¹⁰⁸.

Формально справедливость была восстановлена. А фактически?

Изо дня в день Кравчук звонил либо заходил в Октябрьский райком за партбилетом, но районные чиновники, заручившись поддержкой Пшеницына, в течение почти полутора месяцев отделивались от назойливого посетителя обещаниями, своим хамским поведением демонстрировали, что Москва им не указ. А когда Кравчук попросил выдать ему пропуск на городской партийный актив, то в ответ от того же секретаря райкома Емельховского услышал: «Актив – исключительно партийных работников, а вы – работник административно-советский»¹⁰⁹.

Второй секретарь горкома М.В. Кузнецов тоже не спешил с выполнением постановления бюро обкома и горкома партии. На партконференции Октябрьского района он хоть и появился, но не выступал. На конференции в Сталинском районе вышел на трибуну, проговорил около часа, но ни словом не обмолвился о «деле Кравчука». На Ленинской райпартконференции говорил о постановлении, но в таких выражениях, что делегаты так и не поняли, кто же был виноват: то ли горком, то ли Кравчук. И только после очередного гневного окрика «Правды» – упоминавшейся выше статьи «Свердловский горком “извлекает уроки”» – Кузнецов вышел на трибуну городского партактива и нехотя заговорил об этом «деле», правда, ограничился лишь парой общих фраз, не вдаваясь в подробности, объяснив своё невыполнение постановления бюро обкома и горкома попыткой защитить честь мундира¹¹⁰.

Партбилет Кравчуку вернули лишь 21 марта, когда партактив был уже в самом разгаре. На следующий день у него хватило смелости не только приехать на собрание в «Деловой клуб» и предстать перед глазами вершителей его судьбы, но даже подняться на трибуну, чтобы в присутствии самого «вождя уральских большевиков» поведать о своих мытарствах.

Настроение «вождя» и без Кравчука было неважным. Не так давно Кабаков вернулся с февральско-мартовского пленума ЦК, где он, «главный инженер-строитель социалистического Урала», был подвергнут персональной критике в заключительном слове секретаря ЦК А. А. Жданова (и это было опубликовано в «Правде»!), а во время выступления его не раз перебивал Сталин и другие члены высшего руководства, вставляя то одно, то другое ехидное замечание, вызывавшее хохот в зале¹¹¹. Вторая критическая статья в «Правде» в адрес Свердловского горкома, посвящённая «делу Кравчука», появилась в самый неподходящий момент – как раз накануне этого выступления Кабакова. В ходе того же пленума на «деле Кравчука» останавливался заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно редактор «Правды» Лев Захарович Мехлис. Последний представил историю с Кравчуком как пример «неслыханного подхалимства» в Свердлов-

ловской области. «Там, например, директора завода товарища Кравчука исключили из партии за то, что он осмелился на районной партийной конференции спросить, как мог товарищ Кабаков так долго сидеть с двурушником Головиным, как он мог это не заметить, – говорил с трибуны пленума сталинский приближённый. – Вопрос совершенно правильный, который может задать любой рабочий. За это человека исключили из партии. Он вынужден был больше месяца обивать пороги всех партийных организаций, все от него отворачивались, и лишь после выступления “Правды” его восстановили в партии. Здесь выступал товарищ Кабаков. Товарищ Кабаков говорил об ошибках на Урале, но он не вскрыл основной ошибки, он не заметил, как на Урале сильно развито местничество и подхалимство»¹¹².

Кабаков вынужден был всё это смиренно выслушивать, ведь он сам только что выписывал реверансы в адрес печатного органа Центрального комитета: «ЦК исправлял не раз ошибки свердловской партийной организации. Товарищ Сталин особенно много раз указывал на наши упущения и ошибки. “Правда” повседневно широко вскрывает язвы и запущенность в постановке партийной работы»¹¹³.

Однако, будучи в своей «свердловской вотчине», Кабаков мог позволить вести себя более непринуждённо и естественно.

И вот на свердловскую трибуну поднялся ненавистный директор дефибрённого завода и принялся подробно рассказывать о своём выступлении на райпартактиве, реакции секретарей райкома Прислонова и Емельховского, как даже после передовой «Правды» и решения бюро обкома ему долго не выдавали партбилет. Мало того, комментируя выступление Емельховского перед парторганизацией дефибрённого завода, Кравчук и вовсе позволил себе очередную крамолу. «Конечно, Иван Дмитриевич Кабаков – руководитель, но он сам не переделал Урал, а переделала партия, переделал рабочий класс и крестьянство, возглавляемое партией, а он только продвигал все мероприятия через обком партии и так далее»¹¹⁴.

Кабаков сдержать свои эмоции не смог. Вместо того, чтобы ещё раз признать действия по отношению к Кравчуку незаконными, противоречащими установкам Сталина (а ведь собрание партактива было посвящено решениям февральско-мартовского пленума ЦК!), он принялся из президиума перебивать выступавшего и, в конце концов, обвинил его в срыве строительства завода. Происходило это на глазах у всего городского начальства, спустя лишь день после доклада Кабакова на том же собрании, в котором местный вождь цитировал Сталина: «самокритика является душой большевистского дела, методом воспитания большевистских кадров», во всеуслышание заявлял, что исключение Кравчука из партии есть яркое проявление подхалимства и угодничества и что подобные явления необходимо выжигать, уничтожать в самом зародыше, безжалостно разоблачать. А в конце доклада призвал извлекать уроки из допущенных ошибок, «...мобилизовать все силы, активизировать всю партийную массу на борьбу за выполнение исторических решений пленума ЦК ВКП(б) и указаний нашего вождя товарища Сталина, за коренную перестройку партийной работы на началах демократического централизма»¹¹⁵.

На следующий день после выступления Кравчука Кабаков демонстративно не поехал на заседание актива. Невзирая на указания Москвы, «областной вождь» задался целью во что бы то ни стало истребить строптивого директора.

Для начала обкому удалось договориться с наркомом Жуковым о проверке финансовой деятельности дефибрённого завода. С этой миссией из наркомата в Свердловск прибыл ревизор Пугач, а в помощь ему обком приставил членов ВКП(б) Бурму и Мезенцева, которых ранее, до публикации в «Правде» о «деле Кравчука», намечали на кресла соответственно директора и заместителя директора завода.

Вот только Кабакову на этот раз не суждено было испытать радость от отмщения: из него самого в НКВД вскоре стали выбивать нужные показания. Но инициированное им «дело» продолжало раскручиваться. Интересно отметить, что «копали» под Кравчука как раз в то самое время, ког-

да его фамилия звучала на многочисленных партийных собраниях, а связанная с ним история преподносилась как яркий пример «зажима самокритики» и вражеской деятельности бывшего партийного начальства. «Разве мало таких случаев, когда честных партийцев буквально загоняли, исключали. Достаточно указать на пример с Кравчуком...», – говорил с трибуны Свердловской городской партконференции в мае 1937 года не кто иной, как член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев¹¹⁶.

Проверяющим удалось, в конечном итоге, «накопать» требуемый документальный материал, достаточный для уничтожения Кравчука: приказом наркома он был снят с директорского поста, позднее исключён из партии, почти два года находился под арестом. В основу дела были положены обвинения в незаконном получении средств на лечение и путёвок в санатории и в выпуске заводом некачественной продукции. Только в 1939-м Кравчука освободили из-под стражи, восстановили в партии, и он выехал в Ленинград, к месту жительства его семьи¹¹⁷. К тому времени в кровавой энкавэдэшной мясорубке уже давно сгинули все его обидчики – как местные свердловские начальники, так и республиканский нарком Жуков.

Но вернёмся в 1937-й. Двучленную модель поведения «хозяина области» охотно перенимали нижестоящие руководители. К примеру, уже упоминавшийся кабаковско-кузнецовский ставленник в Нижнем Тагиле Л.Н. Пальцев. После февральско-мартовского пленума ЦК Леонид Николаевич на партийных заседаниях бил себя в грудь, перечисляя собственные ошибки. Но когда подведомственный горкому «Тагильский рабочий» поместил заметку о нарушении внутрипартийной демократии на шамотном заводе, Пальцев резко отчитал редактора газеты В.А. Орлова за самоуправство. С перепугу Орлов из уже свёрстанной газетной полосы снял другую статью, на этот раз – об игнорировании устава ВКП(б) в парторганизации треста «Тагилстрой», нелестно характеризующую секретаря парткома¹¹⁸. Действия Орлова были вполне оправданны: Сталин у себя в Москве может вещать о чём угодно, но карьера редактора «Тагильского ра-

бочего» целиком зависела от первого секретаря местного горкома партии, «тагильского вождя» Пальцева, а не кремлёвского вождя Сталина.

Печатные органы комитетов ВКП(б) верховная власть рассматривала в качестве важнейшего инструмента в развёртывании критики и самокритики. Областная газета «Уральский рабочий» не могла удовлетворять этим требованиям хотя бы потому, что на работу в редакцию Кабаков пристроил свою жену – Валентину Ивановну Виноградову, которая одно время даже сидела в кресле заместителя редактора газеты. «Часто была фактическим редактором», – признавал позже редактор официальный Александр Израилевич Жуховицкий – ставленник Кабакова и Виноградовой. «Какая может быть речь идти о самокритике, когда там цензура проходила в домашнем порядке», – с трудом подбирая слова, возмущался на пленуме член бюро обкома, начальник управления железной дороги Шахгильдян¹¹⁹. Серьёзные критические статьи, вскрывавшие ошибки в работе хозяйственных организаций, не допускались к печати в «Уральском рабочем», зато публиковались в «Правде»¹²⁰.

«Фильтр» в «Уральском рабочем» работал безотказно. Редакционная почта увеличивалась с каждым месяцем 1937 года, возрастал поток писем, содержащих «сигналы с мест»: в январе редакция получила около 2400 писем, в феврале – 2900, в марте – уже 3300. Корреспонденции с критикой И.Д. Кабакова и его приближённых отсеивались в первую очередь. Публиковалась лишь незначительная часть писем, остальные складировались в редакционных шкафах и дальнейшего хода не получали. Усилиями редакции жизнь Свердловской области освещалась в «розовом цвете». «Такое же освещение в розовом свете “Уральский рабочий” рекомендовал и районным газетам», – констатировали газетчики после ареста Жуховицкого¹²¹.

С газетными работниками, как и с другими подчинёнными, Кабаков особо не церемонился: «областной вождь» решительно накладывал «вето» на публикацию неугодных ему материалов, порой «перепало» редактору Жуховицкому, без-

ропотно выполнявшему волю «хозяина», включая дискредитацию неугодных Кабакову руководителей. Что говорить о подручном «Уральском рабочем», когда даже корреспондента «Правды» по Свердловской области Валентина Борисовича Сагалатова, из-под пера которого в середине 1930-х выходили критические статьи о местном начальстве, объявили чуть ли не сумасшедшим¹²².

Это что касается дел. На словах же Кабаков презентовал себя активным сторонником сталинского курса и знал, *что* можно и нужно говорить на публику. В каждом официальном выступлении стремился сослаться на Сталина. Вот такие фразы, к примеру, он то и дело бросал в зал во время заседаний областной партконференции в 1934 году: «Десять лет верный ученик великого Ленина, вождь и учитель нашей партии, любимый друг трудящегося человечества товарищ Сталин неуклонно ведёт партию от одной победы к другой»; «Уральская партийная организация, изо дня в день борясь за указания товарища Сталина, добилась громаднейших успехов»; «Уральская парторганизация будет настойчиво и упорно бороться за учение товарища Сталина»; «Местечковую политику нам вести не к лицу. Мы должны и обязаны проводить одну политику, политику нашего Центрального комитета партии и великого стратега товарища Сталина»¹²³. Лишь во время небольшого выступления при открытии конференции Кабаков упомянул Сталина семь раз.

Слова Ивана Дмитриевича не имели ничего общего с его делами. Не случайно в политическом лексиконе 1930-х то и дело мелькало «двурушничество», под которым подразумевалось поведение того или иного человека, на словах выражавшего преданность кому-либо, но действовавшего в пользу противоположной стороны. Действовал ли Кабаков исключительно в собственных интересах, в стремлении поддерживать личное властное могущество и роскошную жизнь, или же преследовал определённые политические цели, действовал в интересах каких-либо политических сил – историкам ещё только предстоит дать научно обоснованный ответ на этот вопрос.

«...Сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место!»

И.В. Сталин ещё в 1934 году с трибуны XVII съезда ВКП(б), как всегда, просто и доходчиво предупреждал руководителей региональных властных структур, многочисленных партийных, советских и хозяйственных начальников: «Один тип работников – это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе»¹²⁴.

Партийные вельможи, сидевшие в зале съезда, встречали слова Сталина аплодисментами, возгласами «Правильно!», а вернувшись на свои руководящие кресла, продолжали действовать по-прежнему, будучи уверенными, что кремлёвский вождь никогда не посмеет их тронуть – их, активных участников революционных событий, легендарных героев Гражданской войны, чьими именами были названы города и районы, заводы и вузы. Вот только за минувшие после партсъезда три года мнение Сталина относительно того, «как быть с такими работниками?», претерпело существенные изменения...

Труд Папардэ и его сотрудников, проделавших колоссальную работу по выявлению и документированию коррупционных преступлений во властных структурах, оказался не напрасным. Известно, что в начале 1937 года материалы по «делу Свердловского облисполкома» были востребованы органами НКВД и вновь встали на повестку дня свердловского партконтроля. Только на сей раз в адрес фигурантов звучали иные обвинения – в буржуазном перерождении и троцкизме, в контрреволюционной деятельности – которые грозили куда более строгими мерами наказания, нежели общественное порицание или месяцы исправительно-трудовых работ¹²⁵.

Руководители различных властных структур и заводское начальство были обвинены в контрреволюционной деятельности, а не в должностных или хозяйственных преступлениях. О причинах такой квалификации преступлений писал очевидец событий, ранее уже упомянутый Джон Скотт.

«Многие из тех людей в Магнитогорске, которые были арестованы и осуждены за политические преступления, были просто воорами, мошенниками и бандитами, и в любой другой стране с ними поступили бы точно таким же образом, – писал Скотт. – Политические ярлыки на их преступления были повешены только из соображений пропаганды и назидательности.

Начальник строительной конторы, занимавшейся строительством индивидуальных жилых домов, был не удовлетворён своей двухкомнатной квартирой и зарплатой, составлявшей тысячу рублей в месяц. Он построил себе дом, возведение которого продолжалось в течение всего 1936 года. Когда он переехал туда, он уже мог роскошно обставить все пять больших комнат, повесить шёлковые драпировки и поставить рояль. Затем он начал разъезжать по всей округе на автомобиле, когда всем было прекрасно известно, что его организация не имела ни одного. В то же время его стройконтора выполняла свой план приблизительно на 60 процентов. Когда в газетах и на собрании поднимался вопрос, в чём же при чина этих трудностей, он ссылаясь на нехватку стройматериалов, рабочей силы и транспортных средств.

Органы НКВД расследовали это дело и обнаружили, что начальник систематически расхищал государственные фонды, построил себе дом за счёт материального обеспечения других работ, продавал стройматериалы совхозам и другим организациям, а деньги прикарманивал; некоторые же из его подчинённых регулярно получали деньги за то, что молчали о происходящем. Состоялся открытый судебный процесс, сообщения о котором на несколько дней буквально заполнили страницы местных газет. Особо важные выступления даже передавали по радио. Этому человеку было предъявлено обвинение не в воровстве, не во взяточничестве и не в расхищении государственных средств – его обвинили во вредительстве. Он занимался саботажем строительства домов для рабочих в то время, когда эти дома были так необходимы. После того как он полностью признал свою вину, которая была подтверждена множеством различных документов, ему вынесли приговор и затем расстреляли.

Таким образом, в Магнитогорске существовали и бандитизм, и воровство, как и в любом городе на Западе. Единственное различие заключалось в том, что в Магнитогорске было сложнее расхищать государственное имущество в таких размерах, как в Нью-Йорке или Чикаго, а если кого-то в этом уличали, то ему вполне могли предъявить обвинение в саботаже и контрреволюционной деятельности, а не в воровстве, и у него было довольно-таки мало шансов откупиться»¹²⁶.

В качестве подобных примеров можно привести уголовные дела бывшего заведующего хозяйством Свердловского облисполкома Капуллера и начальника треста «Медсанстрой» Верёвкина. Капуллер получил обвинения в том, что он «...является участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, существовавшей на Урале, входил в контрреволюционную группу, существовавшую в аппарате Уралоблисполкома и обкома ВКП(б), и находится в организационной троцкистской связи с арестованными членами контрреволюционной организации Стригановым и Головиным В.Ф.». Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 4 апре-

ля 1937 года Капуллер «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» был приговорён к пяти годам тюремного заключения¹²⁷.

Верёвкин, в свою очередь, был обвинён в том, что, «...являясь участником контрреволюционной организации правых, которая в блоке с троцкистами совершила злодейское убийство тов. С.М. Кирова, и ставившая своей целью реставрацию капитализма в СССР, Верёвкин В.Г. вёл подрывную вредительскую работу в строительстве лечебных учреждений в Свердловской области; с 1928 года и по день ареста был связан в гор. Харбине с японцем Иосизова, и в гор. Москве с Лев В.Г., имеющего близкое отношение к японскому посольству». Тем же Особым совещанием 23 июля 1937 года бывший начальник треста «за контрреволюционную деятельность» был приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей¹²⁸.

В двадцатых числах мая 1937 года Кабаков был арестован. Перед тем как отправить бывшего свердловского секретаря в жернова НКВД, 16 мая И.В. Сталин имел с ним беседу в своём кремлёвском кабинете. Фактически на тот момент Кабаков был уже снят с поста первого секретаря обкома, т. к. двумя днями ранее на его место решением Политбюро был рекомендован кировский секретарь А.Я. Столяр. В кабинете помимо хозяина присутствовали два члена Политбюро ЦК — председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов и нарком обороны К.Е. Ворошилов, а также секретарь ЦК, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и одновременно нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов¹²⁹. И хотя содержание их разговора неизвестно, вероятнее всего, Сталин лишний раз убедился в невозможности «исправления» Кабакова и в нецелесообразности его использования на другой, пусть даже низовой работе. Так или иначе, после этой беседы Сталин определил его дальнейшую судьбу.

Уже на следующий день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О Кабакове», которым вынесло на голосование членов и кандидатов в члены ЦК партии следующее предложение: «По имеющимся материалам, член ЦК Каба-

ков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых. Политбюро ЦК ставит на голосование членов ЦК и кандидатов в члены ЦК предложение об исключении Кабакова из состава ЦК и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел». Члены пленума ЦК ВКП(б) опросом проголосовали «за», после чего «вождь уральских большевиков» был арестован¹³⁰.

Та же участь ожидала его многочисленных выдвиженцев из числа обкомовских и облисполкомовских чиновников, городских и районных партийных секретарей, аппаратных работников, хозяйственных руководителей. Всем им предстояло сыграть свою трагическую роль в грандиозном спектакле, режиссёры которого трудились не в здании обкома ВКП(б), как это было раньше, а на противоположном берегу реки Исеть, в здании УНКВД на Ленина, 17. Всем арестованным предстояло занять своё место в одном из 200 подразделений, 15 повстанческих организаций и 56 групп «раскрытого» чекистами так называемого «Уральского повстанческого штаба – органа блока правых, троцкистов, эсеров, церковников и агентуры РОВСа». Кабакову энкавэдэшные режиссёры уготовили роль руководителя этого «штаба»¹³¹.

Суд над Кабаковым состоялся в Москве 3 октября 1937 года. Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в том, что, «являясь одним из руководителей антисоветской террористической организации правых, проводил вредительскую и диверсионную работу по подрыву народного хозяйства Свердловской области и руководил подготовкой террористических актов над руководителями Советского правительства и ВКП(б)», то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-7, 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Кабаков был приговорён к высшей мере наказания. Согласно документам следственного дела, приговор о расстреле был приведён в исполнение 30 октября 1937 года¹³². Подобная же участь постигла многих сановников некогда могущественной «империи товарища Кабакова». В середине 1950-х они были реабилитированы как невинные жертвы сталинского режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы описали лишь некоторые заметные события политической жизни на Урале середины 1930-х годов – самые крупные «дела», получившие резонанс как на региональном, так и общесоюзном уровнях. По разным причинам за рамками нашей работы остались множество других, порой не столь громких, тем не менее, чрезвычайно важных событий. Событий, важных для проникновения в суть сложнейших политических процессов, происходивших в это время в стране. И всё же, несмотря на отсутствие многих существенных деталей, попытаемся сформулировать некоторые выводы, проистекающие из настоящего исследования, которые в дальнейшем, с расширением источниковой базы, могут быть откорректированы.

Коррупция во всех её проявлениях в середине 1930-х годов приняла угрожающие масштабы, как раковая опухоль, поразила все жизненно важные органы общественного организма, включая его «мозг» – управленческий аппарат. Начальство на всех уровнях властной вертикали – областном, городских, районных - использовало имевшийся доступ к финансовым и материальным ресурсам в личных целях. Помимо бюджетных средств, важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов во властные структуры являлись многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории области. Всюду, начиная с областных торгово-снабженческих организаций и заканчивая магазинами и ОРСаами на местах, изымались продовольственные ресурсы, предназначенные для снабжения населения, рабочих на заводах, фабриках и шахтах. Местные и областные органы власти под теми или иными предлогами, а порой и вовсе без них,

изымали у предприятий и учреждений крупные денежные средства. Эти суммы на предприятиях списывались с различных статей расходов, включая те, что целевым образом выделялись из Центра для материально-бытового обустройства рабочих. Заплатив «дань», хозяйственники пользовались ресурсами предприятий в целях собственного материального обогащения, в том числе выпи-сывая себе огромные пособия и премии. На всё средств не хватало, поэтому экономили на возведении промышленных объектов, сда-вали их в эксплуатацию с многочисленными недоделками, с от-ступлением от норм и правил, что в последующем препятствовало нормальному функционированию предприятий, а также сказыва-лось на условиях труда для рабочих, приводило к их заболеваемо-сти, массовому травматизму и гибели. Пока трудно с точностью определить масштабы материального ущерба, нанесённого госу-дарству, тем не менее, можно утверждать, что подобные действия в значительной степени негативно сказывались на проведении в жизнь планов индустриализации.

Многочисленное партийное, советское и хозяйственное начальство при всём желании не могло скрыть свой достаток и об-раз жизни. Ведь проживали они в достаточно комфортабельных условиях, даже в голодные времена устраивали банкеты и вечера, где пьянствовали и веселились, порой хулиганили. Носили доро-гую одежду и активно пользовались немногочисленным тогда слу-жебным автотранспортом в личных целях. Вместе с семьями от-дыхали на дачах и на южных курортах.

Свидетелями их повседневной жизни становились простые обыватели, многие из которых еле сводили концы с концами. Если кто и не был очевидцем, то вполне мог услышать от других, ведь слухи о барской жизни партноменклатуры имели весьма широкое хождение. Барская, роскошная жизнь всевозможного начальства протекала на глазах жившего впроголодь населения, в условиях нормированной системы распределения, на фоне тяжёлого мате-риально-бытового положения рядовых работников, влачивших су-ществование в разваливающихся бараках и землянках, в тесноте и грязи.

Из-за невыносимых условий труда и бедственного материального положения работники массово увольнялись с предприятий, что также крайне негативно сказывалось на реализации планов индустриализации на Урале.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что незаконные действия хозяйственных и партийных руководителей шли вразрез с провозглашаемым советской пропагандой образом коммуниста, с декларируемыми идеями равенства и справедливости. Они причиняли не только огромный экономический ущерб, но и наносили непоправимый репутационный урон, дискредитировали советскую систему власти в целом.

Чем можно объяснить такое поведение партийного и хозяйственного руководства? Ведь партийное начальство в основной своей массе были профессиональными пропагандистами, публично присягавшими на верность революционным идеалам. А бедственное положение, в котором пребывало население региона, секретом для них не являлось. И то, как катастрофические жилищно-бытовые условия и недостаточное продовольственное обеспечение рабочих сказываются на реализации планов в промышленности и в строительстве, начальники всех уровней тоже прекрасно понимали.

Разумеется, следует учитывать естественное стремление человека к повышению своего социального статуса. Нередкими спутниками этого статуса, к тому же на фоне низкого культурного уровня его носителей, являлись демонстративное поведение и престижное потребление, порой принимавшие вульгарно-демонстративные формы. Вместе с тем, на наш взгляд, подобное поведение во многом было обусловлено социальным опытом руководящих работников властных структур и хозяйственных организаций. Родившиеся в конце XIX и начале XX века в бедных рабочих и крестьянских семьях, они были свидетелями имущественного расслоения общества и на себе испытали царившую повсюду социальную несправедливость. В позднеимперской России хозяевами жизни были высокопоставленные государственные чиновники, предприниматели и крупные землевладельцы. Ре-

волюция и Гражданская война перевернули устоявшийся социальный уклад. Теперь они, недавние бедняки, участники революционных событий и герои Гражданской войны, по праву победителей стали хозяевами, получили руководящие должности и доступ к различным благам. Как и прежние господа, они обзавелись прислугой, обеспечили себя хорошим жильём и богатой обстановкой, их столы украшали деликатесы и вина. Наличие вокруг многочисленных нуждающихся их вовсе не смущало, ведь это была вполне привычная для них картина. А провозглашаемые ими лозунги о всеобщем равенстве и справедливости, демонстрация приверженности «генеральной линии партии», горячее одобрение установок партии и правительства – всё это было не более чем декорацией, лишь неизбежной повинностью советского чиновника.

Процессы разложения в партийно-государственном аппарате зашли столь далеко, что многие представители властных структур больше напоминали членов бандитско-воровских шайк, нежели «людей дела, способных обеспечить конкретное руководство порученной работой и укрепление партийно-советской дисциплины», как того требовал Сталин на XVII съезде партии. Их незаконные действия фиксировались органами партийного и советского контроля, порой – правоохранительными структурами, некоторые «дела» были доведены до судебных инстанций. Однако под суд попадали не «заказчики» – основные получатели материальных благ, а лишь непосредственные исполнители, да и тем благодаря высокому покровительству выносились несопоставимо мягкие либо даже оправдательные приговоры. Действующие законодательные меры реагирования на коррупционные преступления оказались совершенно неэффективными по отношению к коррупции во властных структурах. Именно поэтому уральская партноменклатура, невзирая на обнародование некоторых «дел» в «Правде», не отказалась от стремления к роскошной жизни, а стала действовать более изощрённо, скрытно, стремясь не оставлять документов. Раздававшиеся из Москвы призывы к соблюдению партийной и государственной дисциплины, к следованию принципам «ком-

мунистической нравственности», «коммунистической этики» на уральских чиновников впечатления не производили. Партийно-идеологические установки Кремля не находили отклика в уральской провинции, невзирая ни на какие увещевания и предупреждения.

Политические преобразования, предпринятые Сталиным в 1937 году в целях централизации властной вертикали, очищения её от коррупционной составляющей, повышения её эффективности, были встречены региональной партноменклатурой восторженно на словах, но в ходе реализации натолкнулись на её упорное сопротивление по той причине, что фактически ликвидировали её привилегированное положение в обществе, угрожали её материальному благополучию и стабильности. Сталин столкнулся с молчаливым сопротивлением местных «вождей», не желавших расставаться со своими куклами, с такой любовью взращенными в первой половине 1930-х, становиться лишь частью безликой партноменклатуры, подвергаться критике как сверху, так и снизу, и наряду с «простыми смертными» проходить через унижительную процедуру тайного голосования в состав партийных комитетов, рискуя быть неизбранными. Риск этот многократно бы возрастал, если бы руководящие кресла в области занимали люди, не связанные патрон-клиентскими отношениями с «областным вождём». Ведь преданное окружение на важнейших руководящих постах являло собой ключевую компоненту властного могущества и стабильности региональных «вождей». Профессиональная некомпетентность этого окружения не служила помехой для высоких постов, и даже наоборот: ближайшие сподвижники не должны были затмевать величие первого секретаря обкома. Интересы дела, государственные интересы для региональных «вождей» отходили на второй план, когда речь заходила об их личном властном могуществе и материальном благополучии.

В ответ верховная власть широко практиковавшиеся в партийно-государственном аппарате различные коррупционные схемы, а также действия, идущие вразрез с партийно-уставными нормами и постановлениями высших партийных

инстанций – ранее, как правило, остававшиеся безнаказанными, – стала квалифицировать как действия «врагов народа». Несогласная с политикой Сталина, игнорирующая установки верховной власти региональная партийно-советская и хозяйственная элита была обвинена в политических преступлениях и физически уничтожена.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее - ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 46; Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа». Документы о причинах самоубийства второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницына. 1937 г. // Исторический архив. 2008. № 3. С. 119, 122.
- ² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 5-6, 13, 16.
- ³ Там же. Л. 59-60; Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 122.
- ⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 59.
- ⁵ Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 122.
- ⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 1888. Л. 15-20.
- ⁷ Там же. Л. 20; Оп. 15. Д. 26. Л. 59; Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 122.
- ⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 2342. Л. 2-3, 17-18.
- ⁹ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 59-60.
- ¹⁰ О награждении орденом Ленина руководителей ряда областей, краёв и республик за успешную работу: постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР // Правда. 1935. 21 декабря.
- ¹¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января-10 февраля 1934 г.: стенографический отчёт. М., 1934. С. 6-7.
- ¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 67-68.

Глава I

- ¹ Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 490-491.
- ² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 13.

- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 22-23; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года// Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 13-16.
- ⁶ Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)-КПСС (1932-1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937-1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007. С. 42-43; Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 119; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 90.
- ⁷ Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 119; Российский государственный архив социально-политической истории (далее - «РГАСПИ»). Ф. 73. Оп. 2. Д. 27. Л. 51; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 29; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 252-253.
- ⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2866. Л. 1-5, 7, 12-20.
- ⁹ Там же. Д. 1587. Л. 1, 5-6, 46 об., 57, 59, 61, 63; Оп. 8. Д. 13. Л. 1; Оп. 10. Д. 16. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Оп. 9. Д. 17. Л. 289; Ф. 2210. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 17-18, 23.
- ¹¹ Там же. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1587. Л. 62.
- ¹² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 96. Л. 15.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Д. 120. Л. 48.
- ¹⁵ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)-КПСС и председатели облисполкома. 1934-1991: биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 97-100; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 82; Оп. 20. Д. 368. Л. 1; Оп. 63. Д. 279. Л. 8-9.
- ¹⁶ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 672; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 17. Л. 128; Оп. 13. Д. 13. Л. 164.
- ¹⁸ Там же. Оп. 12. Д. 5. Л. 149.
- ¹⁹ Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культовые практики местной номенклатуры до большого террора // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 1(6). С. 16-17; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 100.
- ²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 6866. Л. 1-1 об., 7-7 об.; Оп. 12. Д. 1. Л. 118 об.
- ²¹ Там же. Оп. 12. Д. 12. Л. 35.
- ²² Там же. Оп. 20. Д. 6866. Л. 7.
- ²³ Там же. Оп. 22. Д. 3433. Л. 1, 19; Д. 3134. Л. 1, 6, 12; Оп. 20. Д. 2866. Л. 1, 4-5, 21; Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 42-43.

- ²⁴ VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5-16 мая 1928 года: стенографический отчёт. М., 1928. С. 539.
- ²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2866. Л. 16.
- ²⁶ Три столетия «старого соболя». Екатеринбург, 2005. С. 58-60.
- ²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 26, 28, 38, 72, 76, 87.
- ²⁸ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 64, 141, 207.
- ²⁹ Сушков А.В., Яркова Е.И. «Я не враг народа»... С. 111, 115-116, 119, 124, 126; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 66.
- ³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 128-129.

Глава II

- ¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 24-25; Валеев Р.Р., Карманова Е.В., Козлов А.В., Косиков Н.А. Уральская область // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 755.
- ² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 178.
- ³ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 246-247.
- ⁴ Там же. С. 246.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 90-90 об., 92-94, 104-105; Оп. 15. Д. 3. Л. 37, 109, 143—144; Д. 4. Л. 26; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 223-224, 232-234, 265.
- ⁶ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 36.
- ⁷ Скотт Д. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск, 1991. С. 288.
- ⁸ Там же. С. 190-191, 290-291.
- ⁹ Там же. С. 184-185, 192-195, 286-287, 289-291.
Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш: История и судьбы. 1933-2003. Екатеринбург, 2003. С. 83-84; Агеев С. «Замечательный завод, какая база индустриализации!» Советские вожди на Уралмашзаводе в 1930-е годы // Веси. 2015. № 9. Прил. С. 20-21.
- ¹¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 299. Л. 28; Д. 436. Л. 43-44, 63-66, 88 об. Здесь и далее листы в делах фонда № 236 «Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области, г. Свердловск» пронумерованы в обратном порядке. В последующем дела будут перенумерованы в соответствии с современными требованиями к их оформлению.

- ¹² Устьянцев С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 1. Уральский вагоностроительный завод. Нижний Тагил, 2009. С. 180-187.
- ¹³ Титов К.В., Шубин А.С. Экономика, элита и террор (репрессии 1936-1937 гг. как борьба за эффективность экономики) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. Пермь, 2003. С. 154-157.
- ¹⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 190, 193; Гагарин А.А. Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900-1941 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2009. С. 151-152, 180.
- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 58, 77, 108, 148; Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 41.
- ¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 33 об.; Д. 3. Л. 61.
- ¹⁷ В отредактированном варианте стенограммы этот фрагмент в выступлении И.Д. Кабакова сформулирован следующим образом: «Уралмашзавод при выполнении заказа на агломерационные машины отлил 1600 шт. бракованных колосников» (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 12. Д. 1. Л. 13 об.).
- ¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 61-62; Д. 1. Л. 13 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 56-57.
- ²⁰ Там же. Д. 5. Л. 46; Галигузов И.Ф., Калинин Е.А., Каюкин Л.Д. Ломинадзе Виссарион Виссарионович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 781-782; Ломинадзе С. Страницы детства // Дружба народов. 1999. № 8. С. 159-165.
- ²¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 276; Д. 104. Л. 204; Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 37-38; Оп. 15. Д. 2. Л. 117, 202; Д. 3. Л. 41.
- ²² Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 82, 84.
- ²³ Там же. Л. 82.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1000. Л. 40-41.

Глава III

- ¹ Демонстрация беспредельной преданности великому Сталину: открытие XIV-ой городской партийной конференции // Тагильский рабочий. 1937. 5 января.
- ² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 4. Л. 52.
- ³ Там же. Л. 168.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 30. Д. 20. Л. 1-8, 10-13, 16-17; ЦДООСО. Ф. 4.

- Оп. 12. Д. 1. Л. 64 об., 70 об.; Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 203; Погорельцев Г. Рудник имени Кабакова // Магнитогорский рабочий. 2011. 18 февраля.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 137-138.
- ⁶ Там же. Оп. 12. Д. 1. Л. 46 об., 118-118 об.
- ⁷ Там же. Оп. 15. Д. 3. Л. 164-165.
- ⁸ Там же. Оп. 24. Д. 1888. Л. 18.
- ⁹ Там же. Оп. 15. Д. 3. Л. 124.
- ¹⁰ Там же. Л. 176.
- ¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 1. Л. 22 об.
- ¹² Там же. Л. 44 об.
- ¹³ Там же. Л. 51 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 99 об.; Д. 38. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 51,56 об., 62 об., 66 об., 68 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 43 об., 45 об., 51, 52, 56-56 об., 65, 87 об., 93 об., 107 об., 108.
- ¹⁷ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 68.
- ¹⁸ Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 487.
- ¹⁹ ЦДООСО. Ф.4.Оп. 15.Д.26.Л.69; Д.4.Л.7; Колдушко А.А. «Каждый раз в новом галстук...!» Культовые практики региональной номенклатуры в 1930-е годы // Наукові праці вторичного факультету Запорізького державного університету. Вин. XX . Політична еліта в історії України. Запоріжжя, 2008. С. 234.
- ²⁰ Колдушко А.А. «Каждый раз в новом галстук...!»... С. 234, ЦДО ОСО Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 214; Д. 4. Л. 41, 84.
- ²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 138.

Глава IV

- ¹ Кулаков Н. Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 2 марта; Килина А. Дача для товарища Кабакова: факты и легенды // Веси. 2014. №8. С. 48-55.
- ² ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 163-164, 226.
- ³ Кулаков Н. Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 4 марта.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Давыдовская М. Забвение красоты // Красное знамя. 1 июля.

- ⁸ Там же; Кулаков Н. Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 4 марта.
- ⁹ Кулаков Н. Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 4 марта.
- ¹⁰ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 210.
- ¹¹ Кулаков Н. Кабаковская дача // Красное знамя. 1993. 2 марта.
- ¹² Там же; Килина А. Дача для товарища Кабакова... С. 48.
- ¹³ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 76; Ф. 116. Оп. 2. Д. 1020. Л. 17 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 32. Л. 36, 55, 64.
- ¹⁵ Там же. Л. 47, 82, 86, 245.
- ¹⁶ Там же. Л. 73, 245-246.
- ¹⁷ Там же. Л. 7-8, 85-86, 95, 233, 245.
- ¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 5. Л. 107-108, 112; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 123.
- ¹⁹ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 101.
- ²⁰ Там же. Л. 51-53, 93-94.
- ²¹ Там же. Л. 91.
- ²² Там же. Л. 78.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 91-92.
- ²⁵ Там же. Л. 89.
- ²⁶ Там же. Л. 82.
- ²⁷ Там же. Л. 84-85.
- ²⁸ Там же. Л. 85.
- ²⁹ Там же. Л. 90.
- ³⁰ Там же. Л. 88-89.
- ³¹ Там же. Л. 179, 239.
- ³² Там же. Л. 38, 69, 111, 150-151, 198.
- ³³ Там же. Л. 208.
- ³⁴ Там же. Л. 34, 62, 79-80, 83, 94, 169-170.
- ³⁵ Там же. Л. 19-20, 33-34, 59, 80, 85-87, 184.
- ³⁶ Там же. Л. 116-117, 138-143, 163, 171-185, 207.
- ³⁷ Там же. Д. 32. Л. 244.
- ³⁸ Там же. Л. 148-151, 206-208.
- ³⁹ Там же. Д. 31. Л. 302 об.– 303 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 359.
- ⁴¹ Там же. Л. 358-359; Д. 31а. Л. 251.
- ⁴² Там же. Л. 18-19, 248.

- ⁴³ Там же. Л. 262-264.
⁴⁴ Там же. Л. 355.
⁴⁵ Там же. Л. 269-270, 365-366.
⁴⁶ Там же. Л. 246, 300, 346; Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 26-27.
⁴⁷ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 354.
⁴⁸ Там же. Л. 152, 187-187 об., 302 об., 344; Д. 31а. Л. 270.
⁴⁹ Там же. Д. 31. Л. 249.
⁵⁰ Там же. Л. 262, 345; Д. 31а. Л. 270.
⁵¹ Там же. Д. 31. Л. 23, 156, 309 об.; Д. 31а. Л. 271 об.
⁵² Там же. Д. 31а. Л. 17.
⁵³ Там же. Д. 31. Л. 226, 247; Д. 31а. Л. 242-242 об.
⁵⁴ Там же. Д. 31. Л. 172-172 об., 246, 261.
⁵⁵ Там же. Л. 172.
⁵⁶ Там же. Л. 245.
⁵⁷ Там же. Л. 125.
⁵⁸ Там же. Л. 302 об.
⁵⁹ Там же. Л. 204-204 об.
⁶⁰ Там же. Л. 175 об.
⁶¹ Там же. Л. 167, 176.
⁶² Там же. Л. 164 об., 165 об.
⁶³ Там же. Л. 164.
⁸⁴ Там же. Л. 164 об., 175-176 об.
⁶⁵ Там же. Л. 176-176 об.
⁶⁶ Там же. Л. 176 об.
⁶⁷ Там же. Л. 167.
⁶⁸ Там же. Л. 165-166 об.; Д. 31а. Л. 278 об.
⁶⁹ Там же. Д. 31. Л. 165; Д. 31а. Л. 81-85.
⁷⁰ Там же. Д. 31. Л. 176.
⁷¹ Там же. Д. 31а. Л. 230 об.
⁷² Там же. Л. 275.
⁷³ Там же. Д. 29. Л. 99, 101-102, 104; Д. 35. Л. 170.
⁷⁴ Там же. Д. 29. Л. 56, 100.
⁷⁵ Там же. Л. 36.
⁷⁶ Там же. Л. 29.
⁷⁷ Там же. Л. 63, 78, 82, 104.
⁷⁸ Там же. Л. 57-58.
⁷⁹ Там же. Д. 35. Л. 107, 148.

- 80 Там же. Л. 105, 107.
- 81 Там же. Л. 107, 143-144.
- 82 Там же. Л. 140, 147-148.
- 83 Там же. Д. 29. Л. 129; Д. 35. Л. 148.
- 84 Там же. Д. 35. Л. 147.
- 85 Баранов Е.Ю. Факторы и индикаторы продовольственных кризисов на Урале в период форсированной индустриализации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.: материалы XII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 319— 324; Он же. Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР (на материалах Урала) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 1. С. 1-16.
- 86 ЦДОСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 100-101, 203.
- 87 Там же. Л. 202-203.
- 88 Там же. Л. 41, 97, 193-194, 222.
- 89 Там же. Л. 193.
- 90 Там же. Л. 97.
- 91 Там же. Д. 28а. Л. 278.
- 92 Там же. Д. 28. Л. 198-199.
- 93 Там же. Л. 98-99, 197.
- 94 Там же. Л. 38, 196-197.
- 95 Там же. Л. 98-99.
- 96 Там же. Л. 37.
- 97 Там же. Д. 35. Л. 243-244.
- 98 Там же. Д. 32. Л. 62, 197-198, 251-252.
- 99 Там же. Л. 250-251.
- 100 Там же. Л. 57, 209.
- 101 Там же. Л. 199.
- 102 Там же. Л. 76-77.
- 103 Там же. Л. 250-251.
- 104 Там же. Л. 217, 250.
- 105 Там же. Л. 53,55,68, 207, 209, 214, 250.
- 106 Там же. Л. 244.
- 107 Там же. Л. 34.
- 108 Там же. Л. 249.
- 109 Там же. Д. 31. Л. 208, 252, 258, 267, 310-311, 318.
- 110 Там же. Л. 318.

- ¹¹¹ Там же. Л. 8-15, 252-253.
¹¹² Там же. Л. 15.
¹¹³ Там же. Л. 289-290.
¹¹⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 7-8, 18-19, 24 об.
¹¹⁵ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 226 об.
¹¹⁶ Там же. Л. 225.
¹¹⁷ Там же. Л. 289.
¹¹⁸ Там же. Л. 290.
¹¹⁹ Там же. Л. 251-252, 288.
¹²⁰ Там же. Л. 256-256 об., 316-317.
¹²¹ Там же. Л. 300.
¹²² Там же. Д. 29. Л. 101, 111, 129.
¹²³ Там же. Л. 66, 101, 111, 129.
¹²⁴ Там же. Л. 55, 101, 111.
¹²⁵ Там же. Л. 102, 112.
¹²⁶ Там же.
¹²⁷ Там же. Д. 35. Л. 182, 211, 213-214.
¹²⁸ Там же. Л. 214.
¹²⁹ Там же. Л. 80-81, 215.
¹³⁰ Там же. Л. 78-79.
¹³¹ Там же. Л. 79-80.
¹³² Там же. Л. 39-40.
¹³³ Там же. Л. 294-294 об.
¹³⁴ Там же. Л. 5-10, 12-16, 123-124, 133, 175, 202-203.
¹³⁵ Там же. Л. 10.
¹³⁶ Там же. Л. 219-220, 235-236.
¹³⁷ Там же. Л. 217-218, 233-235.
¹³⁸ Там же. Л. 263-264, 269-270.
¹³⁹ Там же. Л. 20-21, 127.
¹⁴⁰ Там же. Л. 28-36, 215.
¹⁴¹ Там же. Л. 25-28, 109, 119, 121, 179.
¹⁴² Там же. Л. 19-25, 30-31, 117-119, 150-151, 172-173.
¹⁴³ Там же. Л. 64-65, 149-150.
¹⁴⁴ Там же. Л. 66-68.
¹⁴⁵ Там же. Л. 64, 149-150.
¹⁴⁶ Там же. Л. 78.
¹⁴⁷ Там же.

- 148 Там же. Л. 63, 70-77.
149 Там же. Д. 119. Л. 120-122, 140-141, 145, 153-154, 160-162.
150 Там же. Л. 114, 117, 120-122, 142-143, 152-153.
151 Там же. Л. 135-137, 151, 155.
152 Там же. Л. 155.
153 Там же. Д. 100. Л. 24-25; Оп. 2. Д. 181. Л. 1-10.
154 Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 24.
155 Там же. Д. 32. Л. 226-228.
156 Там же. Л. 203-212.
157 Там же. Л. 236-241.
158 Там же. Л. 100-100 об.
159 Там же. Д. 31. Л. 255-258, 368.
160 Там же. Л. 319.
161 Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 22; Оп. 20. Д. 654. Л. 1-2.
162 Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 35. Л. 276.
163 Там же. Л. 274-275, 285-286; Д. 29. Л. 123-124.
164 Там же. Д. 32. Л. 224.
165 Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 351. Л. 1-16, 85-87.
166 Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 219.
167 Там же. Л. 58-62, 130-136, 180-187, 212-217, 237-242.
168 Там же. Д. 28а. Л. 270, 319-319 об.; Д. 299. Л. 93; Д. 430. Л. 60-60 об., 94, 97-98, 105, 153-158.
169 Там же. Д. 28а. Л. 269-275.
170 Там же. Д. 29. Л. 34-36.
171 Там же. Д. 31. Л. 172 об.-173.
172 Там же. Д. 35. Л. 186-189.
173 Там же. Д. 299. Л. 96.
174 Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 167.
175 Там же. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1714. Л. 11; Д. 584. Л. 2.
176 Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 335. Л. 459.
177 Там же. Д. 505. Л. 24.
178 Там же. Л. 25-29; Д. 28. Л. 217-218.
179 Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 46.
180 Там же. Л. 43-45.
181 Там же. Оп. 13. Д. 40. Л. 11, 15, 90-91; Оп. 15. Д. 1. Л. 38-40.
182 Там же. Оп. 15. Д. 1. Л. 40-42, 51; Д. 2. Л. 123-125; Д. 44. Л. 14; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 109, 123.
183 Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 78.

- 184 Там же. Л. 119,122.
185 Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 430. Л. 202-204.
186 Там же. Л. 202.
187 Там же. Д. 335. Л. 57, 459.
188 Там же. Л. 278.
189 Там же. Л. 454-455; Оп. 2. Д. 527. Л. 217-217 об.
190 Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 454; Оп. 2. Д. 527. Л. 216,223.
191 Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 51.
192 Там же. Л. 56, 456.
193 Там же. Л. 57-57 об., 458.
194 Там же. Л. 54-55 об.
195 Там же. Л. 53-54 об.; Алексеев П. Вытравить гниль на горе Высокой //Тагильский рабочий. 1937. 14 апреля.
196 ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 335. Л. 56-57 об.
197 Там же. Л. 55, 457.
198 Там же. Л. 456.
199 Там же. Л. 461, 463-464.
200 Там же. Л. 56.
201 Там же. Л. 434, 460.
202 Там же. Л. 461-462.
203 Там же. Л. 56, 460.
204 Там же. Оп. 2. Д. 527. Л. 85-86, 245.
205 Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 158 об.-160, 173-175, 194-196; Оп. 2. Д. 527. Л. 86.
206 Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 78 об.-80,113; Оп. 2. Д. 527. Л. 3-5.
207 Там же. Оп. 2. Д. 527. Л. 5; Оп. 1. Д. 436. Л. 56, 63, 69.
208 Там же. Оп. 1. Д. 436. Л. 44, 53, 61.
209 Там же. Л. 54, 57, 69.
210 Смирнов. Безнаказанно задерживают зарплату // Правда. 1934. 28 мая.
211 ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 335. Л. 456-457.
212 Там же. Д. 237. Л. 148, 162-163.
213 Там же. Л. 141, 162; Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 96-98.
214 ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 237. Л. 119, 153-159.
215 Там же. Оп. 2. Д. 693. Л. 134-136; Оп. 1. Д. 321. Л. 42,57, 169-170.
216 Там же. Оп. 2. Д. 693. Л. 137; Оп. 1. Д. 321. Л. 15, 30, 58, 82, 150, 164-166, 194.

- 217 Там же. Оп. 2. Д. 693. Л. 135-136; Оп. 1. Д. 321. Л. 4, 170.
218 Там же. Оп. 1. Д. 321. Л. 54-55, 89, 98-101.
219 Там же. Д. 359. Л. 230.
220 Там же. Л. 176-177.
221 Там же. Л. 182-183, 186-187а, 227-230, 233-234.
222 Там же. Л. 181-182, 187а.
223 Там же. Л. 178-181, 227.
224 Там же. Л. 171-172, 177, 215.
225 Там же. Л. 174, 177.
226 Там же. Л. 218.
227 Там же. Л. 233.
228 Там же. Д. 356. Л. 151-152; Шкерин В.А. Политика против экономики: реалии сталинской индустриализации на примере становления Уральского турбинного завода // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Вып. 18. Екатеринбург, 2018. С. 163-164; Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш... С. 22.
229 ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 356. Л. 149-150.
230 Там же. Л. 133, 148.
231 Там же. Л. 135-137.
232 Там же. Л. 132, 141.
233 Там же. Л. 132, 143-144, 147-148.
234 Там же. Л. 141-144.
235 Там же. Л. 142-143.
236 Там же. Л. 120.
237 Там же. Л. 111.
238 Там же. Д. 344. Л. 445-446, 506; Скот Н. Фигаро из Санстроля // Уральский рабочий. 1936. 8 сентября.
239 ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 299. Л. 7; Д. 344. Л. 463-464, 504.
240 Там же. Д. 344. Л. 14, 308, 313, 453, 461.
241 Там же. Л. 446, 454-457, 483, 490, 508.
242 Там же. Л. 313, 445-464, 505-511.
243 Там же. Л. 65-66, 303, 382.
244 Там же. Л. 326.
245 Там же. Л. 326-329.
246 Там же. Л. 325, 369, 450-453.
247 Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 117-118.
248 Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31. Л. 172 об.-173; Д. 31а. Л. 232.

- ²⁴⁹ Там же. Д. 31. Л. 172 об.; Д. 35. Л. 82, 95-98.
- ²⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 309. Л. 25; Оп. 21. Д. 627. Л. 88.
- ²⁵¹ Там же. Оп. 21. Д. 627. Л. 11, 25-27, 34-36, 40-41.
- ²⁵² Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 388-394; Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Н.П. Лобачевского. 2013. № 4. С. 128-134; Она же. «Вот если бы вы, Иосиф Виссарионович, сейчас упали и разбились...»: особенности отношения современников к Сталину // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 1. Ч. I. Самара, 2013. С. 78-91; Она же. Образ светлого будущего: официальная советская риторика и народная молва в 1930-е годы // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: X Колосницинские чтения: материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2015. С. 21-28; Поршнева О.С., Даренская И.В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928-1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 101-109; Раннесоветское общество как социальный проект, 1917-1930-е годы. В 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 280-288.
- ²⁵³ Преступники с партийным билетом в кармане // Правда. 1934. 16 апреля; Начался процесс Киевского облхозо // Правда. 1934. 28 мая.
- ²⁵⁴ Козлов. Гнездо взяточников и растратчиков // Правда. 1934. 9 июля; Постановление бюро Комиссии партийного контроля по делу хозо Западно-Сибирского крайисполкома // Правда. 1934. 12 сентября.
- ²⁵⁵ Пухов К. Астраханские перерожденцы // Правда. 1934. 4 июля; Он же. Пора оздоровить партийную организацию Астрахани // Правда. 1934. 10 июля.
- ²⁵⁶ О Пензенской организации. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1934. 15 августа; Виновников преступлений и злоупотребления властью — к судебной ответственности! // Правда. 1934. 24 августа; Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952: Каталог. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 559.
- ²⁵⁷ Анохин. Касса Енакиевского завода в опасности // Правда. 1934. июля; Ощепков. Жулики в отделе рабочего снабжения Челябинского тракторного // Правда. 1934. 14 июля; Шварцштейн. Автомобили за взятку // Правда. 1934. 2 августа; Отличительная

черта большевика – бдительность и скромность // Правда. 1934. 14 августа; Снято руководство Новороссийского горкома партии // Правда. 1934. 10 сентября; Дело работников ОРС Горьковского автозавода // Правда. 1934. 11 сентября; и др.

²⁵⁸ Ярославский Е. За коммунистическую нравственность // Правда. 1934. 8 сентября.

²⁵⁹ Отличительная черта большевика – бдительность и скромность // Правда. 1934. 14 августа.

Глава V

¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 15.

² ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 48-90, 508; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 7, 15-16.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 56.

⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 676. Л. 271; Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 43; Бухарин К. Дела горсоветские // Уральский рабочий. 1937. 14 апреля.

⁵ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 40-41.

⁶ Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник / сост. Ю.В. Горячев. М., 2005. С. 196; XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 681; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 676. Л. 270-272.

⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 54-58; Оп. 1. Д. 676. Л. 272-274.

⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 27. Л. 12.

⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 209.

¹⁰ Там же. Д. 105. Л. 153-154, 169; Бухарин К. Дела горсоветские.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 82; Д. 154. Л. 34-35; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 63; Кругов М. Свердловский горком «извлекает уроки» // Правда. 1937. 3 марта.

¹² Под знаком самокритики и связи с массами! // Правда. 1937. 6 марта; Перестройка партийно-политической работы // Правда. 1937. 11 марта.

¹³ Бухарин К. Дела горсоветские.

¹⁴ Там же; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 50. Л. 51; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 82-83; Д. 104. Л. 160; Ф. 295. Оп. 1. Д. 80. Л. 32-33, 35.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 126.

¹⁶ Там же. Д. 105. Л. 283.

Глава VI

- ¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 329-331.
- ² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 15-16; Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы: резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова, принятая 27 февраля 1937 года // Правда. 1937. 6 марта; Под знаком самокритики...; Не ущемлять прав члена партии! // Правда. 1937. 7 марта; Сущность большевистского руководства // Правда. 1937. 9 марта; Политически воспитать кадры, овладеть большевизмом // Правда. 1937. 10 марта; Неуклонно осуществлять решения пленума ЦК ВКП(б) // Правда. 1937. 17 марта; Об итогах пленума Центрального комитета ВКП(б): постановление XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) от 20 марта 1937 года // Уральский рабочий. 1937. 22 марта.
- ³ Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто?.. С. 18-19, 22; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 62; Д. 3. Л. 28.
- ⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 455. Л. 2,10,15 об.; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 198; Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш... С. 173.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 14-20,92-144,160-183,195-207.
- ⁶ Там же. Л. 201-202.
- ⁷ Там же. Д. 4. Л. 8-14.
- ⁸ Там же. Л. 15-16.
- ⁹ Там же. Д. 3. Л. 57.
- ¹⁰ Там же. Л. 11, 58.
- ¹¹ Там же. Д. 5. Л. 150.
- ¹² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 195; Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 111.
- ¹³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 91, 100.
- ¹⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 13. Д. 34. Л. 15-16; Д. 36. Л. 72.
- ¹⁵ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее - ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20736. . . Л. 115-116, 122.
- ¹⁶ Там же. Л. 116.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 265.
- ¹⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20736. Т. 1. Л. 129, 134.
- ¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 3. Л. 31, 149; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 145-148

- ²⁰ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 107, 117-118, 132, 141, 211-213; Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 118.
- ²¹ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 36.
- ²² Там же. Оп. 1. Д. 694. Л. 3-15, 84; Оп. 6. Д. 154. Л. 31-32; Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 214; Собрание актива партийной организации Свердловска // Правда. 1937. 28 марта.
- ²³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 27.
- ²⁴ Там же. Д. 107. Л. 49.
- ²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 694. Л. 24, 59, 88-88 об., 93.
- ²⁶ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 215; Ф. 161. Оп. 1. Д. 374. Л. 96- 110, 183.
- ²⁷ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 32.
- ²⁸ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 70. Л. 69, 72-74, 78-82, 86.
- ²⁹ Там же. Л. 84-87.
- ³⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 83. Л. 17 об.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 70. Л. 89, 91.
- ³³ Там же. Д. 79. Л. 215; Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 70. Л. 89-90; Д. 79. Л. 428.
- ³⁵ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 22-23, 27, 72, 78, 307; Д. 105. Л. 13, 66-67, 258; Д. 154. Л. 10, 32; Ф. 4. Оп. 23. Д. 384. Л. 3 об., 21.
- ³⁶ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 10, 31-33; Д. 105. Л. 41-43; Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 231.
- ³⁷ Собрание актива партийной организации Свердловска.
- ³⁸ ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 4-5, 8, 10, 14-15, 26, 30-33, 38-42, 50, 55-56, 71-72, 78, 83, 86-87.
- ³⁹ Там же. Л. 95.
- ⁴⁰ Там же. Л. 58, 81-82, 535-536; Д. 80. Л. 44; Д. 82. Л. 18-19; Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 11-12.
- ⁴¹ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 95.
- ⁴² Там же. Л. 101-102.
- ⁴³ Там же. Л. 151-152, 239.
- ⁴⁴ Там же. Л. 117-118, 212; Ф. 4. Оп. 14. Д. 83. Л. 17 об.; Д. 85. Л. 114.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 165, 169.
- ⁴⁶ Там же. Л. 210-216.
- ⁴⁷ Там же. Л. 218, 222.
- ⁴⁸ Там же. Л. 218, 231-233.
- ⁴⁹ Там же. Л. 233-236.
- ⁵⁰ Там же. Л. 236-238.

- ⁵¹ Там же. Л. 238-268.
- ⁵² Там же. Л. 269-271.
- ⁵³ Там же. Л. 271.
- ⁵⁴ Там же. Л. 271-272.
- ⁵⁵ Там же. Л. 272, 275, 285, 288.
- ⁵⁶ Там же. Л. 279.
- ⁵⁷ Там же. Д. 70. Л. 94; Д. 82. Л. 1, 24.
- ⁵⁸ Там же. Д. 79. Л. 279-280.
- ⁵⁹ Там же. Л. 284, 300.
- ⁶⁰ Заключительное слово тов. Жданова на пленуме ЦК ВКП(б) 27 февраля 1937 года // Правда. 1937. 11 марта; Порядок выборов партийных органов // Правда. 1937. 21 марта; Об организации выборов парторганов. Всем организациям ВКП(б) // Уральский рабочий. 1937. 22 марта.
- ⁶¹ ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 80. Л. 64.
- ⁶² Там же. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2103. Л. 3-5; Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 461 - 462, 466.
- ⁶³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 11-14; Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 465-468; Д. 80. Л. 52.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 40; Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 473.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 300.
- ⁶⁶ Там же. Л. 304-305.
- ⁶⁷ Там же. Л. 305-306.
- ⁶⁸ Там же. Л. 307-312.
- ⁶⁹ Там же. Л. 306.
- ⁷⁰ Там же. Л. 309-310.
- ⁷¹ Там же. Л. 312.
- ⁷² Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 50. Л. 51.
- ⁷³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 42.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 355-356.
- ⁷⁵ Там же. Л. 363.
- ⁷⁶ Там же. Л. 363-364; Д. 80. Л. 4.
- ⁷⁷ Там же. Д. 79. Л. 365-367; Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 42.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 22. Д. 32. Л. 5 об., 14-16; Оп. 23. Д. 384. Л. 12,21; Ф. 161. Оп. 9. Д. 315. Л. 6 об.-7.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 307, 309.
- ⁸⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С.
- ⁸¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 198.

- ⁸² Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 365-366.
- ⁸³ Там же. Ф. 4. Оп. 13. Д. 73. Л. 36-37; Оп. 14. Д. 53. Л. 102 об.; Оп. 23. Д. 384. Л. 2 об., 13, 19; Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 33.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 365, 367.
- ⁸³ Там же. Л. 367.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 104; Ф. 4. Оп. 63. Д. 1625. Л. 1, 11-12, 17, 19.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 36-42, 168, 191, 193, 305-306, 311; Д. 105. Л. 1-4; Д. 107. Л. 221-222, 419; Ф. 4. Оп. 21. Д. 2103. Л. 9; Оп. 27. Д. 303. Л. 3 об., 6 об.; Ф. 295. Оп. 1. Д. 80. Л. 21, 28, 31-33, 35, 40, 59.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 295. Оп. 1. Д. 79. Л. 387-389.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 23. Д. 1628. Л. 1, 3, 5; Оп. 78. Д. 724. Л. 1, 3-3 об., 4 об.-8.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 306-310; Д. 107. Л. 369-370; Оп. 9. Д. 315. Л. 2-3 об., 7-7 об.; Дублённых В.В. Металлист // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 356.
- ⁹¹ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 10. Л. 233; Оп. 11459. Д. 15; Ф. 58. Оп. 818884. Д. 49.
- ⁹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 55. Л. 33-34.
- ⁹³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 27; Д. 104. Л. 178.
- ⁹⁴ Там же. Д. 106. Л. 54-55.
- ⁹⁵ Там же. Л. 56.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 55. Л. 33-35.
- ⁹⁷ Там же. Д. 26. Л. 63; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 238; Кругов М. Свердловский горком «извлекает уроки».
- ⁹⁸ ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 278. Л. 33-34; Постановления 9 пленума Свердловского областного исполнительного комитета, состоявшегося 11 января 1937 года // Уральский рабочий. 1937. 12 января.
- ⁹⁹ ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 281. Л. 41; Д. 278. Л. 31-34.
- ¹⁰⁰ Внутрипартийная демократия // Правда. 1937. 13 февраля; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 121.
- ¹⁰¹ ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 281. Л. 24, 41-44.
- ¹⁰² Там же. Л. 24-27, 38, 41; Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 132.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 154. Оп. 1. Д. 278. Л. 30-34.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 134. Л. 160, 173; Д. 154. Л. 131-133; Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 121-122.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 133, 144; Д. 105. Л. 173; Ф. 10. Оп. 4. Д. 2919. Л. 8.

- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 133-134.
- ¹⁰⁷ Внутрипартийная демократия // Правда. 1937. 13 февраля.
- ¹⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 44. Л. И; Внутрипартийная демократия // Уральский рабочий. 1937. 14 февраля; Внутрипартийная демократия // Тагильский рабочий. 1937. 16 февраля; Постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) и бюро Свердловского горкома ВКП(б) по передовой «Правды» от 13 февраля «Внутрипартийная демократия» // Уральский рабочий. 1937. 14 февраля.
- ¹⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 130; Д. 105. Л. 172-173.
- ¹¹⁰ Кругов М. Свердловский горком «извлекает уроки»; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 187; Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 178-179.
- ¹¹¹ Заключительное слово тов. Жданова на пленуме ЦК ВКП(б)...; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 14—15.
- ¹¹² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 12.
- ¹¹³ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 13.
- ¹¹⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 130-133.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 134-135; Собрание актива Свердловской городской организации ВКП(б) // Уральский рабочий. 1937. 28 марта.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 27. Л. 39.
- ¹¹⁷ ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 2919. Л. 1-6, 8 об., -13; Собрание актива партийной организации Свердловска.
- ¹¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2866. Л. 3.
- ¹¹⁹ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 69, 76-77; Оп. 22. Д. 723. Л. 1 об.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 33.
- ¹²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 3. Л. 106-107; Д. 4. Л. 3-4.
- ¹²² Там же. Д. 26. Л. 70, 75-78, 129.
- ¹²³ Там же. Оп. 12. Д. 1. Л. 1-1 об.; Д. 5. Л. 152.
- ¹²⁴ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 34.
- ¹²⁵ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28а. Л. 283-309, 318; Д. 299. Л. 96, 111-117.
- ¹²⁶ Скотт Д. За Уралом... С. 192-193.
- ¹²⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33604. Л. 1, 99.
- ¹²⁸ Там же. Д. 25884. Т. 1. Л. 210-211.
- ¹²⁹ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / науч. ред. А.А. Чернобаев; авт.-сост. А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М., 2010. С. 209; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 58.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Л. 3; Оп. 3. Д. 987. Л. 62.

¹³¹ Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985. Свердловская область. Документы и материалы / гл. ред. академик РАН В.В. Алексеев. Т. 1. Екатеринбург, 2005. С. 663-668; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачёв, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2000. С. 323.

¹³² Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Глава I. «Кадры решают всё!»</i>	<i>11</i>
<i>Глава II. «Свет и тени» уральской индустрии.....</i>	<i>27</i>
<i>Глава III. «Любимый вождь уральских большевиков», «главный инженер-строитель социалистического Урала</i>	<i>39</i>
<i>Глава IV. «Империя товарища Кабакова»: привилегированная жизнь партийно-хозяйственной номенклатуры</i>	<i>47</i>
Дачи товарища Кабакова и других товарищей.....	48
Вино, часы, патефоны, автомобили...: материально-бытовые запросы «уральского истеблишмента»	55
Быть у воды, да не напиться?: источники для привилегирован- ной жизни уральской партноменклатуры	80
«...Самоснабжение, пьянство, круговая порука руководящих районных работников приняли огромные размеры».....	96
«...Факты небольшевистского отношения к расходованию государственных средств, особенно по спецфондам, являются не единичными»	101
«За разбазаривание государственных средств и другие злоупотребления»: свердловский партконтроль против коррупцированных чиновников	112
«Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!».....	132
«Всякий, кто покушается на народное добро, в особенности коммунист, это враг советской власти»	160
<i>Глава V. «...Большевика не смогли защитить на конференции!» Выборы парторганов – новые угрозы партийным кланам.....</i>	<i>164</i>
<i>Глава VI. Критика и самокритика в свердловской парторгани- зации, или «Сначала умеете себя критиковать, а потом критикуйте обком!».....</i>	<i>176</i>

И.Д. Кабаков: «Таким критикам мы ответим: будьте в стороне...»	178
«Дело визовского бунтаря» Максима Григорьева	188
И.А. Кормилов: «Где это видано в практике большевиков, когда работники партаппарата через голову руководителей говорят о недостатках работы этого аппарата?!».....	243
«...Святотатство совершил, оскорбляя авторитет и престиж Кабакова»: «дело» директора дефибрёрного завода Романа Кравчука.....	246
«...Сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место!».....	260
Заключение	265
Примечания	271

Научное издание

Андрей Валерьевич Сушков

**ИМПЕРИЯ ТОВАРИЩА КАБАКОВА:
уральская партноменклатура в 1930-е годы**

Рекомендовано к изданию
экспертно-методической комиссией
Центра документации общественных организаций
Свердловской области
(протокол № 11 от 19 сентября 2019 года)

Корректор *Т.А. Качалова*
Компьютерная *Н.С. Глушкова*
вёрстка
Цифровая обработка
фотографий *Е.Н. Григорьева*
Дизайн обложки *А.А. Сагитов*

9785907080843

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 60*90 1/16.
Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ № 10569.

Отпечатано в типографии
ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8(800)300-16-00
www.alfaprint24.ru

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Сфера научных интересов: партийно-государственная система власти СССР, политическая повседневность и управленческие практики партийной номенклатуры советского Урала.

Автор более 500 научных публикаций, среди которых монографии: «Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть» (Екатеринбург, 2009), «Дело “танкового короля” Исаака Зальцмана» (Екатеринбург, 2016), «“Ленинградское дело”: генеральная чистка “колыбели революции”» (Екатеринбург, 2018).

